

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева

ЧАРОДЕЙ

Поэма

Анастасии Цветаевой

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернер – наш чародей,
Наш принц и рыцарь. – Был нам всем он
Среди людей!

В нем было столько изобилий,
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили –
Одну весну.

Один его звонок по зале –
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали
Глаза и лоб.

И как бы шевелились корни
Волос, – о, эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И уже – грудь.

И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.
– Семь раз в течение недели
Такой звонок!

* * *

Он здесь. Наш первый и последний!
И нам принадлежащий весь!
Уже выходит из передней!
Он здесь, он здесь!

Он вылетает к нам, как птица,
И сам влетает в нашу сеть!
И сразу хочется кружиться.

Кричать и петь.

* * *

Прыжками через три ступени

Взбегаем лесенкой крутой

В наш мезонин – всегда весенний

И золотой.

Где невозможный беспорядок –

Где точно разразился гром

Над этим ворохом тетрадок

Еще с пером.

Над этим полчищем шарманок,

Картонных кукол и зверей,

Полубогрызанных баранок,

Календарей,

Неописуемых коробок,

С вещами не на всякий вкус,

Пустых флакончиков без пробок,

Стеклянных бус,

Чьи ослепительные грозди

Clinquantes, éclatantes grappes[1] –

Звенья опутывают гвозди

Для наших шляп.

Садимся – смотрим – знаем – любим,

И чуем, не спуская глаз,

Что за него себя погубим,

А он – за нас.

Два скакуна в огне и в мыле –

Вот мы! – Лови, когда не лень! –

Мы говорим о том, как жили

Вчерашний день.

О том, как бегали по зале

Сегодня ночью при луне,
И что и как ему сказали
Потом во сне.

И как – и мы уже в экстазе! –
За наш непокоримый дух
Начальство наших двух гимназий
Нас гонит двух.

Как никогда не выйдем замуж,
– Так в останемся втроем! –
О, никогда не выйдем замуж,
Скорей умрем!

Как жизнь уже давным-давно нам –
Сукно игорное:–vivat! [2]
За Иоанном–в рай, за доном
Жуаном – в ад.

* * *
Жерло заговорившей Этны –
Его заговоривший рот.
Ответный вихрь и смерч, ответный
Водоворот.

Здесь и проклятья, и осанна,
Здесь все сжигает и горит.
О всем, что в мире несказанно,
Он говорит.

Нас – нам казалось – насмерть раня
Кинжалами зеленых глаз,
Змеей взвиваясь на диване!..
О, сколько раз

С шипеньем раздраженной кобры,
Он клял вселенную и нас, –
И снова становился добрый...

Почти на час.

Чревовещание – девизы –
Витийства – о, король плутов! –
Но нам уже доносят снизу,
Что чай готов.

* * *
Среди пятипудовых теток
Он с виду весит ровно пуд:
Так легок, резок, строен, четок,
Так страшно худ.

Да нет, – он ничего не весит!
Он ангельски – бесплотно – юн!
Его лицо, как юный месяц,
Меж полных лун.

Упершись в руку подбородком,
– О том, как вечера тихи,
Читает он. – Как можно теткам
Читать стихи?!

* * *
О, как он мил, и как сначала
Преувеличенно-учтив!
Как, улыбаясь, прячет жало
И как, скрестив

Свои магические руки,
Умеет – берегись, сосед! –
Любезно отдаваться скуке
Пустых бесед.

Но вдруг – безудержно и сразу! –
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом.

Еще за полсекунды чинный,

Уж с пеной у рта взвел курок.

– Прощай, уют, и именинный,

Прощай, пирог!

* * *

Чай кончен. Удлинились тени,

И домурлыкал самовар.

Скорей на свежий, на весенний

Тверской бульвар!

Нам так довольно о Бодлере!

Пусть ветер веет нам в лицо!

Поют по-гоголевски двери,

Скрипит крыльцо. –

В больших широкополых шляпах

Мы, кажется, еще милей...

– И этот запах, этот запах

От тополей.

Бульвар сверкает. По дорожке

Косые длинные лучи.

Бегут серсо, за ними ножки,

Летят мячи,

Другие остаются в сетках.

Вот мальчик в шапочке «Варяг»

На платьице в шотландских клетках

Направил шаг.

Сияют кудри, щечки, глазки,

Ревун надулся и охрип.

Скрипят колесами коляски,

– Протяжный скрип. –

Там мама наблюдает зорко

За девочкой с косой, как медь.

В одной руке ее – ведро,

В другой – медведь.

Какой-то мальчик просит кашки.
Ох, как он, бедный, не дорос
До гимназической фуражки
И папирос!

О, вейтесь, кудри, вейтесь, ленты!
Увы, обратно нет путей!
Проходят парами студенты
Среди детей.

Играет солнце по аллеям..
– Как жизнь прелестна и проста! –
Нам ровно тридцать лет обеим:
Его лета.

* * *
О, как вас перескажешь ныне –
Четырнадцать – шестнадцать лет!
Идем, наш рыцарь посредине,
Наш свой – поэт.

Мы по бокам, как два привеска,
И видит каждая из нас:
Излом щеки, сухой и резкий,
Зеленый глаз,

Крутое острие бородки,
Как злое острие клинка,
Точеный нос и очерк четкий
Воротничка.

(Кто с нашим рыцарем бродячим
Теперь бредет в луче златом?..)
Над раскаленным, вурдалачьим,
Тяжелым ртом, –

Уса, взлетевшего высоко,
Надменное полукольцо...

– И всё заглядываем сбоку
Ему в лицо.

А там, в полях необозримых,
Служа Небесному Царю,
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю.

* * *
На всём закат пылает алый,
Пылают где-то купола,
Пылают окна нашей залы
И зеркала.

Из черной глубины рояля
Пылают гроздья алых роз.
– «Я рыцарь Розы и Грааля,
Со мной Христос,

Но шел за мной по всем дорогам
Тот, кто присутствует и здесь.
Я между Дьяволом и Богом
Разорван весь.

Две правды – два пути – две силы –
Две бездны: Данте и Бодлер!»
О, как он по-французски, милый,
Картавил «эр».

Но, милый, Данте ты оставишь,
И с ним Бодлера, дорогой!
Тихонько нажимаем клавиш,
За ним другой –

И звуки – роем пчел из улья –
Жужжат и вьются – кто был прав?! –
Наш Рыцарь Розы через стулья
Летит стремглав.

Он, чуть ли не вселенной старше –
Мальчишка с головы до пят!
По первому аккорду марша
Он весь – солдат!

Чу! – Звон трубы! – Чу! – Конский топот!
Треск барабана! – Кивера!
Ах, к черту ум и к черту опыт!
Ура! Ура!

Он Тот, в чьих белых пальцах сжаты
Сердца и судьбы, сжат весь мир.
На нем зеленый и помятый
Простой мундир.

Он Тот, кто у кремлевских башен
Стоял во весь свой малый рост,
В чьи вольные цвета окрашен
Аркольский мост.

* * *
Должно быть, бледны наши лица,
Стук сердца разрывает грудь.
Нет времени остановиться,
Нет сил – вздохнуть.

Магической силой руки
По клавишам – уже летят!
Гремят вскипающие звуки,
Как водопад.

Цирк, раскаленный, как Сахара,
Сонм рыжекудрых королев.
Две гордости земного шара:
Дитя и лев.

Под куполом – как царь в чертоге –
Красуется британский флаг.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Расставив клетчатые ноги,

Упал дурак...

В плаще из разноцветных блесков,
Под говор напряженных струн,
На площадь вылетел подросток,
Как утро – юн!

– Привет, милэди и милорды! –
Уже канат дрожит тугой
Под этой маленькой и твердой
Его ногой.

В своей чешуйке многозвездной,
– Закончив резвый пируэт, –
Он улыбается над бездной,
Подняв берет.

* * *

Рояль умолкнул. Дребезжащий
Откуда-то – на смену – звук.
Играет музыкальный ящик,
Старинный друг,

Весь век до хрипоты, до стопа,
Игравший трио этих пьес:
Марш кукол – Auf der Blauen Donau[3] –
И экосез.

В мир голосов и гобеленов
Открылась тайная тропа:
О, рай златоволосых венков!
О, вальс в три па!

Под вальс невинный, вальс старинный
Танцуют наши три весны, –
Холодным зеркалом гостиной –
Отражены.

Так, залу окружив трикраты,
– Тройной тоскующий тростник, –
Вплываем в царство белых статуй
И старых книг.

На вышке шкафа, сер и пылен,
Видавший лучшие лета,
Угрюмо восседает филин
С лицом кота.

С набитым филином в соседстве
Спит Зевс, тот непонятный дед,
Которым нас пугали в детстве,
Что – людоед.

Как переполненные соты –
Ряд книжных полок. Тронул блик
Пергаментные переплеты
Старинных книг.

* * *
Цвет Греции и слава Рима, –
Неисчислимы тома!
Здесь – сколько б солнца ни внесли мы, –
Всегда зима.

Последним солнцем розовея,
Распахнутый лежит Платон...
Бюст Аполлона – план Музея –
И всё – как сон.

* * *
Уже везде по дому ставни
Захлопываются, стуча.
В гостиной – где пожар недавний? –
Уж ни луча.

Все меньше и все меньше света,
Все ближе и все ближе стук...
Уж половина кабинета

Ослепла вдруг.

Еще единым мутным глазом
Белеет левое окно.
Но ставни стукнули – и разом
Совсем темно.

Самозабвение – нирвана –
Что, фениксы, попались в сеть?! –
На дальних валиках дивана
Не усидеть!

Уже в углу вздохнуло что-то,
И что-то дрогнуло чуть-чуть.
Тихонько скрипнули ворота:
Кому-то в путь.

Иль кто-то держит путь обратный
– Уж наши руки стали льдом –
В замороженный, невозвратный
Наш старый дом.

Мать под землей, отец в Каире..
Еще какое-то пятно!
Уже ничто смешное в мире
Нам не смешно.

Уже мы поняли без слова,
что белое у шкафа – гроб.
И сердце, растеряв подковы,
Летит в галоп.

* * *
– «Есть в мире ночь. Она беззвездна.
Есть в мире дух, он весь – обман.
Есть мир. Ему названье – бездна
И океан.

Кто в этом океане плавал –

Тому обратно нет путей!
Я в нем погиб. – Обратно, дьявол!
Не тронь детей!

А вы, безудержные дети,
С умом, пронзительным, как лед, –
С безумьем всех тысячелетий,
Вы, в ком поет,

И жалуется, и томится –
Вся несказанная земля!
Вы, розы, вы, ручьи, вы, птицы,
Вы, тополя –

Вы, мертвых Лазарей из гроба
Толкающие в зелень лип,
Вы, без кого давным-давно бы
Уже погиб.

Наш мир – до призрачности зыбкий
На трех своих гнилых китах –
О, золотые рыбки! – Скрипки
В моих руках! –

В короткой юбочке нелепой
Несущие богам – миры,
Ко мне прижавшиеся слепо,
Как две сестры,

Вы, чей отец сейчас в Каире,
Чьей матери остыл и след –
Узнайте, вам обеим в мире
Спасенья нет!

Хотите, – я сорву повязку?
Я вам открою новый путь?»
«Нет, – лучше расскажите сказку

Про что-нибудь...»

* * *

О Эллис! – Прелесть, юность, свежесть,

Невинный и волшебный вздор!

Плач ангела! – Зубовный скрежет!

Святой танцор,

Без думы о насущном хлебе

Живущий – чем и как – Бог весть!

Не знаю, есть ли Бог на небе! –

Но, если есть –

Уже сейчас, на этом свете,

Все до единого грехи

Тебе отпущены за эти

Мои стихи.

О Эллис! – Рыцарь без измены!

Сын голубейшей из отчизн!

С тобою раздвигались стены

В иную жизнь...

– Где б ни сомкнулись наши веки

В безлюдии каких пустынь –

Ты – наш и мы – твои. Во веки

Веков. Аминь.

15 февраля – 4 мая 1914

НА КРАСНОМ КОНЕ

Поэма

Анне Ахматовой

И настезь, и настезь

Руки – две.

И навзничь! – Топчи, конный!

Чтоб дух мой, из ребер взыграв – к Тебе,

Не смертной женой – Рожденной!

* * *

Не Муза, не Муза

Над бедною люлькой

Мне пела, за ручку водила.

Не Муза холодные руки мне грела,

Горячие веки студила.

Вихор ото лба отводила – не Муза,

В большие поля уводила – не Муза.

Не Муза, не черные косы, не бусы,

Не басни, – всего два крыла светлорусых

– коротких – над бровью крылатой.

Стан в латах.

Султан.

К устам не клонился,

На сон не крестил.

О сломанной кукле

Со мной не грустил.

Всех птиц моих – на свободу

Пускал – и потом – не жалея шпор,

На красном коне – промеж синих гор

Гремящего ледохода!

* * *

Пожарные! – Широкий крик!

Как зарево широкий – крик!

Пожарные! – Душа горит!

Не наш ли дом горит?!

Сполóшный колокол гремит,

Качай-раскачивай язык,

Сполóшный колокол! – Велик

Пожар! – Душа горит!

Пляша от страшной красоты,

На красных факелов жгуты.

Рукоплещу – кричу – свищу –

Рычу – искры мечу.

Кто вынес? – Кто сквозь гром и чад

Орлом восхитил? – Не очнусь!

Рубашка – длинная – до пят

На мне – и нитка бус.

Вой пламени, стекольный лязг...

У каждого – заместо глаз –

два зарева! – Полет перин!

Горим! Горим! Горим!

Трещи, тысячелетний ларь!

Пылай, накопленная кладь!

Мой дом – над всеми государь,

Мне нечего желать.

– Пожарные! – Крепчай, Петух!

Грянь в раззолоченные лбы!

Чтобы пожар не тух, не тух!

Чтоб рухнули столбы!

Что́ это – вдруг – рухнуло – вдруг?

Это не столб – рухнул!

Бешеный всплеск маленьких рук

В небо – и крик: – Кукла!

Кто это – вслед – скоком гоня

Взор мне метнул – властный?

Кто это – вслед – скоком с коня

Красного – в дом – красный?!

Крик – и перекричавший всех

Крик. – Громовой удар.

Вздымая куклу, как доспех,

Встает, как сам Пожар.

Как Царь меж огненных зыбей

Встает, сдвигает бровь.

– я спас ее тебе, – разбей!

Освободи Любовь!

* * *

Что́ это вдруг – рухнуло? – Нет,
Это не мир – рухнул!
То две руки – конному – вслед
Девочка – без куклы.

Злая луна–в прорезь окон.
Первый мне снится сон.

Стоим, обнявшись туго,
Над шумом, где поток.
Вплоть до ноги упругой
Взлетает пенный клок.

Глядим, обнявшись немо,
На пенные столбы.
Я – все его гаремы,
Он – все мои гербы.

Стоим, сплечившись круто:
Бок в бок, ладонь в ладонь.
Вплоть до ноги разутой
Взмывает пенный конь...

– Клянись, что тотчас – с мосту,
Коль я туда – цветок,
Платок... – Глядит – и – просто
Вниз головой – в поток!

Мост ли дрожит, я ли – дрожу?
Кровь или вал – стонет?
Окаменев – тупо – гляжу,
Как моя жизнь – тонет.

Кто это вдруг – взмахом плаща
В воздух меня – вскинул?
Кто это вдруг – красным всплеща

Всплеск – и победоносный зов
Из бездны. – Плавный вскок.
Подъемля тело как улов,
Встает как сам Поток.

Как Царь меж вздыбленных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
– Я спас его тебе, – убей!
Освободи Любовь!

Что́ это вдруг – ринулось – нет! –
Это не смерч-вьюга!
То две руки – конному – вслед
Девушка – без – друга!

Мутная мгла – в прорезь окон.
Новый мне снится сон.

Ночь гонится – а путь таков:
Кровь в жилах сжата.
Сын! Детище моих боков, –
Веди, вожатый!

Мужайся, отрок! – Дух Горы
Один – нас двое.
Здесь только зори да орлы,
Да мы с тобою.

Вихрь! – Боги бы вернулись вспять,
Орлам он страшен...
Ввысь, первенец! – За пядью пядь –
Ввысь будет нашей!

На то и сына родила,
Прах дольний глѡжа –
Чтоб из-под орльего крыла

Мне взял – гром Божий!

Черная высь. – Голый отвес.

Маленьких рук – стержни.

Кто это там – точно Зевес

В люльке – орла держит?

Смех – и в ответ – яростный плеск

Крыл – и когтей свёрла.

Кто это вслед – наперерез –

Молнией – в гром орлий?!

Хрип – и громоподобный рёв

Грудь горную рассек.

Как Первенца его воздев,

Встает как сам Набег.

Как царь меж облачных зыбей

Стоит, сдвигает бровь.

– я спас его тебе, – убей!

Освободи любовь!

Чтó это вдруг – хрустнуло – нет! –

Это не сушь-древо.

То две руки – конному – вслед

Женщина – без чрева!

Злая заря – в прорезь окон.

Третий мне снится сон.

* * *

Февраль. Кривые дороги.

В полях – метель.

Метет большие дороги

Ветрów артель.

То вскачь по хребтам наклонным,

То – снова круть.

За красным, за красным конным

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Все тот те путь.

То – вот он! рукой достанешь!
Как дразнит: Тронь!
Безумные руки тянешь,
И снегом – конь.

Султан ли – в глазах – косматый,
Аль так – ветла?
Эй, рук не складайте, сваты!
Мети, ветра!

Мети, громозди пороги –
Превыше скал,
Чтоб конь его крутоногий
Как вкопан – стал.

И внемлют ветра – и стоном
В ответ на стон.
Торопится красным гоном
Мой конный сон.

Косматых воскрылий взлеты,
Аль так – ветла?
Вздымайте, вздымайте метлы!
Держись, ветра!

А что ж это там за глыба
Всплывает – там?
Как будто бы вьюгой вздыблен
Стоглавый храм.

Конец и венец погоне!
Уж в лоб, треща,
Мне пламень подков, в ладони –
Уж край плаща!

На помощь, с мечом и громом,

Всех воинств Царь!

Но прядает конь – и громом

Взгремел в алтарь!

* * *

Стремлю – а за мною сворой

Вся рать ветров.

Еще не остыл – по хорам –

Разлет подков.

Как рокот Сорокоуста

Метель взмелась:

Престол опрокинут! – Пусто!

Как в землю сгас!

Стоните, стоните, стены!

Метель, ярись!

Померкло от конской пены

Сиянье риз.

Шатается купол. – Рухай,

Сонм сил и слав!

И рухает тело – руки

Крестом распяв.

* * *

Огромною битвой радуг –

Разлет лампад.

– Прими меня, чист и сладок,

За ны – распят.

Ревнивая длань, – твой праздник!

Прими огонь!

Но что – с высоты – за всадник,

И что за конь?

Доспехи на нем – как солнце...

– Полет крутой –

И прямо на грудь мне – конской

Встает пятой.

Огненный плащ – в прорезь окон.

Огненный – вскачь – конь.

И не метель

Метет, – метла.

И не султана взмах, –

Ветла,

Седые космы разметав,

Качает стан, – не орлий клюв

Заоблачный, – то нос уткнув

В густое облако котла –

С тряпкой в руках –

Бабка.

И тот же стаканом прикрытый штоф.

Отставит – опять пригубит.

– Какой ж это сон мой? – А сон таков:

Твой Ангел тебя не любит.

Гром первый по черепу – или лом

По черепу?! – Люди! Люди!

В сухую подушку вгрызаясь лбом

Впервые сказать: Не любит!

Не любит! – Не надо мне женских кос!

Не любит! – Не надо мне красных бус!

Не любит! – Так я на коня вздымусь!

Не любит! – Вздымусь – до неба!

О дух моих дедов, взыграй с цепи!

Шатай вековые сосны!

О дух моих дедов – Эол! – трепи

Мои золотые космы!

На белом коне впереди полков

Вперед – под серебряный гром подков!

Посмотрим, посмотрим в бою каков
Гордец на коне на красном!

Разломано небо! – Благой знак:
Заря кровянит шлем мой!
Солдаты! До неба – один шаг:
Законом зерна – в землю!

Вперед – через ров! – Сорвались? – Ряд
Другой – через ров! – Сорвались? – Вновь
Другой – через ров! – На снегу лат
Не знаю: заря? кровь?

Солдаты! Какого врага – бьем?
В груди холодок – жгуч.
И входит, и входит стальным копьем
Под левую грудь – луч.

* * *

И шепот: Такой я тебя желал!
И рокот: Такой я тебя избрал,
Дитя моей страсти – сестра – брат –
Невеста во льду – лат!

Моя и ничья – до конца лет.
Я, руки воздев: Свет!
– Пребудешь? Не будешь ничья, – нет?
Я, рану зажав: Нет.

* * *

Не Муза, не Муза, – не бранные узы
Родства, – не твои путы,
О Дружба! – Не женской рукой, – лютой,
Затянут на мне –
Узел.

Сей страшен союз. – В черноте рва
Лежу – а Восход светел.
О, кто невесомых моих два

Крыла за плечом –

Взвесил?

Немой соглядатай

Живых бурь –

Лежу – и слежу

Тени.

Доколе меня

Не умчит в лазурь

На красном коне –

Мой Гений!

13 – 17 января 1921

ПОЭМА ГОРЫ

Liebster, Dich wundert die Rede? Alle Scheidenden reden wie Trunkene und nehmen gerne sich festlich...

Hölderlin[4]

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вздригнешь–и горы с плеч,

И душа – горé.

Дай мне о гóре спеть:

О моей горé!

Черной ни днесь, ни впредь

Не заткну дыры.

Дай мне о гóре спеть

На верху горы.

1

Та гора была, как грудь

Рекрута, снарядом сваленного.

Та гора хотела губ

Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.

– Океан в ушную раковину

Вдруг–ворвавшимся ура!

Та гора гнала и ратовала.

Та гора была, как гром!

Зря с титанами заигрываем!

Той горы последний дом

Помнишь – на исходе пригорода?

Та гора была – миры!

Бог за мир взывает дорого!

Горе началось с горы.

Та гора была над городом.

2

Не Парнас, не Синай –

Просто голый казарменный

Холм. – Равняйся! Стреляй!

Отчего же глазам моим

(Раз октябрь, а не май)

Та гора была – рай?

3

Как на ладони поданный

Рай – не берись, коль жгуч!

Гора бросалась под ноги

колдобинами круч.

Как бы титана лапами

кустарников и хвой –

Гора хватала за полы,

Приказывала: стой!

О, далеко не азбучный

Рай – сквознякам сквозняк!

Гора валила навзничь нас,

Притягивала: ляг!

Оторопел под натиском,

– как? не понять и днесь!

Гора, как сводня – святости,

Указывала: здесь...

4

Персефоны зерно гранатовое!

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как забыть тебя в стужах зим?

Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зазубринами,
И звезды золотой зубец...

5
Не обман – страсть, и не вымысел,
И не лжет, – только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!

О когда б, здраво и попросту:
Просто – холм, просто – бугор..
(Говорят – тягую к пропасти
Измеряют уровень гор.)

В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой..
(Высота бреда – над уровнем
жизни.)

– На́ те меня! Твой...

Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет – увы!
Оттого что в сей мир явились мы –
Небожителями любви!

6
Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ – непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды

Сбудется – по слезам его.

Еще говорила гора, что табор –
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!

Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком – отпустил Агарь!

Еще говорила, что это – демон
Крутит, что замысла нет в игре.

Гора говорила, мы были немые.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет – что ныне и кровь и зной.

Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!

Гора горевала, что только дымом
Станет – что ныне: и мир, и Рим.

Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.

Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев – долг и страсть.

Гора горевала о нашем горе –
Завтра! Не сразу! Когда над лбом –
Уж не memento, [5] а просто – море!
Завтра, когда пойдем.

Звук... Ну как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?

Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи –

В жизнь, про которую знаем все мы:

Сброд – рынок – барак.

Еще говорила, что все поэмы

Гор – пишутся – так.

8

Та гора была, как горб

Атласа, титана стонущего.

Той горою будет горд

Город, где с утра и до ночи мы

жизнь свою – как карту бьем!

Страстные, не быть упорствуем.

Наравне с медвежьим рвом

И двенадцатью апостолами –

Чтите мой угрюмый грот.

(Грот – была, и волны впрыгивали!)

Той игры последний ход

Помнишь – на исходе пригорода?

Та гора была – миры!

Боги мстят своим подобиям!

.....

Горе началось с горы.

Та гора на мне – надгробием.

9

Минут годы, и вот означенный

Камень, плоским смененный, снят. [6]

Нашу гору застроят дачами, –

Палисадниками стеснят.

Говорят, на таких окраинах

Воздух чище и легче жить.

И пойдут лоскуты выкраивать,

Перекладинами рябить,

Перевалы мои выструнивать,

Все овраги мои вверх дном!

Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь

Дома – в счастье, и счастья в дом!

Счастья – в доме! Любви без вымыслов!

Без вытягивания жил!

Надо женщиной быть – и вынести!

(Было-было, когда ходил,

Счастье – в доме!) Любви, не скрашенной

Ни разлукою, ни ножом.

На развалинах счастья нашего

Город встанет – мужей и жен.

И на том же блаженном воздухе,

– Пока можешь еще – греш! –

Будут лавочки на отдыхе

Пережевывать барыши,

Этажи и ходы надумывать,

Чтобы каждая нитка – в дом!

Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь

Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов

Не забудет гора – игры.

Есть беспутные, нет беспамятных:

Горы времени – у горы!

По упорствующим расселинам

Дачник, поздно хватясь, поймет:

Не пригорок, поросший семьями, –

Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками Везувия

Не сковать! Великана льном

Не связать! Одного безумия

Уст – достаточно, чтобы львом

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Виноградники заворочались,

Лаву ненависти струя.

Будут девками ваши дочери

И поэтами – сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!

Сын, цыганкам себя страви!

Да не будет вам места злачного,

Телеса, на моей крови!

Тверже камня краеугольного,

Клятвой смертника на одре:

– Да не будет вам счастья дольного,

Муравьи, на моей горе!

В час неведомый, в срок негаданный

Опознаете всей семьей

Непомерную и громадную

Гору заповеди седьмой!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть пробелы в памяти, бельма

На глазах: семь покрывал...

Я не помню тебя – отдельно.

Вместо черт – белый провал.

Без примет. Белым пробелом –

весь. (Душа, в ранах сплошных,

Рана – сплошь.) Частности мелом

Отмечать – Дело портных.

Небосвод – цельным основан.

Океан – скопище брызг?!

Без примет. Верно – особый –

весь. Любовь – связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти –

Пусть сосед скажет: он зряч.

Разве страсть – целит на части?

Часовщик я, или врач?

Ты – как круг, полный и цельный:

Цельный вихрь, полный столбняк.

я не помню тебя отдельно

От любви. Равенства знак.

(В ворохах сонного пуха:

Водопад, пены холмы –

Новизной, странной для слуха,

Вместо: я – тронное: мы...)

Но зато, в нищей и тесной

Жизни – «жизнь, как она есть» –

я не вижу тебя совместно

Ни с одной:

– Памяти мечь.

1 января – 1 февраля 1924

Прага. Гора.

Декабрь 1939. Голицыно, Дом писателей

ПОЭМА КОНЦА

1

В небе, ржавее жести,

Перст столба.

Встал на означенном месте,

Как судьба.

– Бёз четверти. Исправен?

– Смерть не ждёт.

Преувеличенно-плавен

Шляпы взлет.

В каждой реснице – вызов.

Рот сведен.

Преувеличенно-низок

Был поклон.

– Бёз четверти. Точен? –

Голос лгал.

Сердце упало: что с ним?

Мозг: сигнал!

* * *

Небо дурных предвестий:

Ржавь и жесьть.

Ждал на обычном месте.

Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:

Губ столбняк.

Так – государыням руку,

Мертвым – так...

Мчащийся простолюдин

Локтем – в бок.

Преувеличенно-нуден

Взвыл гудок.

Взвыл, – как собака, взвизгнул,

Длился, злясь.

(Преувеличенность жизни

В смертный час.)

То, что вчера – по пояс,

Вдруг – до звезд.

(Преувеличенно, то есть:

Во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.

– Час? Седьмой.

В кинематограф, или?.. –

Взрыв – Домой!

2

Братство таборное, –

Вот куда вело!

Гроном на́ голову,

Саблей наголо́,

Всеми ужасами

Слов, которых ждем,

Домом рушащимся –

Слово: дом.

* * *

Заблудшего баловня

Вопль: домой!

Дитя годовалое:

«Дай» и «мой»!

Мой брат по беспутству,

Мой зноб и зной,

Так из дому рвутся,

Как ты – домой!

* * *

Конем, рванувшим коновязь –

Ввысь! – и веревка в прах.

– Но никакого дома ведь!

– Есть, – в десяти шагах:

Дом на горе. – Не выше ли?

– Дом на верху горы.

Окно под самой крышею.

– «Не от одной зари

Горящее?» Так сызнава

Жизнь? – Простота поэм!

Дом, это значит: из дому

В ночь.

(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,

Жуть, зеленее льда?..)

– Вы слишком много думали. –

Задумчивое: – Да.

3

И – набережная. Воды
Держусь, как толщи плотной.

Семирамидины сады
Висячие – так вот вы!

Воды (стальная полоса
Мертвецкого оттенка)
Держусь, как нотного листка –
Певица, края стенки –

Слепец... Обрато не отдашь?
Нет? Наклонюсь – услышишь?
Всеутолительницы жад
Держусь, как края крыши

Лунатик...

Но не от реки
Дрожь, – рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом –

И верен...

Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны –
Ты. Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.
– Нам с вами нужно бы...

(Озноб)

– Мы мужественны будем?

4

Тумана белокурого
Волна – воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное – насказано!

Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.

Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное – насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.

(Вполоборота: это вот –
наш дом? – не я хозяйкою!)
Один – над книжкой чековой,
Другой – над ручкой лайковой,
А тот – над ножкой лыковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне – звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное – натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь – не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками

Тряся, тельцы – телятину

Жуют. Над шейкой сахарной

Черт – газовым рожком.

...Коммерческими крахами

И неким порошком –

Бертольда Шварца...

Даровит

Был – и заступник людям.

– Нам с вами нужно говорить.

Мы мужественны будем?

5

Движение губ ловлю.

И знаю – не скажет первым.

– Не любите? – Нет, люблю.

– Не любите! – Но истерзан,

Но выпит, но изведен.

(Орлом озирая местность):

– Помилуйте, это – дом?

– Дом – в сердце моем. – Словесность!

Любовь – это плоть и кровь.

Цвет, собственной кровью полит.

Вы думаете, любовь –

Беседовать через столик?

Часочек – и по домам?

Как те господа и дамы?

Любовь, это значит...

– Храм?

Дитя, замените шрамом

На шраме! – Под взглядом слуг

и бражников? (Я, без звука:

«Любовь – это значит лук

Натянутый – лук: разлука».)

– Любовь, это значит – связь.

Всё врозь у нас: рты и жизни.

(Просила ж тебя: не сглазь!

В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы

И страсти. Memento[7] – паром:

Любовь – это все дары

В костер, – и всегда – задаром!)

Рта раковинная щель

Бледна. Не усмешка – опись.

– И прежде всего одна

Постель.

– Вы хотели: пропасть

Сказать? – Барабанный бой

Перстов. – Не горами двигать!

Любовь, это значит...

– Мой.

Я вас понимаю. Вывод?

* * *

Перстов барабанный бой

Растет. (Эшафот и площадь.)

– Уедем. – А я: умрем,

Надеялась. Это проще!

Достаточно дешевизн:

Рифм, рельс, номеров, вокзалов...

– Любовь, это значит: жизнь.

– Нет, иначе называлось

У древних...

– И так? –

Лоскут

Платка в кулаке, как рыба.

– Так едемте? – Ваш маршрут?

Яд, рельсы, свинец – на выбор!

Смерть – и никаких устройств!
– Жизнь! – Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.

– Тогда простимся.

б
– Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть – это дело тел,
А мы друг для друга – души

Отныне...) – И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода

Вручаете...) – Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице как букет.
Кровавую честь разрыва

Вручающий...) – Внятно: слог
За слогом, итак – простимся,
Сказали вы? (Как платок,
В час сладостного бесчинства.

Уроненный...) – Битвы сей
Вы – Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику – как трофей,
Им отданную же шпагу

Вручать!) – Продолжает. (Звон
В ушах...) – Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. – Вы это каждой?

Не опровергайте! Мечь,

Достойная Ловеласа.

Жест, делающий вам честь,

А мне разводящий мясо

От кости. – Смешок. Сквозь смех –

Смерть. Жест. (Никаких хотений.

Хотеть, это дело – тех,

А мы друг для друга – тени

Отныне...) Последний гвоздь

Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.

– Последнейшая из просьб.

– Прошу. – Никогда ни слова

О нас... Никому из... ну...

Последующих. (С носилок

Так раненые – в весну!)

– О том же и вас просила б.

Колечко на память дать?

– Нет. – Взгляд, широко-разверстый,

Отсутствует. (Как печать

На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!

Съем.) Вкрадчивее и тише:

– Но книгу тебе? – Как всем?

Нет, вовсе их не пишете,

Книг...

* * *

Значит, не надо.

Значит, не надо.

Плакать не надо.

В наших бродячих

Братствах рыбачьих

Пляшут – не плачут.

Пьют, а не плачут.

Кровью горячей

Платят – не плачут.

Жемчуг в стакане

Плавят – и миром

Правят – не плачут.

– Так я уйду? – Насквозь

Гляжу. Арлекин, за верность,

Пьеретте своей – как кость

Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,

Жест занавеса. Реченье

Последнее. Дюйм свинца

В грудь: лучше бы, горячей бы

И – чище бы...

Зубы

Втиснула в губы.

Плакать не буду.

Самую крепость –

В самую мякоть.

Только не плакать.

В братствах бродячих

Мрут, а не плачут,

Жгут, а не плачут.

В пепел и в песню

Мертвого прячут

В братствах бродячих.

– Так первая? Первый ход?

Как в шахматы, значит? Впрочем,

Ведь даже на эшафот

Нас первыми просят...

– Срочно

Прошу, не глядите! – Взгляд. –

(Вот-вот уже хлынут градом!

Ну как их загнать назад

В глаза?!) – Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,

Взгляд в вышину:

– Милый, уйдемте,

Плакать начну!

* * *

Забыла! Среди копилочек

живых (коммерсантов – тож!)

Белокурый сверкнул затылок:

Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая

Смывая – менады мех! –

Голконда волосяная,

Сокровищница утех –

(Для всех!) Не напрасно копит

Природа, не сплошь скупа!

Из сих белокурых тропик,

Охотники, – где тропа

Назад? Наготовю грубой

Дразня и слепя до слез,

Сплошным золотым прелюбом

Смеющимся пролилось.

– Не правда ли? – Лгнущий, мнущий

Взгляд. В каждой реснице – зуд.

– И главное – эта гуща!

Жест, скручивающий в жгут.

О, рвущий уже одежды –

Жест! Проще, чем пить и есть –

Усмешка! (Тебе надежда,

Увы, на спасенье есть!)

И – сестрински или братски?

Союзнически: союз!

– Не похоронив – смеяться!

(И похоронив – смеюсь.)

7

И – набережная. Последняя.

Всё. Порознь и без руки,

Чурающимися соседями

Бредем. Со стороны реки –

Плач. Падающую соленую

Ртуть слизываю без забот:

Луны огромной Соломоновой

Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться

В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!

Страшались сопреступниками

Бредем. (Убитое – Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?

В ночь? Порознь? С другими спать?

– Вы понимаете, что будущее –

Там? – Запрокидываюсь вспять.

– Спать! – Новобрачными по коврику...

– Спать! – Все не попадаем в шаг,

В такт. Жалобно: – Возьмите под руку!

Не каторжники, чтобы так!..

Ток. (Точно мне душою – на руку

Лег! – На руку рукою.) Ток

Бьет, проводами лихорадочными

Рвет, – на душу рукою лег!

Льнет. Радужное всё! Что радужнее

Слез? Занавесом, чаще бус,

Дождь. – Я таких не знаю набережных

Кончающихся. – Мост, и:

– Ну-с?

Здесь? (Дроги поданы.)

Спо – койных глаз

Взлет. – Можно до дому?

В по – следний раз!

8

По – следний мост.

(Руки не отдам, не выну!)

Последний мост,

Последняя мостовина.

Во – да и твердь.

Выкладываю монеты.

День – га за смерть,

Харонова мзда за Лету.

Мо – неты тень

В руке теневой. Без звука

Мо – неты те.

Итак, в теневую руку –

Мо – неты тень.

Без отсвета и без звяка.

Мо – неты – тем.

С умерших довольно маков.

Мост.

* * *

Бла – гая часть

Любовников без надежды:

Мост, ты – как страсть:

Условность: сплошное между.

Гнезжусь: тепло,

Ребро – потому и льну так.

Ни до, ни по:

Прозрения промежутки!

Ни рук, ни ног.

Всей костью и всем упором:

Жив только бок,

О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь – в боку!

Он – ухо и он же – эхо,

Желтком к белку

Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,

Мощь. Близнецы Сиама,

Что – ваш союз?

Та женщина – помнишь: мамой

Звал? – всё и вся

Забыв, в торжестве недвижимом

Те – бя нося,

Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!

Сбылись! На груди баюкал!

Не – брошусь вниз!

Нырять – отпускать бы руку

При – шлось. И жмусь,

И жмусь... И неотторжима.

Мост, ты не муж:

Любовник – сплошное мимо!

Мост, ты за нас!

Мы реку телами кормим!

Плю – щом впилась,

Клещом – вырывают с корнем!

Как плюш! как клещ!

Безбожно! Бесчеловечно!

Бро – сать, как вещь,

Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём

Вещественном мире дутом!

Скажи, что сон!

Что ночь, а за ночью – утро,

Эк – спресс и Рим!

Гренада? Сама не знаю,

Смахнув перин

Монбланы и Гималаи.

Про – гал глубок:

Последнею кровью грею.

Про – слушай бок!

Ведь это куда вернее

Сти – хов... Прогрет

Ведь? Завтра к кому наймешься?

Ска – жи, что бред!

Что нет и не будет мосту

Кон – ца...

– Конец.

* * *

– Здесь? – Детский, божеский

Жест. – Ну-с? – Впилась.

– Е – ще немножечко:

В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными

И отзывчивыми на зов...

Сокровенную, подъязычную

Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей – тебе, подноготную

Тайну Евы от древа – вот:

я не более чем животное,

Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули

С кожей! Паром в дыру ушла

Пресловутая ересь вздорная,

Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!

Пар! Припарками обложить!

Да ее никогда и не было!

Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

* * *

Прости меня! Не хотела!

Вопль вспоротого нутра!

Так смертники ждут расстрела

В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой

Дразня коридорный глаз.

Ведь шахматные же пешки!

И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?

Во весь окоем глазка –

Глаз. Красного коридора

Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затяжка.

Сплёв, пожилы значит, сплёв.

...По сим тротуарам в шашку

Прямая дорога: в ров

И в кровь. Потайное око:

Луны слуховой глазок...

.....

И покосившись сбоку:

– Как ты уже далек!

10

Совместный и сплóченный

Вздрог. – Наша молочная!

Наш остров, наш храм,

Где мы по утрам –

Сброд! Пара минутная! –

Справляли заутреню.

Базаром и зáкисью,

Сквозь-сном и весной...

Здесь кофе был пакостный, –

Совсем овсяной!

(Овсом своенравие

Гасить в рысаках!)

Отнюдь не Аравией –

Аркадией пах

Тот кофе...

Но как улыбалась нам,

Рядком усадив,

Бывалой и жалостной, –

Любовниц седых

Улыбкою бережной:

Увянешь! Живи!

Безумью, безденежью,

Зевку и любви, –

А главное – юности!

Смешку – без причин,

Усмешке – без умысла,

Лицу – без морщин, –

О, главное – юности!

Страстям не по климату!

Откуда-то дунувшей,

Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:

– Бурнус и Тунис! –

Надеждам и мускулам

Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалеюсь:

Рубец на рубце!)

О, как провожала нас

Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

* * *

Не довспомнивши, не допонявши,

Точно с праздника уведены...

– Наша улица! – Уже не наша... –

– Сколько раз по ней... – Уже не мы... –

– Завтра с западу встанет солнце!

– С Иего́вой порвет Давид!

– Что мы делаем? – Расстаемся.

– Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:

Рас – стаемся. – Одна из ста?

Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кроатски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас – ставание. Расставаться..
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски..
Расставание – не по-русски!
Не по-женски! Не по-мужски!

Не по-божески! Чтó мы – овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание – по-каковски?
Даже смысла такого нет,

даже звука! Ну, просто полый
Шум – пилы, например, сквозь сон.
Расставание – просто школы
Хлебникова соловьиный стон,

Лебединый..

Но как же вышло?

Точно высохший водоем –
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться – ведь это гром

Нá голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы – слишком круты:
Расставаться – ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вздых... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Расставаться – ведь это врозь,

Мы же – сросшиися...

11

Разом проигрывать –

Чище нет!

Загород, пригород:

Дням конец.

Негам (читай – камням),

Дням, и домам, и нам.

Дачи пустующие! Как мать

Старую – так же чту их.

Это ведь действие – пустовать:

Полое не пустует.

(Дачи, пустующие на треть,

лучше бы вам сгореть!)

Только не вздрагивать,

Рану вскрыв.

Зáгород, зáгород,

Швам разрыв!

Ибо – без лишних слов

Пышных – любовь есть шов.

Шов, а не перевязь, шов – не щит.

– О, не проси защиты! –

Шов, коим мертвый к земле пришит,

Коим к тебе пришита.

(Время покажет еще, каким:

Легким или тройным!)

Так или иначе, друг, – по швам!

Дребезги и осколки!

Только и славы, что треснул сам:

Треснул, а не расползся!

Что под наметкой – живая жиль

Красная, а не гниль!

О, не проигрывает –

Кто рвет!

Загород, пригород:

Лбам развод.

По слободам казнят

Нынче, – мозгам сквозняк!

О, не проигрывает, кто прочь –

В час, как заря займетя.

Целую жизнь тебе сшила в ночь

На́бело, без наметки.

Так не кори же меня, что вкривь.

Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные –

В рубцах!..

Загород, пригород..

Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,

Слышишь – по глине жидкой?

...Скорую руку мою суди,

Друг, да живую нитку

Цепкую – как ее ни канай!

По – следний фонарь!

* * *

Здесь? Словно заговор –

Взгляд. Низших рас –

Взгляд. – Можно на́ гору?

В по – следний раз!

12

Частой гривую

Дождь в глаза. – Холмы.

Миновали пригород.

За́ городом мы.

Есть – да нету нам!

Мачеха – не мать!

Дальше некуда.

Здесь околевать.

Поле. Изгородь.

Брат стоим с сестрой.

Жизнь есть пригород.

За́ городом строй!

Эх, проигранное

дело, господа!

Всё-то – пригороды!

Где же города?!

Рвет и бесится

Дождь. Стоим и рвем.

За три месяца

Первое вдвоем!

И у Иова,

Бог, хотел займы?

Да не выгорело:

За́ городом мы!

* * *

За городом! Понимаешь? За́!

Вне! Перешед вал!

Жизнь – это место, где жить нельзя:

Ев – рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат

Стать вечным Жидом?

Ибо для каждого, кто не гад,

Ев – рейский погром –

Жизнь. Только выкрестами жива!

Иудами вер!

На прокаженные острова!

В ад! – всюду! – но не в

Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь

Овец – палачу!

Право-на-жительство свой лист

Но – гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит –

Мечь! – В месиво тел!

Не упоительно ли, что жид

Жить – не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.

По – щадь не жди!

В сём христианнейшем из миров

Поэты – жида!

13

Так ножи вострят о камень,

Так опилки метлами

Смахивают. Под руками –

Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:

Сушь мужская, мощь?

Под ладонью –

Слезы, а не дождь!

О каких еще соблазнах –

Речь? водой – имущество!

После глаз твоих алмазных,

Под ладонью льющихся, –

Нет пропажи

Мне. Конец концу!

Глажу – глажу –

Глажу по лицу.

Такова у нас, Маринок,

Спесь, – у нас, полячек-то.

После глаз твоих орлиных,

Под ладонью плачущих...

Плачешь? Друг мой!

Всё мое! Прости!

О, как крупно,

Солоно в горсти!

Жестока слеза мужская:

Обухом по темени!

Плачь, с другими наверху

Стыд, со мной потерянный.

Оди – накового

Моря – рыбы! Взмах:

...Мертвой раковиной

Губы на губах.

* * *

В слезах.

Лебеда –

На вкус.

– А завтра,

Когда

Проснусь?

14

Тропою овечьей –

Спуск. Города гам.

Три девки навстречу.

Смеются. Слезам

Смеются, – всем полднем

Недр, гребнем морским!

Смеются!

– недолжным,

Позорным, мужским

Слезам твоим, видным

Сквозь дождь – в два рубца!

Кан жемчуг – постыдным

На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,

Последним, – о, лей! –

Слезам твоим – перлам

В короне моей!

Глаз явно не туплю.

Сквозь ливень – перюсь.

Венерины куклы,

Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,

Чем влечься и лечь.

Самой Песней Песен

Уступлена речь

Нам, птицам безвестным,

Челом Соломон

Бьет, ибо совместный

Плач – больше, чем сон!

* * *

И в полые волны

Мглы – сгорблен и равн –

Бесследно, безмолвно –

Как тонет корабль.

Прага, 1 февраля – Иловици, 8 июня 1924

КРЫСОЛОВ

Лирическая сатира

ГОРОД ГАММЕЛЬН

(Глава первая)

Стар и давен город Гаммельн,

Словом скромн, делом строг,

Верен в малом, верен в главном:

Гаммельн – славный городок!

В ночь, как быть должно комете,

Спал без прѳсыпу и сплошь.

Прочно строен, чисто мѳтен,

До умильности похож

– Не подойду и на выстрел! –

На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:

Только один покрѳй в нем.

В городе Гаммельне дешево жить

И помирать спокойно.

Гривенник – туша, пятак – кувшин

Сливок, полушка – твѳрог.

В городе Гаммельне, знай, один

Только товар и дорог:

Грех.

(Спросим дедов:

Дорог: редок.)

Ни распоясавшихся невест,

Ни должников, – и кроме

Пива – ни жажды в сердцах. На вес

Золота или крови –

Грех. Полстолетия (пятьдесят

лет) на одной постели

Благополучно проспавши, спят

Дальше. «Вдвоем потели,

Вместе истлели». Тюфяк, трава, –
Разница какова?

(Бог упаси меня даже пять
Лет на одной перине
Спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души Господь их принял.

И озаренье: А вдруг у них
Не было таковых?

Руки – чтоб гривну взывать с гроша,
Ноги – должок не додан.
Но, вразумите, к чему – душа?
Не глубоко ль негодный

– Как жардиньерка – гамак – кларнет –
В нашем быту – предмет?

В городе Гаммельне – отпиши –
Ни одного кларнета.
В городе Гаммельне – ни души.
Но уж телá за это!

Плотные, прочные. Бык, коль дуж,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся – георгин,
Ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин, –
Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн – и умереть!»

Jurí, и Rührei, и Rühr uns nicht
An[8] (в словаре: не тронь нас!) –
Смесь. А глаза почему у них

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В землю? Во-первых – скромность,

И... бережливость: воззрился – ан
Пуговица к штанам!

Здесь остановка читатель. – Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сем Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

– Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф, –

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз – да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор, – и правильно: не простак
Пастор, – не воем «осанна!»
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка – не пустяк!

(Маленькая диверсия в сторону пуговицы:)

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв – застегнут.
Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних –

Смерть. Обывателю ты – что чуб
Бульбе, и Будде – пуп.

С пуговицею – все право в прах,

В грязь. Не теряй, беспутный,
Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен,

Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch wo bist?»[9]) –

Как не прообраз ее? («Vin packt,[10]
Наг, – потому робею») –
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица – в идее!

Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) – идея – вот:

Для отличения Шатуна-
Чад – от овец Господних:
Божье застегнуто чадо на́
всё, – а козел расстегнут –

весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж, – застегнись на всё!

Не привиденьями ли в ночи
– Целый Бедлам вакантный! –
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,

Каторжники...

Коли взять на вес:
Без головы, чем без[11]

Пуговицы! – Санкюлот! Босьяк!
От пугача – к Сэн-Жюсту?!
Если уж пуговица – пустяк,
Что ж, господа, не пусто?

Для государства она – что грунт

Древу и чреву – фунт

Стерлингов. А оборвется – голь!

Бунт! Погреба разносят!

Возвеселися же, мать, коль

Пуговицею – носик:

Знак добронравия. (Мой же росс

явственно горбонос –

В нас[12]).

* * *

Дальше от пуговичных пустот,

Муза! От истин куцых!

От революции не спасет –

Пуговица. Да рвутся ж –

Всё! Коли с демонами в родстве –

Бард, – расстегнись на всё!

(Здесь кончается ода пуговице и возобновляется повествование.)

Город грядок –

Гаммельн, нравов –

добрых, складов

полных, – Рай-

город...

Божья радость –

Гаммельн, здравых –

город, правых –

город...

Рай-город, [13] пай-город, всяк-свой-пай-берет, –

Зай-город, загодя-закупай-город.

Без загадок –

город, – гладок:

Благость. Навык –

город. – Рай-

город...

Божья заводь –

Гаммельн, гадок –

Бесу, сладок –

Богу...

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров

Царь-город, старшему-уступай-город.

Без пожаров –

город, благость-

город, Авель-

город. – Рай-

город...

Кто не хладен

и не жарок,

прямо в Гаммельн

поез –

жай-город, рай-город, горностаи-город.

Бай-город, вовремя-засыпай-город.

Первый обход!

Первый обход!

С миром сношенья прерваны!

Спущен ли пес? Впущен ли кот?

Предупрежденье первое.

Су – дари, выпрягайте слуг!

Тру – бочку вытрясай, досуг!

Труд, покидай верстак:

«Morgen ist auch ein Tag».[14]

Без десяти!

Без десяти!

Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник – на пять.

Ла – вочник, оставляй мелок,
Бюр – герша, оставляй чулок
И оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдёт ли засов?
Предупрежденье третье.

Би – блию закрывай, отец!
Бюр – герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак, –
«Morgen ist auch ein...»

– Спят

Гаммельнцы...

СНЫ
(Глава вторая)
В других городах,
В моих (через – край-город)
Мужья видят дев
Морских, жены – Байронов,

Младенцы – чертей,
Служанки – наездников..
А ну-ка, Морфей,
Что – гаммельнцам грезится

Безгрешным, – а ну?
– Востры – да не дюже!
Муж видит жену,
Жена видит мужа,

Младенец – сосок,
Краса толстощекая –
Отцовский носок,
Который заштопала.

Повар – пробует,
Обер – требует.
Всё как следует,
Всё как следует.

Вдоль спицы петля –
Тáк всё у них плавно!
Павл видит Петра,
А Петр видит Павла,

Конечно – внучат
Дед (точку – прозаик),
Служанка – очаг
И добрых хозяев.

Каспар – заповедь,
Пастор – проповедь.
Не без проку ведь
Спать, – не плохо ведь?

Пуды колбасы
Колбасник (со шпэком),
Суд видит весы,
Весы же – аптекарь,

Наставнику – трость,
Плод дел его швейных –
Швецу. Псу же – кость?
Ошиблись: ошейник!

Стряпка – щипаное,
Прачка – плисовое.

Как по-писаному!

Как по-писаному!

– А сам бургомистр?

– Что въяве – то в дрёме.

Раз он бургомистр,

Так что ж ему кроме

как бюргеров зреть,

вассалов своих?

А сам бургомистр –

Своих крепостных. [15]

Дело слаженное,

Платье сложенное, –

По-положенному!

По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:

Есть доброе – в старом!)

А впрочем, чтоб рифм

Не стаптывать даром –

Пройдем, пока спит,

В чертог его (строек

Царь!) прочно стоит

И нашего стóбит

Внимания...

* * *

Замка не взломав,

Ковра не закапав –

В богатых домах,

Что первое? запах.

Предельный, как вкус,

Нещадный, как тора,

Бесстыдный, как флюс

На роже актера.

Вся плоть вещества, –
(Счета в переплете
Шагреновом!) вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей, –
Вещественность сути:

Букет ее – всей!
Есть запахи – хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей,
– О! и не дневала! –
Гнилых овощей[16]
– Так пахнут подвалы –

Ему предпочту.

Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук:
Мошны громогласной
Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил – а по мне
Смердит изобилье! –
Довольством – вполне.
А если и пылью –

Не нашей – с весной

Свезут, так уж што ж нам?

Не нищей: сквозной,

А бархатной – штофной –

Портьерной. Красот

Собранием, скопом

Красот и чистот,

А если и пóтом –

Добротным, с клеймом

Палаты пробирной,

Не нашим (козлом),

А банковским, жирным

Жилетным: не дам.

По самое небо

– О Ненависть! – храм

Стоглавый тебе бы –

За всех и за вся.

* * *

Засова не сняв,

Замка не затронув,

(Заметил? что в снах

Засовы не стонут,

Замки не гремят.

Врата без затвора –

Сон. Дóмы – без врат.

Всё – тени, всё – воры

В снах).

Стó – невест тебе.

Всё – с запястьями!

Без – ответственно.

Без – препятственно.

Сé – час жениха!

За кражи! за взломы!

Пустить петуха

В семейные дома!

В двухспальных толстух,

В мужей без измены.

Тот красен петух –

Как стяги – как стены

В иных городах...

Замка не затронув,

Посмотрим, как здрав

В добротных хоромах

Своих – бургомистр.

* * *

Домовит, румянист –

Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седмица –

Бургомистрово чело.

Что же мнится? что же снится

Бургомистру? ни – че – го.

Ничего (как с жир-горы

Пот-то!), то есть: бургеры.

Спи, жирна, спи, верна,

Бургомистрша, жена

Бургомистрова: синица,

Переполнившая зоб.

Что же мнится? что же снится

Бургомистрше? (Хорошо б,

Из перин-то вырвавши...)

...Бургеры, ей – бургерши.

Той – пропавшей без вести,

Этой – Цезарь рядышком..

Женщине ж порядочной

Ничего не грезится.

Спи-усни, им не верь,

Бургомистрова дочь.

Соломонова пшеница –

Косы, реки быстрые.

Что же мнится? что же снится

Дочке бургомистровой?

Запахи, шепоты..

Все – и еще что-то!

НАПАСТЬ

(Глава третья)

Тетки-трещотки,

Кухарки-тараторки,

– Чепцы, кошёлки –

Бабки-балаболки.

– Сала для лекаря!

– Трав для аптекаря!

– Свежего, красного

Легкого для пастора!

– По – следней дойки!

Девки-маслобойки.

– Ядрёной крупки!

Стряпки-мясорубки.

– Счастья, здоровья,

Сил на три месяца!

– Свежих воловьих

Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,

Торговки-горлодёрки

– Кофты на байке –

Хозяйки-всезнайки.

– Све – жая требуха!

– Жи – вого петуха!

– Масляна, не суха!

– Сёрд – ца для жениха!

– Сливки-последки!

Соседки-добросердки.

– Свежего! с ледничку!

Советницы-сплетницы.

– Взвесь, коль не веришь!

– Жарь – не ужарится!

– Гу – синих перьев

Для нотариуса!

– Ó – воци да с гряды!

– Сó – вести для судьи!

Кур – ки-цесарки,

Невесты-перестарки,

Свежи, с постельки

Вдовицы-коротельки.

– Мни, да не тискай!

– Рдянь – не редиска!

– По – лушка с миской!

– Мозгов для бургомистра!

– Чтó хотите, то берите!

Подолы, капорá.

Поварихи-разберихи,

Румяные повара.

Но – сы приплюснутые:

– Чего бы вкусенького?

Ла – дошки – ширмочками:

– Чего бы жирненького?

Выловить.

Выудить.

Выведать.

Выгадать.

– Все чехлы сняли с кресел!

– А гостей! А гостей!

– Нынче пекарева крестят!

– Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.

Один в трахоме

Глаз, другой – пенится.

Сидни-кофейницы.

– Женишка-то, чай, постарше!

– А наряд! А наряд!

– Говорят, что у почтарши...

– Говорят... Говорят...

Язвы-шнырялы,

Кляузы-обмиралы,

– На площадь сор неси! –

Козни-цикорницы.

– Нацепил зеленый галстук!

– Ловелас! Ловелас!

– Мясник с тещей поругался!

– А у нас! А у нас!

Ред – ко – сти...

Хит – ро – сти...

– Кхе-кхе-кхе...

– Кхи-кхи-кхи...

- Бургомистрова-то Грета!
- Не того! Не того!
- Третью ночь сидит до свету!
- Каково? Каково?

- Свечку жжет...
- Век свой жжет...
- Счастья ждет...
- В гроб пойдет...

- Скатертей одних – с три пуда!
- Чай, одна! Чай, одна!
- Ни за кем, отцу, не буду.
- Не жена! Не жена!

- Грех-таки...
- Стыд-таки...
- Кхе-кхе-кхе...
- Кхи-кхи-кхи...

- Поглядеть – одне костяшки...
- Не в соку! Не в соку!
- К нам на кашку! К нам на чашку
Кофейку! Кофейку!

Клуб

Женский – закрыт:

Суп

Перекипит.

* * *

Город грядок

Гаммельн, нравов

добрых, складов

полных –

Мера! Священный клич!

Пересмеялся – хнычь!

Перегордился – в грязь!
Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.
Переовечил – хлев,
Перемонаршил– бунт:
Zuvieľ ist ungesund.[17]

В меру! Сочти и взвесь!
Переобедал – резь,
(Лысина – перескреб),
Перепостился – гроб,

Перелечил – чума!
Даже сходи с ума
В меру: щелчок на фунт:
Zuvieľ ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил – плеть,
Но и не перегладь!
– Только не передать! –

Не пере-через-край!
Даже и в мере знай –
Меру: вопрос секунд.
Zuvieľ ist ungesund.

В меру! Im rechten Mass![18]
Верный обманет глаз.
В царстве – давно – химер –
Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!
Вот он, разумных лет
Лозунг, наш тугендбунд.
Zuvieľ ist un –

Не красоты одной – сало, слышишь? –
Вреден излишек.

Переполнения ж складов – рисом –
Следствием – крысы.

Саго, и сала, и мыла – в меру,
Господи, даруй!
Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много
Чтоб, и не мало.
Так и гудит по живому салу:
«Склады-завалы». [19]

К вам, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:

Злость сытости! Сплёв
С на – крытых столов!
Но – в том-то и гвоздь! –
Есть – голода злость.

Злость тех, кто не ест:
Не есть – надоест!
Без – сильных не злобь!
(Кры – синяя дробь).

Злость тех, кто не сыт:
Се – годня рысит,
А завтра – повис.
(Кры – синяя рысь).

(Скороговорка):

Не сыт и не спит,
(Крысиная сыпь),

По сытеньким – прыг,

(Крысиная прыть).

Дом. Склад.

Съе – дят

До – крох.

(Крысиный горох).

Зря – крал,

Зря – клал,

Зря – греб

(Крысиный галоп).

Глав – глад –

Крысиный набат.

Глав – гвалт –

Крысиный обвал.

Куль! Рвись:

Глав – крыс!

* * *

А над кулём-то, а над мешком-то –

Точно над трупом!

И перекачивается круто:

«Крысы да крупы».

(Твой зуб,

Главкруп!)

Докраснобайствовались, мессии

Низшего класса!

Так и свистит по живому мясу:

«Крысы-запасы!»

(Твой всхлёт,

Главхвост!)

* * *

– Присягай, визжат, главглоту!

– Взяли склад, дай им глаз!

– Всю ночь топали, как рота!

А у нас! А у нас!

– Ушки! Замашки!

– Занды[20] карноухие!

– Все-то бумажки

Взрыли, перенюхали!

– Присягай, визжат, главблуду!

– Думал – горсть, смотришь – рать!

– Самого, визжат, на блюде

Бургомистра подать!

Эка крúговерть

Карноусая!

Все-то пуговицы

Пообкусывали

Штанные!

– Schande! [21]

– Schande нам!

– Банды!

– Мастерá – усы-то салить!

– Ты им: ой! они: бей!

– У нас Библию: на палец,

Дескать – сала на ней!

– Ух, бессовестные!

– Ух, нахрапистые!

Все-то соусники

Перепакостили!

– Не спасут, визжат, молебны!

– Ты им: Gott! [22] они: глав!

– весь по буковкам судебный

Растащили устав!

– Ух, нахрапистые!

– Ух, обшарпанные!

Все-то сахарницы

Пообхаркивали!

– Целый мир грозятся стрескать!

– Солнцеверт! – Мозговрат!

– Из краев кант-то русских,
Кораблем, говорят.

– Граждане!

К спайке!

Schande нам:

Шайки!

Ни торгов от них, ни сна нет:

Ты им: ррраз! они – сто!

«Голов сахарных не станет, –
А купецки на што?»

– Мало этого-то:

Рукой писанные

Всё-то летописи

Поо –

– Присягай, визжат, главсвисту!

– Уж и стыд! Уж и страмь!

– Не совсем, с лица, на крыс-то...

– Да уж крысы ли впрямь?

– Лысины!

– Пасмы!

– Слыхано ль?

В красном!

Предиковинный сорт!

Ты им: Бог, они: черт!

Скок – на башенный шпиг!

Ты им: Herz, [23] они: цыц!

Ты им: чин, они: чушь!

Ты им: пиль! они: куш!

Ты им: стой! они: при!

Ты им: три! они:

– пли!

Коль не бос – кровосос,

Коль не бит – паразит,

– А язык!

– А язык!

– А язык!

– А язык!

У нас: Brot, [24] у них: прод,

И язык не берет!

Думал: сдох, смотришь: прет, –

И мышьяк не берет!

У нас: взлом, у них: Ком,

У нас: чернь, у них: тёрн,

Наркомчёрт, наркомшиш, –

Весь язык занозишь!

В новый мир, дескать, брешь:

Не потел – так не ешь,

Не пытел – так не ешь,

Не пострел – так не ешь.

До поры, дескать, цел:

Не потел – под расстрел,

Не хотел – под расстрел,

Не пострел – под расстрел!

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Тоном обвинительного акта):

В воровстве.

В кумовстве.

В шельмовстве.

В колдовстве.

(Тоном заговора):

– Все мы белые?

– Все.

– В чем же дело?

– В словце.

(Силясь выговорить):

Не терял.

Начинал.

Интеграл.

Интервал.

Наломал.

Напинал.

Интерна –

цио...

– Сказок довольно!

Слушать герольда!

Всех, кто отчизне – сын,

Оповещаю сим...

Не углубляясь в частности:

Гаммельн в опасности!

Горний и дольний!

Слушать герольда!

Все и семижды все,

Знайте: на волоске

– Вот уже рвущемся –

Наше имущество,

Слава и класс,

Граждане, глас

Девы, словес не тратящей:

Постановление ратуши:

«Будь то хоть бес, хоть жид,

Тот, кто освободит

Город от тьмы крысиной,

В дом бургомистра – сыном

Вступит – прошу понять:

Сын означает: зять.

(Треск барабанный.)

В Гаммельне... анно

Domini...». [25]

* * *

В тот же час – вините будочника:

Что ж он не усторожил?! –

В город медленно входил

Человек в зеленом – с дудочкой.

УВОД

(Глава четвертая)

– Ти-ри-ли –

– По рассадам германской земли,

– Ти-ри-рам –

По ее городам

– Красотой ни один не оставлен –

Прохожу,

Госпожу свою – музыку – славлю.

Нынче – здесь,

Да и то половинку, не весь!

– Ти-ри-рам –

Завтра – там,

И хотя повсеместно обóлган –

Стар и мал,

Равнодушно никто не внимал

И никто не отказывал в долгом

Взгляде – вслед.

Только там хорошо, где нас нет!

– Сердцелов! –

Только там хорошо, где ты нов:

Не заведом, не дознан, не вызван.

«Прижились», –

Эта слизь называется – жизнью!

– Переезд! –

Не жалеете насиженных мест!

Через мост!

Не жалеете насиженных гнезд!

Так флейтист, – провались, бережливость!

– Перемен! –

Так павлин

Не считает своих переливов.

– Ти-ри-ли!

Провалитесь, мешки и кули!

– Ти-ри-ли! –

Проломитесь, мучные лари!

Вместо гаммельнских – флейта не ферма! –

– Переступ –

Лип и круп,

Есть индийские пальмы и перлы.

Перелив.

Человек не ключарь кладовых!

Половик,

Червь, а не человек – тыловик!

Это – Гаммельн, а есть Гималаи:

Райский сад.

Так да сяк –

Этот шлак называется – Раем!

Оторвись!

По дорогам цветет остролист!

Отвались!

По оврагам цветет барбарис –

Кисловатый.

Лишь бы сыт!

Этот стыд называется: свято.

Крысы, с мест!

Не водитесь с сытостью: съест!

Крысы, с глаз!

Осаждаемый сытостью – сдаст

Шпагу...

О крысоловах злословят!

Дело слов:

Крысо-лов?

Крысо-люб: значит любит, коль ловит!

Крысы, в...

– Што ж мы?

– В чем дело ж?

– Тошно!

– Приелось!

– Вкусно ж, –

В чем тайна?

– Скушно:

Крайне.

Без борьбы человек не живет.

– У меня отрастает живот:

До колен, как у царских крыс.

– У меня – так совсем отвис.

– Без борьбы человек не жилец!

– У меня разминулся жилет

С животом: не разлад, а брешь.

– У меня объявилась плешь.

– Житие – не жысть!

– Разучился грызть!

– Не поход, а сласть!

– Разучился красть!

– Утром – булки, не меньше двух.

– У меня пропадает слух.

– У меня пошатнулся зуб.

– У меня остывает зуд

В зубах...

– Без слуги не влезаю в башмак...

– Есть такая дорога – большак...

– Без борьбы и овраг – острог...

– Хорошо без сапог!

– Не поход – погост.

– У меня отсыхает хвост.

– В полдень – клёцки, не меньше трех...

– У меня – так совсем отсох.

– Без обид, без злб...

– Назревает зоб...

– Чуть обут-одет –

Уж опять обед

из трех блюд...

– Знали б – за версту обошли б!

– Помнишь странную вещь: башлык?

Сшиб да стык,

Штык да шлык...

– Без слуги не влезаю в обшлаг...

– Есть такая дорога – большак...

– В той стране, где шаги широки,

Назывались мы...

– Больше сил моих нету: пасс!

– У меня заплывает глаз.

– У меня опадает слог.

– У меня – так совсем затек

Мозг.

– В Москву! – В Карлсбад!

– У меня оседает зад.

– У меня, по утрам, прострел.

– У меня – так совсем осёл

До земли...

– Лыжи – и к Богу!

– Грыжа!

– Изжога!

Свыкнись –

И крышка!

Сытно –

Слишком.

– Три денька таких – и готов!

– Начинаю любить котов

И купцов...

– Заушат – прощу.

– Завтра дочку свою крещу:

Мне-то – всё одно, ну, а ей –

Ей – целей.

– Не бивак – насест!

– У меня пропадает жест.

ФЛЕЙТА:

Где-то Инд...

– Начинаю вдаваться в винт.

– Различать твое.

– Запирать белье.

– Без штанов махал! –

Начинаю вводить крахмал

В туалет.

– Самолично вощить паркет.

– Господа, секрет:

Отвратителен красный цвет

Мне.

– Нам всем!

– От стыда засыпаю в семь.

– Недурен наезд!

– Начинаю бояться мест

Под мостами.

– Масс.

– Материнских глаз.

– Ну а я – стрельбы!

– Отчего у дворян гербы, –

А у нас...

Гладко, –
Как шваброй!

– Взятки!

– Подагра!

– В трюм бы!

– В гром бы!

...Тумбы.

...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

ФЛЕЙТА:

Пе – ре – корм.

– Всё назад чуть съем.

– И естественно: после схем,

диаграмм – да в склад!

– Обращение камерад

Устарело. Ввиду седин

Предлагаю вам господин...

Господин гражданин...

Для ... форм.

ФЛЕЙТА, настойчиво:

Перекорм.

Пересып.

Ели б досыта – не пошли б,

Спали б домертва – не прошли б

Ни километра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:

Перепев.

Пересест!

Не жалеете насиженных мест!

Перемен!

Не жалеете надышанных стен!

Звёзд упавших – и тех не жалеете!

Мертвым – мир.

Выход в мир

Вот по этой по самой аллейке, –

Чуть левей.

– У меня пятьдесят сыновей!

Как один.

– У меня проржавел карабин.

– Полно – залезь.

Их – по рвам!

– Без программ

Из амбара – да в Индию?!

– Брали ж

Перекоп!

Не искали ж протоптанных троп

На Москву!

– К черту всю

Быль с ее трехсотлетними Lind'ами! [26]

– Идем завоевывать Индию!

Напролом!

– У меня недостроенный дом!

– Строим – мир!

– У меня недоеденный сыр!

– Выше носу же не переплюнешь!

ФЛЕЙТА:

Переплюнь!

В синь! в июнь!

В новизну! и к тому – новолунье ж!

Чтоб шагать молодцом –

Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак –

Выступать натошак!

– Да здравствует полк!

Клыков перещелк.

Довольно с нас круп!

Курков перещуп.

...Сала и масла гарного!

Да здравствует красная...

– Крысы, марш!

Нам опостылел домашний фарш!

Свежесть, которой триста

Лет – не свежа уже! Шагом, марш!

Кто не прокис – окрысься!

Нам опостылел молочный рис!

Погорячее в ранцах!

Три миллиарда индийских крыс

Велико – оке – анских

Ждут, лихорадочные рои

Крысьего штурм унд дранг'а!

С кошками мускусными бои

На побережьях Ганга

Ждут. Не до слоек, не до колбас

Гаммельнских, венских, пражских!

Мы – на вселенную! Мир – на нас!

Кто не пропах – отважся!

Вот оне, слойки!

Сдвинься, стройся!

Вот они, смальцы!

Щерься, скалься!

Ни крупинки не припрятавши –

Шагом, шагом мимо ратуши!

Чванься! пыжься! высься! ширься!

Мимо рынка, мимо кирки.

Мыслью – вестью – страстью – выстрелом –

Мимо дома бургомистрова.

А на балконе...

Ах! а с балкона...

Вроде ожога...

Вроде поклона...

Вроде Шираза

Щёчного – тссс...

Кажется – розу

Поднял флейтист?

(Дело вежливости!)

Не задерживаться!

Вышел радоваться, –

Не оглядываться!

Вот он, в просторы – лбом,

Города крайний дом.

* * *

– Око – ём!

Грань из граней, кайма из каём!

«Отстаем», –

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вот и рифма к тебе, окоём!

Скорород

В семитысячемилевых, флот,
Обогнавший нас раз
Навсегда – дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!

Растопляющий всякую явь –
Аки воск, –
Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!

Синим по синю (восемь в уме),
Как по аспиду школьной доски,
Давшей меру и скорость тоски:

Окохват!

Ведь не зря ж у сибирских княжат
Ходит сказ
О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж

Эта жгучая женская блажь
Орд и стай –
По заглатывателю тайн.

Окоим!

Окодер, окорыв, околом!
Ох, синим –
синё око твое, окоём!

Вышед в вей,

Допроси строевых журавлей,
В гаолян –
Допроси столбовых каторжан!

– Он! – За ним?

– Он же! – Ну а за? – Он же...

– Джаным!

Здесь – нельзя.

Увези меня за

Горизонт!..

* * *

– Шел или спал?

– Штиль или шквал?

– Рус или сед?

– Наш ли уж свет?

– Дали не те!

– Ели не те!

– Горы не те!

– Гулы не те!

– Наш или тот?

– Час или год?

– Год или три, –

Сколько же шли?

– Даль не та!

– Пыль не та!

– Синь не та!

Тень не та!

– Плыл или мчал?

– Гаммельн? Квартал.

– Гаммельн? Проспал.

– Гаммельн? Читал

В сказке.

– Весьма не новая

Сказка: левей Ганновера.

– Лес не тот!

– Куст не тот!

– Дрозд не тот!

– Свист не тот!

– Юн как Ахилл!

– Гаммельн? Гостил!

– Гаммельн? Простыл!

– Гаммельн? Учил

В книжке, покамест тамбуром

Тетки...

– С меня, так Гамбурга

Хватит!

– Вздох не тот!

– Ход не тот!

– Смех не тот!

– Свет не тот!

Синь, а не бел!

– Гаммельн? Пробел.

– Гаммельн? Прозрел:

Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном

обществе: гамме|braten. [27]

Славный кусок!

– Гаммельн? Дай срок!

– Гаммельн? Заскок!

– Гаммельн? Отек

Мозга.

– Вниманья требую:

Гаммельна просто не было:

Пыль.

Мель.

Моль.

Ноль.

Наша соль – пыль от пуль!
Наша быль – рваный куль!
Пусть злее чумы, –
Всё ж соль земли – мы!

Наша кровь – та же смоль!
Раз кровь – кровью смой!
Пусть ропщут умы, –
Всё ж кровь земли – мы!

Наша дробь – та же трель!
– Эй, раб! Влево цель!
Пав ниже земли, –
Всё ж цвет ее...

– Говорю вам: не те холмы!

– Не Германия!

– Много далее!

– Не Германия!

– И не Галлия!

– Одурманены!

– Знай да захивай!

– Не Германия!

– И не Влахия!

– Тише тихого!

– Дольше длинного!

Коль не Скифия,

Значит...

– Индия!

ФЛЕЙТА:

Индостан!

Грань из граней, страна из стран.

Синий чан –

Это ночь твоя, Индостан.

Здесь на там

Променявший, и дай на дам,

Гамма гамм,

Восходящая прямо в храм.

Рис, маис,

Промываемый девой из

Кув – шинá:

Тишина твоя, Индостан.

Как стрелок

После зарослей и тревог

В пушинú –

В тишину твою, Индостан –

Человек...

* * *

– Пáгоды куполá!

– Что-то синим-синё!

– Рисовые поля!

– Пальмовое вино!

С первоначальных бед,

С первоначальных дрём

Детский и крысий бред

Сахарным тростником.

Миру который год?

Миру который миг?

Перец, в ветрах, цветет!

Сахар, в ветрах, шумит!

Не целина – шагрень!

У синевы налет

Сливы. – Четвертый день

И некоторый год.

Смол

Гул.

Вол.

Мул.

Не полотно – резня

Красок. Дотварный ил.

Творческая мазня

Гения. Проба сил

Демона. В первый раз

Молотом о кремень.

Миру четвертый час

И некоторый день.

Де – вы

Ганга!

Древо

Манго!

Индиго! Первый цвет!

Индия! Первый крик

Твари. Вперись, поэт:

Миру четвертый миг!

Час предвкушаю: смяв

Время, как черновик...

Ока последний взмах –

И некоторый миг

Миру...

СТАРАЯ КРЫСА:

Так-таки и зудит!

Что-то – будто бы – точно – вид

Этой местности мне знаком.

Чем-то пагода на закром

Смахивает...

– Тюрбан! Брамин!

СТАРАЯ КРЫСА:

Что́ за Индия, где овин

На овине...

– Бомбей! Базар!

Дервиш с коброю!

СТАРАЯ КРЫСА:

– и амбар

На амбаре...

– Дворец раджи!

СТАРАЯ КРЫСА:

Вот так тропики в поле ржи!

Черным по́ белу, по складам:

Пальма? Мельня. Бамбук Шлагбаум.

Кондор? Коршун. Маис? Горох.

Мы от Гаммельна в четырех

Милях, – горсточка, а не полк!

ФЛЕЙТА:

Кривотолк!

Рвите шкурника, чтобы смолк!

Крив и кос

Тот, кто в хоботе видит нос

Собственный и в слоне – закром.

Крив и хром.

(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижи

Лжец и трус

Тот, кто в будущем видит – гуз,

Мертв и сгнил

Тот, кто, идучи, видит тыл

Собственный, и в просторах – порт.

Перевёрт!

Передёрг!

Верьте Музыке: проведет

Сквозь гранит.

Ибо Музыки – динамит –

Младше...

– Все на единый фронт:

Горизонт!

– Озеро!

– Яхонт!

– Розовым

Взмахом

– Видишь? –

Самим бы!

Ибис!

Фламинго!

СТАРАЯ КРЫСА:

Синее – топит!

– Зеркало тропик!

Кротость –

В сапфирах!

Лотос!

Папирус!

В воду –

Как в спальню.

Озеру –

Пальмы

Низкопоклонство.

– Смоем!

– Напьемся

Соком лотосовым: покой.

ФЛЕЙТА:

Водопой!

Дальним – варево и постой.

Спят и пьют.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это – пруд

Гаммельнский: триста лет, как сгнил!

ФЛЕЙТА:

Кро – ко – дил!

– Сбудется!

– Близится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Лужица!

Жижица!

– Шелком ластится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Головастики!

Безголовым и главарю:

Головастики, говорю!

ФЛЕЙТА:

Словарю –

Смыслов нищему корчмарю,

Делу рук –

Кто поверит, когда есть звук:

Царь и жрец.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это лжец,

Лжец, агент!

ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка – инструмент!

СТАРАЯ КРЫСА:

Trug und Schand! [28]

ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка – музыкант!

Обосóбь!

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это топь,

Гать!

ФЛЕЙТА:

Пусть так!

Лучше Музыка, чем мышьяк.

СТАРАЯ КРЫСА:

Смерть!

ФЛЕЙТА:

Что в том?

Лучше озеро, чем загром,

Сплыл, чем сгнил!

Тина? Полно! Коралл! Берилл!

Изумруд...

Ведь не в луже, а в звуке – мрут!

Что́ тело? Тени тень!

Век тела – пены трель!

Нир – вана, вот он, сок!

Ствол пальмы? Флага шток.

В мир арок, радуг, дуг

флагштоком будет – звук.

Что́ – руки! Мало двух.

Звук – штоком, флагом – дух.

Есмь: слышу! («вижу» – сон!)

Смысл выше – ниже тон,

Ни – жайший. Тела взмёт,

И – тихо: нота нот.

Воздух душен, вода свежа.

Где-то каждый из нас раджа.

(В смерти...)

С миром глаза смежи...

– Этой Индии мы – раджи!

* * *

Раджа на радже!

Но крыс тех уже –

Никто и нигде:

Круги на воде.

В РАТУШЕ

(Глава пятая)

Тайные, статские –

Здравствуйте, ратсгерры!

Старого Гаммельна

Стены избавлены

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
От даровых жильцов.

Праздник котлов,
Шествие протвений, –
Крысы утоплены!

Не был Цезарем бы –
Стал бы поваром бы..
Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!

Дням беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады – от хищников,
Головы – от идей.

В скóвороду – бей!

Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,
– Цукром с цикорием –
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.

Праздник кастрюль.
Ратсгерры, дожили:
Крысы уложены.

Сладко ль, солоно ли –
Делать нечего
Вам – исполненное,
Мне – обещанное.

Трепеток.
Шепоток.
Раты – вкось,
Герры – в бок.

Щеки – мак,

Брови – еж:

– То есть – как?

– То есть – что ж?

(Полка с мопсами

В лавке глиняной!)

– Что же – собственно?

Что же – именно?

– Ясно и точно, без некто и где-то:

В собственность деву, по имени Грета.

– Грету? Не Греты у нас и нет:

В землях живем германских.

В городе Гаммельне столько ж Грет,

Сколько, к примеру, Гансов.

Ганс или Грета. Не Грета – Ганс.

За валунами в реку –

В Гаммельн за Гретами. Контраданс:

Коли не Ганс – так Грета.

Выйдет тебе

Суженая!

Выводками!

Дюжинами!

Не косорукий, да не слепой –

Уж себе Грету сыщешь!

Яминка – всё на один покрой! –

В ямку и прыщик в прыщик.

Оспа в оспину,

Чутка в чуточку.

Чью же собственно

Грету?

– Шутите!

Чью же, думали, высвистывал
Грету – как не бургомистрову?

Кипяток.

Топотёж.

Раты в скок,

Герры – в лёжь,

Раты – в ик,

Герры – в чих.

– И шутник!

– И жених!

Сто кабанов захрюкало:

Заколыхали брюхами.

– Ой насмешил! Утешил же!

Заполыхали плешами.

– В эдаком фартучке

Девоньку?

– Так-таки.

– С кóробом почестей

Девоньку?

– В точности.

Раты – в фырк,

Герры – в верт.

– Ну и франт!

– Ну и ферт!

Очи – в узь,

Щеки – в глянец.

– Ну и гусь!

– Ну и Ганс!

С кузовом сѣребра –
Девоньку?

– Сеяли!

– Полную житницу
Девоньку?

– Жните же!

– Нотный тюк!

Штанный клок!

– Ну – супруг!

– Ну – зятек!

Уж и шустр!

Уж и быстр!

Ржет без чувств

Бургомистр.

– Наспех, да наскоро

Свадебку?

– Ратсгерры!

– Первую в городе

Девушку?

– Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,

Тот, кто освободит

Город – хоть слеп, хоть спятил! –

В дом бургомистра зятем

Вступит, в графу особ

В городе – первых»...

– Стоп!

Не в хороводе, небось, дуда, –

В думе! Шажком! Анданте!

Только про беса и про жида,

Сказано?

Как завершен обряд –
Милости просим, брате!
Всяк музыканту на свадьбе рад –
Только не в роли зятя.

За музыканта! за нотный крюк!
Звук! – флейтяную дырку!
Где ж это видано, чтобы вдруг
Да с музыкантом – в кирку?

За музыканта! За нервный ком –
Дочку! милей ковач мне!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотным – на ложе брачном!

За музыканта! за голый боб!
Может – в краях незнамых –
Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкантов – замуж!

– Чтó есть музыка? щебет птах!
Шутка! Ребенок сладит!
– Что есть музыка? – Шум в ушах.
– Увеселенье свадеб.

– Беспоследственный дребезг струн.
– Скука и крики браво.
– Что есть музыка? Не каплун,
А к каплуну – приправа.

– За – бывается: молод был –
Сам загибал преловко!
– Мешанина из бычьих жил,
Дерева и сноровки.

– Околпачивающий пар.

– Нет! Музыкантов кормим
Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.

– Полегонечку – за пивцом –
Да чтобы женский пол был...
Две-три арийки перед сном...
Только не очень долго.

– Что есть музыка? с первых нот:
«Что бы вам, братцы, кончить?»

– Ну а я так – наоборот:
Только бы что погромче,
Побасистее!

– Рано встав,
Да коли восемь ртишек...
– Превышение всяких прав.
Гетто: себя не слышишь!

– Музыка? Гриф
С лентами.

– Шлиф.
– К зёву позыв,
– Так... перелив...

– После сольцы – пирожное...
– Из пустоты – в порожнее...
– Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.

Аффектация неких чувств,
Коих и нету. Хам, мол, –
Кто не чувствует.

– Как ни тщусь

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что-либо, кроме гаммы –

Беспоследственно.

– Факт есть факт:

Музыка есть антракт.

– Рукоделие праздных дур.

Что до меня – так стойко:

Пуще всяческих увертюр

Мне по нутру – настройка

Перед оными.

– Фонд есть фонд.

Музыка есть афронт –

Смыслу здравому. Вящий вздор,

Нежель чулок с ажуром.

БУРГОМИСТР:

Выше-высказанное – вздор.

Истина есть. Скажу вам.

Думали – гриф

С лентами? Шлиф?

К зёву позыв?

Так... перелив –

Музыка? Тиф –

Музыка! Взрыв!

По степи – скиф!

Жил перерыв!

За головню – да голыми –

Хвать! Из огня да в польмя!

Пострашнее, чем шум в ушах,

Грезы, глаза зажмуря.

Музыка – это банков крах,

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На Рождество предместий.
Quatuor[29] четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.

Рабской сущности унтергрунд –
Музыка – есть – бунт.

Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.
Не невеста: – клоком – фата!
За фортепяно – ведьма!

Лучше шулера пощади,
Чем музыканта! Дрема –
В креслах? Бесы на площади
Думской–и бесы в доме!

Женской сущности септ-аккорд –
Музыка – есть – черт.

Лупоглазого школяра
В пасмах – кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ca ira![30]
Ратсгерры, вот вам гамма!

В оперении райских птах
Демоны: stirb und töte![31]
Что есть музыка? Тайный страх
Тайного рата Гёте –

Пред Бетховеном.

Брови – вверх,
Краска – в нос.
Раты – в перх,
Герры – в чёс.

Раты – в крѣхт,
Герры – в чох.
– С нами фохт!
– С нами Бог.

Только, талант непризнан,
Ратсгерр от Романтизма,

Новорожденски-розов
и Филомелой прозван:
«Музыка в малых дозах –
Это не так серьезно».

Бурго-же-мистр, величав и льдист:
– В вас говорит артист.

РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

Tempi passati![32]

БУРГОМИСТР:

Ратсгерры, сядьте!
Шутки – за рюмкой.
Думсгерры, думьте!

Можно ли – непостижим Господь –
За музыканта – плоть

Нашу?

* * *

В городе – впрочем, одна семья
Гаммельн! И так, в семействе
Гаммельнском – местоименья «я»
Нет: не один: всё вместе.

За исключением веских благ
Я – означает всяк.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Славное слово, и есть в нем прок:

Всяк! Так и льнет шубейкой!

Автору же этих скромных строк

– Озолоти! убей хоть! –

Только одна в нем – зато моя! –

Буква понятна: я.

Необоримая! Так алмаз

Жив в черноте пожара.

Неповторимая! Что есть аз?

Что́ не бывает парой.

На языке невозвратных рас

Аз означает: раз.

(Азры...)

В городе Гаммельне лишь азы...

Впрочем, язык прикусим.

Страшное слово! Страшней грозы

В полночь, гостей за гусем:

я! (в пожирающем большинстве

я означает – всё).

Как у соседей! как у людей!

Не мое дело – всё так!

Автору же, ясновидцу лжей,

Оку – из самых светлых,

Только одна в нем – прошу понять –

Буква доступна: ять.

я: нагруженная по края

яблонь: снимай не снимешь!

В Гаммельне ж – вместо имения: я –

Мы – лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын –

С буквы когда – в аршин!

(Право гигантов!)

– За музыканта?

Это пикантно!

Это пикантно!

Время – пропало!

Место – пространство!

– За зубоскала!

– За голодранца!

– Без будущего!

– За дудочника!

В доме – гнусь.

В лавке – долг.

Черный гусь!

Белый волк!

С крыши – душ,

В спальне – шtrand.

– Кто ваш муж?

– Му – зы – кант.

Рук – вместо платы,

Плеск – вместо мяса.

– За звездохвата!

– За лоботряса!

В грезы да в планы

Первенца кутай.

– За великана!

– За лилипута!

– За опусника!

– За фокусника!

Вечный иск!

Всё в ломбард!

Крысий писк

Квинт да кварт.

Деток – кладь.

Geld ist Sand.[33]

– Кто ваш зять?

– Му – зы – кант.

Дудка! для этого нужен дых

Дюжий, – весь день дудишь-то!

Не затруднительно в молодых

Лётах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники

Чистить. В слепцы, с жестянкой?

А неоплатные должники –

Всё они музыканты!

Ратсгерры белым

Полнятся гневом:

– Первую в целом

Городе – деву?

Первому? – браво!

Встречному? – ново!

– За крысодава?

– За крысолова?

– Бессахарника?

– За каторжника!

Общий ров.

Гроб в обрез.

Ни венков.

Ни словес.

Помер – преи.

Unbekannt. [34]

– Кто был сей?

– Му – зы – кант.

Сомущены – в сумятице –

Глазки, обычно в маслице,

Губки, обычно бантиком,

Ратсгерра от Романтики:

– «В городе Гаммельне вечных благ

Нет, хоть земных и густо.

Гения с Гаммельном – тот же брак,

Что соловья с капустой.

К Розе приписана соловью

Страсть. Изменив пенатам,

Над соловьем моим слезы лью,

А соловей – женатый!

Гения с Гаммельном – где же такт?

Вкус? – не в родстве! не в тоне!

Невразумительней есть ли факт,

Чем соловей – в законе?

Брак – это за́ борт: засесть, залечь,

Закись – тюфяк – свинина...

Не небожителя слышу речь,

Други, а мещанина!

Сам в бургомистровы рад бы влезть

Туфли – так я – предместье!

Но небожителю – что́ за честь

Звать бургомистра – тестем?

Многозначителен – так красив,

Высокосерд – так знатен.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Миродержателя сыном быв,

Стать бургомистра зятем?

Кухонку?

Куколку?

Кольчико?

Только-то?

Что не для лириков – Гименей,

Вам и ребенок скажет.

Остепенившийся соловей –

Недопустимый казус!

Коль небожители в царстве тел –

Ни лоскутка на дыры

Вам, ибо правильный был раздел

Благ при начале мира:

Нам – только видимый, вам же весь

Прочий (где несть болезни!).

Коль божество, в мясники не лезь,

Как в божества не лезем.

Вам – миродержествовать, нам – родить:

Здесь близнецы, там тройня.

Но музыканту счастливым быть –

Попросту непристойно!

Так предоставьте же сладкий кус

Обыкновенным смертным!

Ваша амброзия слаще уст

Женских, и чище – нектар.

Иерофанты в грязи колес,

Боги в чаду блудилищ –

Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,

Мрите – чтоб мы плодились!

А бургомистрову дочку – план

Дольний – другим заменим.

Впрочем, в подобных делах профан

И ожидаю мненья

Следующих...»

Поразумянился весь совет,

Лбищи понапружили.

В Гаммельне собственных мыслей нет,

Только одне чужие.

Не мудрено: на земле живут,

Не в облаках витают.

Да и чужих не сказать, чтоб пуд, –

Только одна, и та ведь

Авторская... Шепоток вдоль стен:

«Что́ бы ему взамен?»

– Что-нибудь нужное!

Удочку! Дюжину

Недорогих носков!

– Туфельку для часов!

– Что-нибудь на́ стену!

Краскою масляной

Кайзера на коне!

– Дело ведь не в цене!

– Нотную папочку!

– Тросточку! На́ плечи

Что-нибудь из тряпья!

– Кисточку для бритья!

– Так себе – чуточку!

– Штучно! – Посуточно!

Не при дворе ж! в глуши!

– Главное – от души!

– Самую капельку!

– Крохотку! – Крапинку!

– Каб налицо – сюртук,

я б предложил – уют:

Прочно и дешево!

– Главное – пошибом

Взять: для подобных бар

жест – наилучший дар.

Прочее – дорого.

– Дешево – здорово!

Без роковых затрат,

В дельности – аттестат.

Деньги – безвкусица!

Каперцы, устрицы, –

Не диабет – нефрит.

– Гений мечтами сыт.

Доброе мнение –

Вот она, гению,

Плата: кошель похвал.

– Смертный дороже б взял.

Стало быть – аттестационный лист.

РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

– Эврика! В руки бейте!

Коль по призванию он – флейтист,

Значит – футляр на флейту!

Раты – в плёск,

Герры – в хлоп.

– Ну и мозг!

– Ну и лоб!

Geben – frisst,

Leb' heisst spar'...[35]

Раз флейтист –

Так футляр.

– Слажено! – Сложено!

– Замшевый! – Кожаный!

– Для музыкальных душ

Так же приятен плюш.

– Стало быть – плюшевый!

– Ратсгерры, кушанье

Стынет. – Коль нежность – цель,

Так же нежна фланель.

– Главное – умысел!

– В траты не сунувшись,

Чтоб от души – к душе –

Так из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе

Прок был – у всех была бы.

А в переводе папье-маше –

Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!

Боги – а рты замажем!

Так же как критика – соловью:

Жвачкой, притом – бумажной.

– Чистой! без примеси!

– Принято! Принято!

– Хлопковой! Рисовой!

– Bravo! Подписано!

БУРГОМИСТР:

Не проскочил – в зятя!

Но, человека чтя

И в музыканте –

Ратсгерры, встаньте!

Девы, монет не тратящей,

Постановленье ратуши:

Гаммельн – не в царстве душ.

Раз музыкант – не муж,

Раз музыкант – не зять.

В названной отказать
девушке. (в царстве цен!)

И предложить взамен

Нечто из царства чар:

На инструмент – футляр.

Жвачно-бумажный.

Ибо́ не важно –

что – («Вещество – лишь знак».

Гёте) – а важно – как.

Тих как мех.

Тих как лев.

Губы в смех.

Брови в гнев.

Выше звезд,

Выше слов,

Во весь рост –

Крысолов.

«Раз музыкант – так мот.

Дудки не бережет

Дудочник. Треснет – свистнет,

Чехолоненавистник

Он – и футлярокол.

Раз музыкант – так гол.

Чист. Для чего красе –

Щит? Гнойники скрывают!

Кто со всего и всё

В мире – чехлы срывает!

Нехороша – так пнуть!

Чтоб просияла суть.

Не в ушеса, а в слух

Вам протрубят к обедне

В день, когда сбросит дух

Тело: чехол последний.

В день, когда станут – льды.

В душу – и без трубы.

Не в инструменте – в нас

Звук. Разбивайте дудки!

Зорче всего – без глаз

Видящий. Самый гудкий

И благодарный зал –

Грудь. Никогда не мал.

Не соловью беречь

Горло. (Три капли на́ ночь!)

Что до футляра – в печь!

Или наденьте на́ нос...

Ратсгерры! Долг и мзду –

Дочь бургомистра. Жду».

Зашушукали: шу-шу-шук...

«За каких-нибудь десять штук

Жалких – благо бы крыс! – мышей!

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не видать как своих ушей».

Грета, Грета, попалась в сеть!

Легче уши свои узреть,

Нежель душу.

– Камыш, шурши!

Не видать как своей души.

ДЕТСКИЙ РАЙ
(Глава шестая и последняя)
Розан ал, студень гол,

А будильник – зол.

В школу! В школу! В школу! В школу!

Норд-Ост – в спину! Норд-Вест – в полы!

Не продравши глаз –

В класс! в класс! в класс!

Жарче шуб, слаще дынь –

А будильник: дзинь!

Разрывай-рывай глаза!

Спать нельзя! нельзя! нельзя!

Собирай-бирай мозги!

Тьма – ни зги! ни зги! ни зги!

Но – гами в чан!

Под кран! Под кран!

Не роман и не драма, – скушна весьма!

Из-под крана смывайте румяна сна!

Готы идут и гунны.

Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов – а мир был мал! –

Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл.

Гунн да галл.

(Спутал – влёт).

Галл да гот.

Гот да галл.

– Слишком мал –

Гунн да гот,

– Бутерброд.

Гунны – конные, ножки гнуты.

В фунте двадцать четыре фута.

Плюс на минус выходит – плюс.

Цезарь – немец.

Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.

– Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.

– Отосплюсь – просплюсь – просплюсь...

Буки – Аз –

В щелки глаз.

Сотней ос –

В ноздри, в нос.

Нá сто лет, нá сто мод –

Мой завод – завод – завод.

– Рухнет дуб, рухнет трон –

Заведен – ведён – ведён.

Сотни лет, сотни мод –

А что дальше будет –

Скажет тот, скажет тот,

кто будильник – будит.

Что́ есть час? что́ есть год?

Ведь и кратер глохнет!

Скажет тот, скажет тот,

кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,

А будильник – цел.

Были доли –

Выросли горы.

Нынче – в школу,

Завтра – в контору.

Где вы, пчелы?

Где вы, зубрилы?

Нынче в школу,

Завтра в могилу...

Утомительней мошканы...

– Шко – ля – ры!

Что́ это? Новый звук!

Книги летят из рук

– Мимо – и прямо в печь.

Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз,

Сало упало в таз,

Мыло упало в суп –

в школьную Morgensupp! [36]

Звуки! Звуки! Как из лейки!

Как из тучи! Как из глаз!

Это флейта, это флейта

Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!

Топот-притоп, топот пряд

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– флейта, лей нам! флейта, пой нам! –

Жеребят, козлят, телят.

Вольница.

Конница.

Школьники.

Школьницы.

Что ливень с суков,

что щебень с горы –

Со всех чердаков

Горох детворы.

Школьник? Вздор. Бальник? Сдан.

Ливня, ливня барабан!

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.

Щебня, щебня водопад!

Всплески! Всплески! Как из шайки!

Атлас, старься! Грифель, жди!

В роще – сойки, в роще – зайки,

в роще – белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,

Рты и глотки растворя,

Дикари миссионером

Заедают жития.

– Дет – во – ра!

Золотых вечеров мошкара...

Ди – ка – ри!

Голосистых прудов пискари...

Прочь из нор!

Мотылек – не сурок, не бобер.

Прочь из школ!

Ведь еще первоцвет не отцвел.

Есть у меня – не в службу, а в дружбу! –
Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
– Глубокая ловля и быстрая гребля, –
Для девочек – иглы, для мальчиков – кегли,

На – ряд и доспех,
И – вафли – для всех.

Птичкам – рошица, рыбкам – озерце,
На все особи, на все возрасты!

Младшим – сладости, старшим – пряности, –
На все тайности, на все странности.

Блеск – больно глазам:
Эдем и Сезам.

Под родительскою крышею
Вы там-там бессонный слышали?

Под родительскою кровлею
Кто шербет блаженный пробовал?

Дом – тесный загон
Для львов и для жен.

Есть у меня – сказал, так в ладони! –
Для девочек лани, для мальчиков кони,
Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков – войны, для девочек – свадьбы,

Весь мир – нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все отметки!

Рыбкам – озерце, птичкам – лето, –
Уничтожены все предметы!

Рож – дественский стол

В древнейшей из школ.

– Говорят, что он в зеленом!

– Где ж он? – Я иду за звоном.

– Он в жару меня баюкал.

– Где ж он? – Я иду за звуком.

– Я за красною фатой.

– Я за старшею сестрой.

– Говорят, что рай – далёко.

– Я не выучил урока.

– Что-то боязно мне втайне.

– Я – за дальним. Я – за крайним.

– Я – чтоб детство навестать.

– Не остаться. – Не отстать.

– За отчаявшимся кладом.

– Я – за славой. Я – за стадом.

– Все равно – домой нельзя уж!

Я – так за́ море! Я – замуж.

– Потому что в школе бьют.

– Потому что все идут.

– Ночевать хотел бы в сене.

– Я – за францем. Я – за всеми.

– Воевать хотел бы с львами.

– Я? не знаю. Ноги сами.

Потому что фатер – бьет.

Потому что – всё идет!

...Колотушки – и те в миндалинках!

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Погремушки для самых маленьких!

Сказки – пастора рассмешишь!
И романтики для больших.

На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков – пули, для девочек – бусы.
На всякие жажды! на всякие масти!
Для мальчиков – игры, для девочек – страсти.

Без свах, без помех.
И – письма – для всех.

– Говорят, что он заводит,
Топит. (Ворочай, народец!)

– Заведет, потом загубит!
– Раз не может, так не будет

Хуже! – В лад – так не злодей!
– в ад – так без проповедей!

– Хорошо еще, что вместе,
Кучей. – А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше, –
Где ж он?) – Ничего не слышу:

Ни гопп-гопп и ни ду-ду, –
Всё идут, и я иду.

– Есть у меня – всё, всё, кроме ренты!
Для мальчиков флинты, для девочек ленты,
Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек – звуки, для мальчиков – смыслы,

Сих – с теми – родство.
И – рифма – на всё.

Ветер в полы!
Мимо школы!

Целым цирком –
Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан –
До свидания, классный!
До свидания, пастор!

Не напишем и не пиши!
– Малыши!

Есть у меня – не всё перескажешь! –
Для мальчиков – радость, для девочек – тяжесть,
Нежна – перелюбишь, умна – переборешь.
Для мальчиков – сладость, для девочек – горечь.

Дно – страсти земной..
И – рай – для одной.

Здесь – путы,
Здесь – числа...

Разруха..
Разлука...

Рай – сути,
Рай – смысла,
Рай – слуха,
Рай – звука.

Точно облачко перистое,
Шепот: Грета бургомистрова!

Стройтесь, резвые невестины
Сёстры в свадебное шествие.

Позабыв о сальных бальниках –
За руку берите маленьких.

Школьный дом уже с горошину!

На руки берите крошечных

Братцев аистовых...

– Не раскаиваться!

Вроде благовеста...

– Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,

Города самый край.

– Зарастай,

След от ног наших. Спросят – в Китай.

Враний грай,

Голоса и шаги заглашай.

Вы, кусты,

Не храните одежд лоскуты.

Ветер, ты

Голоса и шаги относи.

Без следа!

Говорят, что сегодня среда:

День труда.

В том краю воскресенье всегда.

Жить – стареть,

Неуклонно стареть и сереть.

Жить – врагу!

Всё, что вечно – на том берегу!

В царстве моем – ни тюрем, ни боен, –

Одно ледяное! одно голубое!

Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей

Для девочек – перлы, для мальчиков – ловля

Их. – С грецкий орех!

И – ванна – для всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,
жемчуг – чуждая болезнь.

Хворост – сер. Хочешь – ал?
Вместо хворосту – коралл.

В царстве моем – ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,
Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето краснó.
И – время – на всё.

Тише, тише, дети! Отданы
В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,
В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! Кто-то: ил!
Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! Кто-то: гул!
Кто-то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики
Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.
– Хри – зо – лит!

Красные мхи, лазурные ниши...
(А ноги всё ниже, а небо всё выше...)
Зеркальные ложи, хрустальные зальца...

А что-то всё ближе, а что-то всё дальше...

– Берегись! По колено вяз!

– Хри – зо – праз!

А вода уже по плечико

Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!

А вода уже по горлышко, –

Усладительней простыни...

– Хру – ста – ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce[37])...

А веку всё меньше, а око всё больше...

Болотная чайка? Младенческий чепчик?

А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!

Подступает к подбородочку,

Хороши чертоги выстроил

Нищий – дочке бургомистровой?

– Вечные сны, бесследные чащи...

А сердце всё тише, а флейта всё слаще...

– Не думай, а следуй, не думай, а слушай...

А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

– Муттер, ужинать не зови!

Пу – зы – ри.

Вшеноры, март 1925 – Париж, ноябрь 1925

С МОРЯ

Поэма

С Северо-Южным,

Знаю: невозможным!

Можным – коль нужным!

В чем-то дорожном,

– Воздухокрутом,

Мчащим щепу! –

Сон три минуты

Длится. Спешу.

С кем – и не гляну! –

Спишь. Три минуты.

Чем с Океана –

Долго – в Москву-то!

Молниеносный

Путь – запасной:

Из своего сна

Прыгнула в твой.

Снюсь тебе. Четко?

Глядко? Почище,

Чем за решеткой

Штемпельной? Писчей –

Стюю? Почтовой –

Стюю? Красно?

Честное слово

я, не письмо!

Вольной цензуры

Нрав. прыгом с барки!

что без цензуры –

даже без марки!

всех объегоря,

– скоропись сна! –

вот тебе с моря –

вместо письма!

вместо депеши.

Вес? Да помилуй!

Столько не вешу

вся – даже с лирой

Всей, с сердцем Ченчи,

Всех, с целым там.

Сон, это меньше

Десяти грамм.

Каждому по три –

шесть (сон взаимный).

Видь, пока смотришь:

Не анонимный

Нос, твердозначен

лоб, буква букв –

ять, ять без сдачи

в подписи губ.

я – без описки,

я – без помарки.

Роз бы альпийских

Гордость, да хибарка

На море, да но

волны добры.

Вот с Океана,

Горстка игры.

Мало-помалу бери, как собран.

Море играло. Играть – быть добрым.

Море играло, а я брала,

Море теряло, а я клала

За ворот, за щеку, – терпко, морско!

Рот лучше ящика, если горсти

Заняты. Валу, звучи, хвала!

Муза теряла, волна брала.

Крабьи кораллы, читай: скорлупы.
Море играло, играть – быть глупым.
Думать – седая прядь! –
Умным. Давай играть!

В ракушки. Темп up petit navir'a. [38]
Эта вот – сердцем, а эта – лирой,

Эта, обзор трех куч,
детства скрипичный ключ.
Подобрала у рыбацкой лодки.
Это – голодной тоски обглодки:

Камень – тебя щажу, –
лучше волны гложу,

Осатанев на пустынном спуске.
Это? – какой-то любви окуски:

Восстановить не тщусь:
Так неглубок надкус.

Так и летит не внесенный в списки.
Это – уже не любви – огрызки:

Совести. Чем слезу
лить-то – ее грызу,

Не угрызому ни на столько.
Это – да нашей игры осколки

Завтрашние. Не видь.
Жаль ведь. Давай делить.

Не что понравится, а что выну.
(К нам на кровать твоего бы сына
Третьим – нельзя ль в игру?)
Первая – я беру.

Только песок, между пальцев, ливкий.

Стой-ка: какой-то строфы отрывки:

«Славы подземный храм».

Ладно. Допишешь сам.

Только песок, между пальцев, плёский.

Стой-ка: гремучей змеи обноски,

Ревности! Обновясь,

Гордостью назвалась.

И поползла себе с полным правом.

Не напостовцы – стоять над крабом

Выеденным. Не краб:

Славы кирпичный крап.

Скромная прихоть:

Камушек. Пемза.

Полый как критик.

Серый как цензор

Над откровеньем.

– Спят цензора! –

Нашей поэме

Цензор – заря.

(Зори – те зорче:

С током Кастальским

В дружбе. На порчу

Перьев – сквозь пальцы...

(«Вирши, голубчик?

Ну и чёрно!»

И не взглянувши:

Разрешено!)

Мельня ты мельня, морское кóло!

Мамонта, бабочку, – всё смололо

Море. О нем – щепоть
Праха – не нам молоть!

Вот только выговорюсь – и тихо,
Море! прекрасная мельничиха,
Место, где на мели
Мелочь – и нас смели!

Преподаватели! Пустомели!
Материки, это просто мели
Моря. Родиться (цель –
Множиться!) – сесть на мель.

Благоприятную, с торфом, с нефтью.
Обмелевающее бессмертье –
Жизнь. Невпопад горды!
Жизнь? Недохват воды
Недокеанской.

Винюсь заране:

я нанесла тебе столько дряни,
Столько заморских див:
Всё, что нанес прилив.

Лишь оставляет, а брать не просит.
Странно, что это – отлив приносит,
Убыль, в ладонь, дает.
Не узнаешь ли нот,

Нам остающихся по́ две, по́ три
В час, когда БОГ их принесший – отлил,
Отбыл... Орфей... Арфист...
Отмель – наш нотный лист!

– Только минуту еще на сборы!
я нанесла тебе столько вздору:
Сколько язык смолот, –
Целый морской подол!

Как у рыбачки, моей соседки.

Но припасла тебе напоследки

Дар, на котором строй:

Море роднит с Москвой,

Советороссию с Океаном

Республиканцу – рукой шуана –

Сам Океан-Велик

Шлет. Нацепи на шлык.

И доложи мужикам в колосьях,

Что на шлыке своем краше носят

Красной – не верь: вражду

Классов – морей звезду!

Мастеровым же и чужеземцам:

Коли отстали от Вифлеемской,

Клин отхватив шестой,

Обречены – морской:

Прабогатырской, первобылинной.

(Распространяюсь, но так же длинно

Море – морским пластам.)

Так доложи ж властям,

– Имени-звания не спросила –

Что на корме корабля Россия

Весь корабельный крах:

Вещь о пяти концах.

Голые скалы, слоновьи ребра...

Море устало, устать – быть добрым.

Вечность, махни веслом!

Влечь нас. Давай уснем.

Вплоть, а не тесно,

Огонь, а не дымно.

Ведь не совместный
Сон, а взаимный:

В Боге, друг в друге.
Нос, думал? Мыс!
Брови? Нет, дуги,
Выходы из –

Зримости.

Вандея, St. Gilles-sur-Vie.
Май 1926

ПОПЫТКА КОМНАТЫ
ПОЭМА
Стены косности сочтены

До меня. Но – заскок? случайность? –
Я запомнила три стены.
За четвертую не ручаюсь.

Кто те знает, спиной к стене?
Может быть, но ведь может не

Быть. И не было. Дуло. Но
Не стена за спиной – так..? Всё, что
Не угодно. Депеша «Дно»,
Царь отрекся. Не только с почты

Вести. Срочные провода
Отовсюду и отвсегда.

На рояле играл? Сквозит.
Дует. Парусом ходит. Ватой –
Пальцы. Лист сонатинный взвит.
(Не забудь, что тебе – девятый.)

Для невиданной той стены
Знаю имя: стена спины

За роялем. Еще – столом

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Письменным, а еще–прибором

Бритвенным (у стены – прием –
Этой – делаться коридором

В зеркале. Перенес – взглянул.
Пустоты переносный стул).

Стул для всех, кому не войти –
Дверью, – чуток порог к подошвам!
Та стена, из которой ты
Вырос – поторопилась с прошлым –

Между нами еще абзац
Целый. Вырастешь как Данзас –

Сзади.

Ибо Данзасом – та,
Званным, избранным, с часом, с весом,
(Знаю имя: стена хребта!)
Входит в комнату – не Дантесом.

Оборот головы. – Готов?
Ты и ты через десять строф.

Строк.

Глазная атака в тыл.
Но, оставив разряд заспинный,
Потолок достоверно – был.
Не упорствую: как в гостиной,
Может быть и чуть-чуть косил.
(Штыковая атака в тыл –
Сил.)

И вот уже мозжечка
Сжим. Как глыба спина расселась.
Та сплошная стена Чека,
Та – рассветов, ну та – расстрелов

Светлых: четче, чем на тени

Жестов – в спину из-за спины.

То, чего не пойму: расстрел.

Но, оставив разряд застенный,

Потолок достоверно цел

Был (еще впереди – зачем нам

Он). К четвертой стене вернусь:

Та, куда, отступая, трус

Оступается.

«Ну, а пол –

Был? На чем-нибудь да ведь надо ж?..»

Был. – Не всё. – На качель, на ствол,

На коня, на канат, на шабаш, –

Выше!..

Всем нам на «тем свету»

С пустотою срывать пята

Тяготенную.

Пол – для ног.

– Как внедрен человек, как вкраплен! –

Чтоб не капало – потолок.

Помнишь, старая казнь – по капле

В час? Трава не росла бы в дом –

Пол, земля не вошла бы в дом –

Всеми – теми – кому и кол

Не препятствие ночью майской!

Три стены, потолок и пол.

Всё, как будто? Теперь – являйся!

Оповестит ли ставнею?

Комната наспех составлена,

Белесоватым по серу –

В черновике набросана.

Не штукатур, не кровельщик –
Сон. На путях беспроводных
Страж. В пропастях под веками
Некий нашедший некую.

Не поставщик, не мебельщик –
Сон, поголее ревельской
Отмели. Пол без блёсткости.
Комната? Просто – плоскости.

Дебаркадер приветливей!
Нечто из геометрии,
Бездны в картонном томике,
Поздно, но полно, понятой.

А фэтонов тормоз-то –
Стол? Да ведь локтем кормится
Стол. Разлоктись по склонности,
Будет и стол – настольности.

Так же, как деток – аисты:
Будет нужда – и явится
Вещь. Не пекись за три версты!
Стул вместе с гостем вырастет.

Все вырастет,
Не ладь, не строй.
Под вывеской
Сказать – какой?

Взаимности
Лесная глушь
Гостиница
Свиданье Душ.

Дом встречи. Все – разлуки –
Те, хоть южным на юг!

Прислуживают – руки?

Нет, то, что тише рук,

И легче рук, и чище

Рук. Подновленный хлам

С услугами? Тощица,

Оставленная там!

Да, здесь мы недотроги,

И вправе. Рук – гонцы,

Рук – мысли, рук – итоги,

Рук – самые концы...

Без судорожных «где ж ты?».

Жду. С тишиной в родстве,

Прислуживают – жесты

В Психеином дворце.

Только ветер поэту дорог!

В чем уверена – в коридорах.

Прохождение – вот армий база.

Должно долго идти, чтоб сразу

Середь комнаты, с видом бога-

Лиродержца...

– Стиха дорога!

Ветер, ветер, над лбом – как стягом

Подымаемый нашим шагом!

Водворенное «и так дале» –

Коридоры: домашность дали.

С грачьим профилем иноверки

Тихой скоростью даль, по мерке

Детских ног, в дождеватом пруфе

Рифмы милые: грифель – туфель –

Кафель... в павлиноватом шлейфе
Где-то башня, зовется Эйфель.

Как река для ребенка – галька,
Дали – долька, не даль – а далька,

В детской памяти, струнной, донной –
Даль с ручным багажом, даль – бонной...

Не сболтнувшая нам (даль в модах)
Что там тащится на подводах...

Доведенная до пенала...
Коридоры: домов каналы.

Свадьбы, судьбы, события, сроки, –
Коридоры: домов притоки.

В пять утра, с письмецом подметным,
Коридором не только метлы

Ходят. Тмином разит и дерном.
Род Занятия? Ко – ри – дорный.

Тó лишь требуя, что смолола –
Коридорами – Карманьола!

Кто коридоры строил
(Рыл), знал куда загнуть,
Чтобы дать время крови
Зá угол завернуть

Сёрдца – за тот за острый
Угол – громов магнит!
Чтобы сердечный остров
Со всех сторон омыт

Был. Коридор сей создан
Мной – не проси ясней! –

Чтобы дать время мозгу

Оповестить по всей

Линии – от «посадки

Нету» до узловой

Сердца: «Идет! Бросаться –

Жмурься! А нет – долой

С рельс!» Коридор сей создан

Мной (не поэт – проста!),

Чтобы дать время мозгу

Распределить места,

Ибо свиданье – местность,

Роспись – подсчет – чертеж –

Слов, не всегда уместных,

Жестов, погрешных сплошь.

Чтобы любовь в порядке –

вся, чтоб тебе любя –

вся, до последней складки –

Губ или платья! Лба.

Платье всё оправлять умели!

Коридоры: домов туннели.

Точно старец, ведомый дочерью –

Коридоры: домов ущелья.

Друг, гляди! Как в письме, как в сне том –

Это я на тебя просветом!

В первом сне, когда веки спустишь –

Это я на тебя предчувствьем

Света. В крайнюю точку срока

Это я – световое око.

А потом?

Сон есть: в тон.

Был – подъем,

Бал – наклон

Лба – и лба.

Твой – вперед

Лоб. Груба

Рифма: рот.

Оттого ль, что не стало стен –

Потолок достоверно крен

Дал. Лишь звательный цвел падéж

В ртах А пол – достоверно брешь.

А сквозь брешь, зелена как Нил...

Потолок достоверно плыл.

Пол же – что, кроме «провались!» –

Полу? Что нам до половиц

Сорных? Мало мела? – Горé!

Весь поэт на одном тире

Держится...

Над ничем двух тел

Потолок достоверно пел –

Всеми ангелами.

St. Gilles-sur-Vie,

6 июня 1926

ПОЭМА ЛЕСТНИЦЫ
Короткая ласка

На лестнице тряской.

Короткая краска

Лица под замазкой.

Короткая – сказка:

Ни завтра, ни здравствуй.

Короткая схватка
На лестнице шаткой,
На лестнице падкой.

В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад –

В ад...
– стезею листков капустных!

Точно лестница вся из спусков,
Точно больше (что – жить! жить – жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.

Так, до розовых уст дорваться –
Мы порой забываем: здравствуй.
Тех же уст покидая край –
Кто – когда – забывал: прощай.

Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.

От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.

Знаешь проповедь
Тех – мест?
Кто работает –
Тот – ест.

Дорого в лавках!
Тощ – предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.

В жизненной давке –

Княжеский принцип:

Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.

Взрывом газовым

Час. Да-с.

Кто отказывал,

Тот – даст.

Даст!

(Нынче зубаст

Газ) ибо за нас

– Даст! – (тигр он и барс)

– Даст! – черт, а не Маркс!

Ящик сорный,

Скажут, скажите: вздор.

И у черной

Лестницы есть ковер.

(Масти сборной,

Правда...) Чеснок, коты, –

И у черной

Лестницы есть Сoty.

Любят сласти-то

Червяки теснот!

Это – классика:

Чердаку – чеснок.

Может лечатся...

А по мне – так месть:

Черной лестницы

Черноту заесть.

Стихотворец, бомбист, апаш –

Враг один у нас: бель-этаж.

Короткая сшибка

На лестнице щипкой,
На лестнице сыпкой –
Как скрипка, как сопка,
Как нотная стопка.
Работает – топка!

Короткая встрепка
На лестнице шлепкой,
На лестнице хлопкой.

Бьем до искр из глаз,
Бьем – в лёжь.
Что с нас взыскивать?
Бит – бьешь.

Владельца в охапку –
По лестнице капкой,
По лестнице хлипкой –

Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.

– Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!
Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.

Судор'жь! Сутолочь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? вниз?

Что этаж – свой кашель:
В прямой связи.
И у нашей

Лестницы есть низы,

Кто до слез, кто с корнем,

Кто та́к, кхи, кхи –

И у черной

Лестницы есть верхи.

– Вас бы выстукать!

– Киркой в грудь – ужо!

Гамма приступов

От подвала – до

Крыши – грохают!

Большинством заплат –

Маркса проповедь

На стравинский лад.

Короткая спевка

На лестнице плёвкой:

Низов голосовка.

Не спевка, а сплёвка:

На лестницу легких

Ни цельного – ловко!

Торопкая склёвка.

А ярости – в клохтах!

Работают – ох как!

Что ни бросите –

Всё – в ход.

Кто не досыта ест –

Жрет.

Стол – как есть домашний:

Отъел – кладут.

И у нашей

Лестницы – карта блюд.

Всех сортов диета!
кипящей бак –
и у этой
Лестницы – Франценсбад.

Сон Иакова!
В старину везло!
Гамма запахов
От подвала – до

Крыши – стряпают!
Ре-ми-фа-соль-си –
Гамма запахов!
Затыкай носы!

Точно в аду вита,
Раскалена – винта

Железная стружка.
Которая стопка
Ног – с лестницы швыркой?

Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.

Последняя сцепка
Двух – кости да тряпки –
Ног – с лестницей зыбкой.

Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.

Тихо. – Даже – кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей

Тишины...

Последняя взбѣжка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.

Темнота всё стерла –
И грязь, и нас.
И у черной
Лестницы есть свой час

Чистоты...

Откуда – узнай-ка! –
Последняя шайка –
– Рейн, рухнувший с Альп –
Воды об асфальт

Двора...

Над двором – узорно:
Вон – крест, вон – гроздь...
И у черной
Лестницы – карта звезд.

* * *

Ночь – как бы высказать? [39]

Ночь – вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться –

Вся! Все унижены –
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выпренности:
Вещь хочет выпрямиться.

Винт черной лестницы –
Мнишь – стенкой лепится?

Ночь: час молитвенностей:

Винт хочет вытянуться.

Высь – вещь надежная.

В вещь – честь заложена.

Ложь вижу выломанной

Пря – мою линиюю.

Двор – горстка выбоин,

Двор – год не выгребен! –

Цветами, ягодами –

Двор бредит загородом.

Вещь, бросив вежливость:

– Есмь мел! железо есмь!

Не быть нам выкрестами!

Жид, пейсы выпроставший.

Гвоздь, кафель, стружка ли –

Вещь – лоно чувствует.

С ремёсл пародиями

В спор – мощь прародинная.

Стекло, с полок бережных:

– Пе – сок есмь! Вдребезги ж!

Сти – хий пощечина!

Стекло – в пыль песочную!

Прочь, ложь и ломанность!

Тю – фяк: солома есмь!

Мат – рас: есмь водоросль!

Всё, вся: природа есмь!

Час пахнет бомбою.

Ве – ревка: льном была!

Огнь, в куче угольной:

– Был бог и буду им!

Что́ случилось с кранами?

– Пал – бог и встану им!

Чтоб сразу выговорить:

Вещь хочет выздороветь.

* * *

Мы, с ремеслами, мы, с заводами,

Что мы сделали с раем, отданным

Нам? Нож первый и первый лом,

Что мы сделали с первым днем?

Вещь как женщина нам поверила!

Видно, мало нам было дерева

И железа – отвесь, отбей! –

Захотелось досок, гвоздей,

Щеп! удобоваримой мелочи!

Что мы сделали, первый сделавши

Шаг? Планету, где всё о Нем –

На предметов бездарный лом?

Мы – с ремеслами, мы – с искусствами!

Растянув на одре Прокрустовом

Вещь... Замкнулась и ждет конца

Вещь – на адском одре станка.

Слава разносилась реками,

Славу утверждал утес.

В мир – одушевленный некуда! –

Что же человек превнес?

Нужно же, чтоб он, сей видимый

Дух, болящий бог – предмет

Неодушевленный выдумал –

Лживейшую из клевет!

Вы с предметами, вы с понятиями,

Вы с железом (дешевле платины),

Вы с алмазом (знатней кремня),

(С мыловаром, нужней меня!)

Вы с «незыблемость», вы с «недвижимость»,
На ступеньку которой – ниже нет,
В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь –

(Потому-то всегда взрываемся!)

Что вы сделали с первым равенством
Вещи – всюду, в любой среде –
Равной ровно самой себе.

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягиваю руку.
Человек – рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек – взрывал.

Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает – ломом.
Стол всегда утверждал, что – ствол.
Стул сломался? Нет, сук подвел.

В лакированных ваших клетках
Шумы – думаете – от предков?
Просто, звезды в окно узрев,
Потянулся, в пазáх, орех.

Просыпаешься – как от залпа.
Шкаф разохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Двóрни домашней бал!
Газ взорвался? Нет, бес выиграл!

Ровно в срок подгнут перильца.

Нет – «нечаянно застрелился».

Огнестрельная воля бдит.

Есть – намеренно был убит

Вещью, в негодованьи стойкой.

В пустоту не летит с постройки

Камень – навыки таковы:

Камень требует головы!

Мечь утеса. С лесов – мечь леса!

Обстановочность этой пьесы!

чем обставились? дуб и штоф?

Застрахованность этих лбов!

Всё страхующих – вплоть до ситки

Жестяной. Это ты – тростник-то

мыслящий? – Биллиардный кий!

Застрахованность от стихий!

От Гефеста – со всем, что в оном –

дом, а яхту – от Посейдона.

Оцените и мысль и жест:

Застрахованность от божеств!

От Гефеста? А шпиль над крышей –

От Гефеста? Берите выше!

Но и тише! От всех в одном:

От Зевеса страхуют дом.

Еще плачетесь: без подмоги!

Дурни, спрашивается, боги,

Раз над каждым – язык неймет! –

Каждым домом – богоотвод!

Бухты, яхты, гешефты, кофты –

Лишь одной не ввели страховки:

От имущества, только – сей:

Огонь, страхующий от вещей.

* * *

Вещи бедных. Разве рогожа –
вещь? И вещь – эта доска?
Вещи бедных – кости да кожа,
вовсе – мяса, только тоска.

Где их брали? Вид – издалёка,
изглубока. Глаз не труди!
Вещи бедных – точно из бока:
взял да вырезал из груди!

Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже – этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья, –
весь октябрьский лес целиком!

Нищеты робкая мебель!
вся – чего? – четверть и треть.
вещь – давно, явно на небе!
на тебя – больно глядеть.

От тебя грешного зренья,
как от язв, трудно отвлечь.
Венский стул – там где о Вене –
кто? когда? – страшая вещь!

Лучшей всех – здесь – обеспечен,
был бы – дом? мало! – чердак
Ваш. Лишь здесь ставшая вещью –
вещь. Вам – бровь, вставшая в знак

? – сей. На рвань нудную, вдовью
что? – бровь вверх! (чем не лорнет –
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть – предмет.

Так подчас пуст он и сух он –

Женский глаз, дивный, большой,
Что – сравните – кажется духом –
Таз, лохань с синькой – душой.

Наравне с тазом и с ситом
– Да – царю! Да – на суде! –
Каждый, здесь званный, пиитом,
Этот глаз знал на себе!

Нищеты робкая утварь!
Каждый нож лично знаком.
Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то здесь, всем – за окном –

Тем, пустым, тем – на предместьях –
Те – читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: не примут в багаж.

Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти...

В слезах –

Оттого что: не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а наш
Шкаф.

Оттого что сердцец и душ
Не сдают в багаж.

Вещи бедных – плоше и суше:
Плоше лыка, суше коряг.
Вещи бедных – попросту – души,
Оттого так чисто горят.

* * *

Ввысь, ввысь

Дым тот легкий!

Чист, чист
Лак от локтя!

Где ж шлак?
Весь – золой
Лак, лак
локтевой!

Прям, прям
Дым окраин.
Труд – Хам,
Но не Каин.

Обшлаг –
Вдоль стола.
Наш лак
Есть смола.

Стол – гол – на вещицы,
Стол – локтем вощится,
Воск чист, локоть востр.
За – стывший пот – воск.

Им, им – ваших спален
(Вощим, но не сáлим!)

Им, им так белы
Полы – до поры!

* * *
Вещи бедных – странная пара
Слов. Сей брак – взрывом грозит!
Вещь и бедность – явная свара.
И не то спáрит язык!

Пономарь – что ему слово?
Вещь и нищ. Связь? нет, разлад.
Нагота ищет покровы,
Оттого так часто горят

Чердаки – часто и споро –
Час да наш в красном плаще!
Теснота ищет – простора
(Автор сам в рачьей клешне).

Потолок, рухнув – по росту
Стал – уж горб нажил, крался.
Право́та ищет помоста:
Всё сказать! Пусть хоть с костра!

А еще – место есть: нары.
Ни луча. Лучная – вонь.
Бледнота ищет загару.
О всем том – помнит огонь.

* * *
Связь, звучанье парное:
Черная – пожарная.

У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.

В вечной юбке сборчатой –
Не скреби, уборщица!

Пережиток сельскости –
Не мети, метельщица!

Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.

Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный

Коробок...

– как вылизан

Пол, светлее зеркала!
Есть взамен пожизненной
Смерти – жизнь посмертная!

Грязь явственно сожжена!

Дом – красная бузина!

Честь – царственно спасена!

Дом – красная купина!

Ваши рабства и ваши главенства –

Погляди, погляди, как валятся!

Целый рай ведь – за мин удушья!

Погляди, погляди, как рушатся!

Печь прочного образца! [40]

Протопится крепостца!

Всё тучки поразнесло!

Просушится бельецо!

Пепелище в ночи? Нет – займище!

Нас спасать? Да от вас спасаемся ж!

Не топчите золотого пастбища!

Нас? Да разве спасают – спасшихся?

Задивившись на утро красное,

Это ясьень суки выпрастывает!

Спелой рожью – последуй ломтичек!

Бельевая веревка – льном цветет!..

А по лестнице – с жарко-спящими –

Восходящие – нисходящие –

Радуги...

* * *

– Утро

Спутало перья:

Птичьё? мое? не вемо.

Первое утро – первую дверью

Хлопает...

Спит поэма.

Вандея, июль 1926

НОВОГОДНЕЕ

ПОЭМА

С Новым годом – светом – краем – кровом!

Первое письмо тебе на новом

– Недоразумение, что злачном –

(Злачном – жвачном) месте зычном, месте звучном

Как Эолова пустая башня.

Первое письмо тебе с вчерашней,

На которой без тебя изноюсь,

Родины, теперь уже с одной из

Звезд... Закон отхода и отбоя,

По которому любимая люблю

И небывшею из небывалой.

Рассказать, как про твою узнала?

Не землетрясение, не лавина.

Человек вошел – любой – (любимый –

Ты). – Прискорбнейшее из событий.

– В Новостях и в Днях. – Статью дадите?

– Где? – В горах. (Окно в еловых ветках.

Простыня.) – Не видите газет ведь?

Так статью? – Нет. – Но... – Прошу избавить.

Вслух: трудна. Внутри: не христопродавец.

– В санатории. (В раю наемном.)

– День? – Вчера, позавчера, не помню.

В Альказаре будете? – Не буду.

Вслух: семья. Внутри: всё, но не Иуда.

С наступающим! (Рождался завтра!) –

Рассказать, что сделала, узнав про..?

Тсс... Оговорилась. По привычке.

Жизнь и смерть давно беру в кавычки,

Как заведомо-пустые сплёты.

Ничего не сделала, но что-то

Сделалось, без тени и без эха
Делающее!

Теперь – как ехал?
Как рвалось и не разорвалось как –
Сердце? Как на рысаках орловских,
От орлов, сказал, не отстающих,
Дух захватывало – или пуще?
Слаще? Ни высот тому, ни спусков
На орлах летал заправских русских –
Кто. Связь кровная у нас с тем светом:
На Руси бывал – тот свет на этом
Зрел. Налаженная перебежка!
Жизнь и смерть произношу с усмешкой,
Скрытую – своей ее коснешься!
Жизнь и смерть произношу со сноской,
Звездочкою (ночь, которой чаю:
Вместо мозгового полушарья –
Звездное!)

Не позабыть бы, друг мой,
Следующего: что если буквы
Русские пошли взамен немецких –
То не потому, что нынче, дескать,
Всё сойдет, что мертвый (нищий) все съест –
Не сморгнет! – а потому что тот свет,
Наш, – тринадцати, в Новодевичьем
Поняла: не без- а всё-язычен.

Вот и спрашиваю не без грусти:
Уж не спрашиваешь, как по-русски
Nest?[41] Единственная, и все гнезда
Покрывающая рифма: звезды.

Отвлекаюсь? Но такой и вещи
Не найдется – от тебя отвлечься.
Каждый помысел, любой, Du Lieber,[42]

Слог в тебя ведет – о чем бы ни был
Толк (пусть русского родней немецкий
Мне, всех ангельский родней!) – как места
Несть, где нет тебя, нет есть: могила.
Всё как не было и всё как было,
– Неужели обо мне ничуть не? –
Окруженье, Райнер, самочувствие?
Настоятельно, всенепременно –
Первое видение вселенной
(Подразумевается, поэта
в оной) и последнее – планеты,
Раз только тебе и данной – в целом!
Не поэта с прахом, духа с телом,
(Обособить – оскорбить обоих)
А тебя с тобой, тебя с тобою ж,
– Быть Зевесовым не значит лучшим –
Кастора – тебя с тобой – Поллуксом,
Мрамора – тебя с тобою, травкой,
Не разлуку и не встречу – ставку
Очную: и встречу и разлуку
Первую.

На собственную руку
Как глядел (на след – на ней – чернильный)
Со своей столько-то (сколько?) мильной
Бесконечной ибо безначальной
Высоты над уровнем хрустальным
Средиземного – и прочих блюдец.
Всё как не было и всё как будет
И со мною за концом предместья.
Всё как не было и всё как есть уж
– Что списавшемуся до недельки
Лишней! – и куда ж еще глядеть-то,
Приблукотясь на обод ложи,
С этого – как не на тот, с того же –

Как не на многострадальный этот.
В Беллевию живу. Из гнезд и веток
Городок. Переглянувшись с гидом:
Беллевию. Острог с прекрасным видом
На Париж – чертог химеры галльской –
На Париж – и на немножко дальше..
Приблукотясь на алый обод,
Как тебе смешны (кому) «должно быть»,
(Мне ж) должны быть, с высоты без меры,
Наши Беллевию и Бельведеры!
Перебрасываюсь. Частность. Срочность.
Новый Год в дверях. За что, с кем чокнусь
Через стол? Чем? Вместо пены – ваты
Клок. Зачем? Ну, бьет – а при чем я тут?
Что мне делать в новогоднем шуме
С этой внутреннею рифмой: Райнер – умер.
Если ты, такое око смерклось,
Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть.
Значит – тмится, допойму при встрече! –
Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье,
Новое. И за него (соломой
Застелив седьмой – двадцать шестому
Отходящему – какое счастье
Тобой кончиться, тобой начаться!)
Через стол, необозримый оком,
Буду чокаться с тобою тихим чоком
Сткла о стекло? Нет – не кабацким ихним:
Я о ты, слиясь дающих рифму:
Третье.

Через стол гляжу на крест твой.
Сколько мест – загородных, и места
Загородом! и кому же машет
Как не нам – куст? Мест – именно наших
И ничьих других! Весь лист! Вся хвоя!

Мест твоих со мной (твоих с тобою).

(Что с тобою бы и на массовку –
Говорить?) что – мест! а месяцев-то!
А недель! А дождевых предместий
Без людей! А утр! А всего вместе
И не начатого соловьями!

Верно, плохо вижу, ибо в яме,
Верно, лучше видишь, ибо свыше:
Ничего у нас с тобой не вышло.
До того, так чисто и так просто
Ничего, так по плечу и росту
Нам – что и перечислять не надо.
Ничего, кроме – не жди из ряду
Выходящего (неправ из такта
Выходящий!) – а в какой бы, как бы
Ряд вошедшего б?

Припев извечный:

Ничего хоть чем-нибудь на нечто
Что-нибудь – хоть издали бы – тень хоть
Тени! Ничего, что: час тот, день тот,
Дом тот – даже смертнику в колодках
Памятью дарованное: рот тот!
Или слишком разбирались в средствах?
Из всего того один лишь свет тот
Наш был, как мы сами только отсвет
Нас, – взамен всего сего – весь тот свет!

С незастроеннейшей из окраин –
С новым местом, Райнер, светом, Райнер!
С доказуемости мысом крайним –
С новым оком, Райнер, слухом, Райнер!

Всё тебе помехой

Было: страсть и друг.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С новым звуком, Эхо!

С новым эхом, Звук!

Сколько раз на школьном табурете:

Что за горы там? Какие реки?

Хороши ландшафты без туристов?

Не ошиблась, Райнер – рай – гористый,

Грозовой? Не притязаний вдовьих –

Не один ведь рай, над ним другой ведь

Рай? Террасами? Сужу по Татрам –

Рай не может не амфитеатром

Быть. (А занавес над кем-то спущен...)

Не ошиблась, Райнер, Бог – растущий

Баобаб? Не Золотой Людовик –

Не один ведь Бог? Над ним другой ведь

Бог?

Как пишется на новом месте?

Впрочем есть ты – есть стих: сам и есть ты –

Стих! Как пишется в хорошей жисти

Без стола для локтя, лба для кисти

(Горсти)?

– Весточку, привычным шифром!

Райнер, радуешься новым рифмам?

Ибо правильно толкуя слово

Рифма – что – как не – целый ряд новых

Рифм – смерть?

Нéкуда: язык изучен.

Целый ряд значений и созвучий

Новых.

– До свиданья! До знакомства!

Свидимся – не знаю, но – споемся.

С мне-самой неведомой землею –

С целым морем, Райнер, с целой мною!

Не разъехаться – черкни заране.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С новым звуконачертаньем, Райнер!

В небе лестница, по ней с Дарами...

С новым рукоположеньем, Райнер!

– Чтоб не зáлили, держу ладонью. –

Поверх Роны и поверх Rarogn'a

Поверх явной и сплошной разлуки

Райнеру – Мария – Рильке – в руки.

Веллевие, 7 февраля 1927

ПОЭМА ВОЗДУХА

Ну, вот и двустишье

Начальное. Первый гвоздь.

Дверь явно затихла,

Как дверь, за которой гость.

Стоявший – так хвоя

У входа, спросите вдов –

Был полон покоя,

Как гость, за которым зов

Хозяина, бденье

Хозяйское. Скажем так:

Был полон терпенья,

Как гость, за которым знак

Хозяйки – всей тьмы знак! –

Та молния поверх слуг!

Живой или призрак –

Как гость, за которым стук

Сплошной, не по средствам

Ничьим – оттого и мрем –

Хозяйкина сердца:

Березы под топором.

(Расколотый ящик

Пандорин, ларец забот!)

Без счету – входящих,

Но кто же без стука – ждет?

Уверенность в слухе

И в сроке. Припав к стене,

Уверенность в ухе

Ответном. (Твоя – во мне.)

Заведомость входа.

Та сладкая (игры в страх!)

Особого рода

Оттяжка – с ключом в руках.

Презрение к чувствам,

Над миром мужей и жен –

Та Оптиная пустынь,

Отдавшая – даже звон.

Душа без прослойки

Чувств. Голая, как феллах.

Дверь делала стойку.

Не то же ли об ушах?

Как фавновы рожки

Вставали. Как ро – та... пли!

Еще бы немножко –

Да просто сошла б с петли

От силы присутствия

Заспинного. В час страстей

Так жилы трясутся,

Натянутые сверх всей

Возможности. Стука

Не следовало. Пол – плыл.

Дверь кинулась в руку.

Мрак – чуточку отступил.

* * *

Полная естественность.

Свойственность. Застой.

Лестница, как лестница,

Час, как час (ночной).

Вдоль стены распластанность

Чья-то. Одышав

Садом, кто-то явственно
Уступал мне шаг –
В полную божественность
Ночи, в полный рост
Неба. (Точно лиственниц
Шум, пены о мост...)
В полную неведомость
Часа и страны.
В полную невидимость
Даже на тени.
(Не черным-черна уже
Ночь, черна – черным!
Оболочки радужной
Киноварь, кармин –
Расцедив сетчаткою
Мир на сей и твой –
Больше не запачкаю
Ока – красотой.)
Сон? Но, в лучшем случае –
Слог. А в нем? под ним?
Чудится? Дай вслушаюсь:
Мы, а шаг один!
И не парный, слаженный,
Тот, сиротство двух,
Одиночный – каждого
Шаг – пока не дух:
Мой. (Не то, что дыры в них –
Стыд, а вот – платать!)
Что-то нужно выравнять:
Либо ты на пядь
Снизься, на мыслителей
Всех – державу всю!
Либо – и услышана:
Больше не звучу.

Полная срифмованность.

Ритм, впервые мой!

Как Колумб здороваюсь

С новой землей –

Воздухом. Ходячие

Истины забудь!

С сильною отдачею

Грунт, как будто грудь

Женщины под стоптанным

Вое-сапогом,

(Матери под стопками

детскими...)

В тугом

Шаг. Противу – мнения:

Не удобохож

Путь. Сопротивлением

Сферы, как сквозь рожь

Русскую, сквозь отроду –

Рис, – тобой, Китай!

Словно моря противу

(Противу: читай –

По сердцу!) сплечением

Толп. – Гераклом бьюсь!

– Землеизлучение.

Первый воздух – густ.

Сню тебя иль снюсь тебе, –

Сушь, вопрос седин

Лекторских. Дай, вчувствуюсь:

Мы, а вздох один!

И не парный, спаренный,

Тот, удушье двух, –

Одиночной камеры

Вздох: еще не взбух

Днепр? Еврея с цитрою
Взрыв: ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всесущие
Все, – страшась прошу –
Либо – и отпущена:
Больше не дышу.
Времечко осадное,
То, сыпняк в Москве!
Кончено. Отстрадано
В каменном мешке
Легкого! Исследуйте
Слизь! Сняты врата
Воздуха. Оседлости
Прорвана черта.

Мать! Недаром чаяла:
Цел воздухобор!
Но сплошное аэро –
Сам – зачем прибор?
Твердь, стелись под лодкою
Леткою – утла!
Но – сплошное легкое –
Сам – зачем петля
Мертвая? Полощется...
Плещется... И вот –
Не жалеите летчика!
Тут-то и полет!
Не рядите в саваны
Косточки его.
Курс воздухоплавания
Смерть, и ничего
Нового в ней. (Розысков

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дичь... Щепы?... Винты?..)

Ахиллесы воздуха

– все! – хотя б и ты,

Не дышите славою,

Воздухом низов.

Курс воздухоплавания

Смерть, где всё с азов,

Заново...

Слава тебе, допустившему бреши:

Больше не вешу.

Слава тебе, обвалившему крышу:

Больше не слышу.

Солнцепричастная, больше не щурюсь.

Дух: не дышу уж!

Твердое тело есть мертвое тело:

Оттяготела.

Легче, легче лодок

На слюде прибрежий.

О, как воздух легок:

Реже – реже – реже...

Баловливых рыбок

Скользь – форель за кончик...

О, как воздух ливок,

ливок! ливче гончей

Сквозь овсы, а скользок!

Волоски – а веек! –

Тех, что только ползать

Стали – ливче леек!

Что я – скользче лыка

Свежего, и лука.

Пагодо-музыкой

Бусин и бамбука, –

Пагодо-завесой...

Плещь! Все шли б и шли бы...

Для чего Гермесу –
Крыльца? Плавнички бы –
Пловче! Да ведь ливмя
Льет! Ирида! Ирис!
Не твоим ли ливнем
Шемахинским или ж
Кашемирским...

Танец –

Ввысь! Таков от клиник
Путь: сперва не тянет
Персть, потом не примет
Ног. Без дна, а твёрже
Льдов! Закон отсутствий
Всех: сперва не держит
Твердь, потом не пустит
В вес. Наяда? Пэри?
Баба с огорода!
Старая потеря
Тела через воду
(Водо-сомущения
Плеск. Песчаный спуск...)
– Землеотпущение.

Третий воздух – пуст.

* * *

Седью, как сквозь невод
Дедов, как сквозь косу
Бабкину, – а редок!
Редок, реже проса
В засуху. (Облезут
Всё, верхи бесхлебны.)
О, как воздух резок,
Резок, реже гребня
Песьего, для пёсьих
Курч. Счастливых засек

Редью. Как сквозь просып

Первый (нам-то – засып!)

Бредопереездов

Редь, связать-неможность.

О, как воздух резок,

Резок, резче ножниц.

Нет, резца... Как жальцем

В боль – уже на убыль.

Редью, как сквозь пальцы...

Сердца, как сквозь зубы

Довода – на Credo[43]

Уст полураскрытых.

О, как воздух цедок,

Цедок, цедче сита

Творческого (влажен

ил, бессмертье – сухо).

Цедок, цедче глаза

Гётевского, слуха

Рильковского... (Шепчет

Бог, своей – страшася

Мощи...)

А не цедче

Разве только часа

Судного...

В ломóту

Жатв – зачем рожаем?

...Всем неумолотом,

Всем неурожаем

Верха... По расщелинам

Сим – ни вол ни плуг.

– Землеотлучение:

Пятый воздух – звук.

* * *

Голубиных грудок

Гром – отсюда родом!

О, как воздух гудок,
Гудок, гудче года
Нового! Порубок
Гуд, дубов под корень.
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче горя
Нового, спасибо
Царского... Под градом
Жести, гудче глыбы –
В деле, гудче клада –
В песне, в большеротой
Памяти народной.
Соловьиных глоток
Гром – отсюда родом!
Рыдью, медью, гудью,
Вьюго-Богослова
Гудью – точно грудью
Певчей – небосвода
Небом или лоном
Лиро-черепахи?
Гудок, гудче Дона
В битву, гудче плахи
В жатву... По загибам,
Погрознее горных,
Звука, как по глыбам
Фив нерукотворных.
Семь – пласты и зыби!
Семь – heilige sieben![44]
Семь в основе лиры,
Семь в основе мира.
Раз основа лиры –
Семь, основа мира –
Лирика. Так глыбы
Фив по звуку лиры...

О, еще в котельной
Тела – «легче пуха!»
Старая потеря
Тела через ухо.
Ухом – чистым духом
Быть. Оставьте буквы –
Веку.

Чистым слухом

Или чистым звуком
Движемся? Преднота
Сна. Предзноб блаженства.
Гудок, гудче грота
В бури равноденствия.
Темени – в падучке,
Голода – утробой
Гудче... А не гудче
Разве только гроба
В Пасху...

И гудче гудкого –

Паузами, промежутками
Мочи, и движче движкого –
Паузами, передышками
Паровика за мучкою...
Чередованьем лучшего
Из мановений божеских:
Воздуха с – лучше-воздуха!
И – не скажу, чтоб сладкими –
Паузами: пересадками
С местного в межпространственный –
Паузами, полустанками
Сердца, когда от легкого –
Ох! – полуостановками
Вздоха – мытарства рыбного
Паузами, перерывами

Тока, паров на убыли
Паузами, перерубами
Пульса, – невнятно сказано:
Паузами – ложь, раз спазмами
Вздоха... Дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью...

 Не всё её –
Так. Иные – смерть,
– Землеотсечение.
Кончен воздух. Твердь.

Музыка надсадная!
Вдох, всегда вотще!
Кончено! Отстрадано
В газовом мешке
Воздуха. Без компаса
Ввысь! Дитя – в отца!
Час, когда потомственность
Ска – зы – ва – ет – ся.
Твердь! Голов бестормозных –
Трахт! И как отсечь:
Полная оторванность
Темени от плеч –
Сброшенных! Беспочвенных –
Грунт! Гермес – свои!
Полное и точное
Чувство головы
С крыльями. Двух способов
Нет – один и прям.
Так, пространством всосанный,
Шпиль роняет храм –
Дням. Не в день, а исподволь
Бог сквозь дичь и глушь

Чувств. Из лука – выстрелом –

Ввысь! Не в царство душ –

В полное владычество

Лба. Предел? – Осиль:

В час, когда готический

Храм нагонит шпиль

Собственный – и вычислив

Всё, – когорты числ!

В час, когда готический

Шпиль нагонит смысл

Собственный...

Медон, в дни Линдберга.

КРАСНЫЙ БЫЧОК

поэма

Будет играть – свет свечной:

С косточки – да – в ямочку.

– Мама! Какой сон смешной!

Сон-то какой! Мамочка!

С правой свечи – воск потек...

Ямочки ре – беночка!

– Будто за мной – красный бычок

По зеленой траве гонится!

Не проливайся,

Слеза соленая!

Бычок-то – красный!

Трава зеле – еная!

Ржавый замок, наглый зевок

Надписи: «нет выдачи».

– вот тебе бык, вот тебе рог!

Родичи, вслед идучи.

Жидкая липь, липкая жидь

Кладбища (мать:) – «садика».

– вот тебе бык... Жить бы и жить...

Родичи, вслед глядячи.

Нынче один, завтра другой.

Ком. Тишина громкая.

Глиняный ком, ком горловой.

В правой – платок скомканный.

Небо? – да как – не было! Лишь

Смежных могил прутьица.

То ль от стыда в землю глядишь?

Или же стыд – тупишься?

Поле зрачка – полем тоски

Ставшее.

Вес якоря:

Точно на них – те пятаки,

Коими тот заклиали

Взгляд. – Не поднять! – Чувство – понять!

Точно за дверь вытолкан.

Не позабыть старую мать

В глинице – по щиколку.

* * *

До – проводив, то есть – сдав – с рук

(Не руки ли?) – Следующий!

– Вот тебе бык, вот тебе луг...

Родичи, вспять едучи.

Установив (попросту сбыв!)

Что человек – глина есть...

– Ясное дело! При чем – бык?

Просто на мозг кинулось.

* * *

Длинный, длинный, длинный, длинный

Путь – три года на ногах!

Глина, глина, глина, глина

На походных сапогах.

«Дома», «дома», «дома», «дома»,

Вот Москву когда возьмем..

Дона, Дона, Дона, Дона

Кисель, смачный чернозем.

Полоса ты глиняна,

Пастила рябинова!

Широта-ты-родина!

Чернота смородинна!

Зычен, зычен, зычен, зычен

В ушах – топот, в ушах – мык.

Бычья, бычья, бычья, бычья

Это кличка – большевик.

* * *

«Не везет!» – «Подвези!»

Воевать не в лаковых!

День и ночь по грязи

Сапожищи чвакают.

Чернозем – чернотам –

Шепталá со смоквою!

Что да вслед сапогам

За копыта чмокают?

Мне и грязь на худых сапогах

Дорогá! дорогá! дорогá!

– А я – бык! а я – рог! а я – страх!

На рога! на рога! на рога!

я – большак,

Большевик,

Поля кровью крашу.

Красен – мак,

Красен – бык,

Краснó – время наше!

Бирюза –

Берега!

Воздушки весенни!

Не со зла –

На рога –

А с души веселья!

Сердце – чок.

– На – бо – чок.

– Мамочка??

– Бог милостив!

Красный бычок...

Большевичок...

Марковцы, кор – ниловцы...

Длинный, длинный, длинный, длинный

Путь. – Повязку на рукав!

Глина, глина, глина, глина

На французских каблуках

Матери.

Медон, апрель 1928

ПЕРЕКОП

Моему дорогому и вечному добровольцу

...А добрая воля

Везде – одна!

Dunkle Zypressen!

Die welt ist gar zu lustig.

Es wird doch alles vergessen.[45]

– Через десять лет забудут!

– Через двести – вспомнят!

(Живой разговор летом 1928 г. Второй – я.)

ВАЛ

– Каб не чех!

– Каб не тиф!

Кто-то: – эх!

Кто-то: – жив

бы колчак...

Солнцепёк.

Солончак.

Перекоп –

Наш. Семивёрстная мозоль

На вражеских глазах.

Земля была суха, как соль,

Была суха, как прах.[46]

Не то копыт, не то лопат

Стук: о костяк – костыль.

Земля была суха – как склад,

Почуявший фитиль!

– Ой, долго ли? Ой, скоро ли?

Нудá, нудá, нудá[47]

Все вялено, все солоно:

Земля, вода, еда.

Позевывай... постреливай...

К концу – к концу – к концу...

Что пили вы? что ели вы?

Камсу! камсу! камсу!

Бросит сын мой – дряхлой Европе

(Богатырь – здесь не у дел):

– Как мой папа – на Перекопе

Шесть недель – ежиков ел!

Скажет мать: – Евшему – слава!

И не ел, милый, а жрал.

Тем ежам – совесть приправой.

И поймет – даром, что мал!

Осточертевшая лазорь.

(С нее-то и ослеп

Гомер!)

...была суха, как соль,

Была суха, как хлеб –

Тот, неразмоченный слезой

Паёк: дары Кремля.

Земля была – перед грозой

Как быть должна земля.[48]

– Шутка ли! В норах!

После станиц-то!

Что мы – кроты, что ль?

Суслики, что ль?

Есть еще порох

В пороховницах,

И в солонницах

Совести – соль!

Безостановочный – не тек

Пот: просыхал, как спирт.

Земля была суха, как стог,

Была суха, как скирд.

Ни листик не прошелестит.

Флажок повис, как плеть.

Земля была суха, как скит,

Которому гореть.

Заступ. Сапог.

Насыпь? Костяк.

Коп – пере – коп.

Так – пере – так.

Пышущий лоб.

Высохший бак.

Коп – пере – коп.

Так – пере – так.

Вознагради тебя Трисвят,
Вал стародавен ханск!
Лепили – в Маркова ребят,
А получал – Армянск.

Хотели в глаз, садили в бровь,
Садили вкось и вкривь.
(Там перекапывалась новь,
Окапывалась – бывь.) [49]

– В тартарары тебя, тельца ласкова:
«Всем, всем, всем!» [50]
На солнцепёке – учба солдатская:
– При – цел: семь!

В тартарары с тобой (эх, не ты б-не ты!)
Шло – шла – шли. [51]
– По наступающему противнику,
Ро – та! – пли!

На вал взойди, лбом к северу:
Руси всяя – лицо.
В тылу – родство последнее:
Щемиловка-сельцо.

В плечах – пруды Сивашевы,
Сольца, гнильца сплошна.
С него и кличка нашему
Сиденьицу пошла:

Щемиловско. Ни нам, ни им!
В иные времена
Дает же БОГ местам иным
Такие имена!

Курск – действуем, Керчь – пьянствуем,
Да, но сидим в селе

Щемиловке.

...Дно – станция,

А то – Гуляй-Полé!

Панам – соли, полям – сули.

Звон! золота кули!

Гуляй – пали, гуляй – пыли:

Коли – гуляй – пали!

Галлиполи: чан – дó полну –

Скорбей. Бела – была.

Галлиполи: голó-поле:

Душа – голым-гоlá. [52]

В той Щемиловке – тошна б,

Каб не флаг над ней штабной –

Полка марковского – штаб.

Черный с белою каймой

флаг над штабом.

Рок над флагом.

Кресток бел, серпок ал.

Перекоп – перевал –

Руси – наковальня!

На валу – дневальный,

Под дневальным – гнезды,

Над дневальным – звезды.

Звезды непросчетные.

Гнезды пулеметные.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Стан прям – одни ребра –

Бог – раз, а два – Марков.

Иван? Сергей? Федор?

Москва? Тюмень? Харьков?

Никто. Безымянный.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(За битовку с Троцким

Кресток деревянный
взял.) [53]

Марковец – просто.

Казак? студент с Бронной?
Особая каста.
Не граф, не барон, не
Князь. Марковец – баста.

Отколь? ото всюду –
Руси. Тюмень – Пенза –
Земляк? – стрелять буду!
Земляк? – плати тем же!

* * *

Жена мужа кличу
Из Вятки в Тавриду –
Дневальному – слышно,
Дневальному – видно.

Ни тропы ни ямы
Такой заповедной –
Дневальному – знамо,
Дневальному – вемо.

Одни между Русью
Святой и Тавридой.
Жена мужу снюся –
Дневальному – видно.

Всё взад-вперед. Тыщу б
Покрыл – каб по шпалам. [54]
Что львище по рвищу –
Дневальный по валу.

Счет выходит. Станцьа.
И вспять, шажком бравым.
И Крым, земля ханска,

То влево, то вправо.

– «Повыжжем, повыбьем
Волчищу из хлева!»
И Русь, страна Дивья,
То вправо, то влево.[55]

Так – вправо, сяк – влево.
Путь долог, час добрый!
Поэт, гляди в небо!
Солдат, гляди в оба!

За – ветной боевой
– Блин с черною каймой –
Фуражки не порочь:
Режь, ешь глазами ночь!

Простиранной в поту,
Прострелянной в боку –
Рубашки не засаль:
Режь, ешь глазами даль!

Солдату не барыш –
Башка! были бы лишь
Погоны на плечах!
Ешь, режь глазами шлях!

– Одна, а завтра две –
На левом рукаве
Нашивки не бесчесть!

Русь: есть глазами есть
что...

– Эх, коль буду жив,
Ма – линовый налив!
Огурчики свежи
– Не ешь глазами – жри

Ночь! – Ночь–моя–ночлег!

Рос – сийский человек,

Один да на бугру –

Не ем глазами – жру

Русь.

СИРЕНЬ

Чертополохом (бело–сер,

У нас, в России – синь)

За провиантом – офицер.

(Степь, не забыть – полынь.)

На худо кормленном (сенцом!)

И жилистом, как сам,

Неунывающим (донском

Еще!) как все мы там.

Под комиссаром шел бы – гнед.

Для марковца – бел свет:

У нас теней не черных – нет,

Коней не белых – нет.

Чертополохом – веселей,

Конь! Далекó до куц!

Конечно белого белей

Конь, марковца везущ!

Солончаком, где каждый стук

Копыта: Геродот –[56]

В одноименный валу...

– внук

У вала: городок.

Вал – наш; а городок – ничей,

И посему – вещей

Закон – чумы, сумы нищей,

Щемиловки – нищей.

Так в этот самый – меловой
И вымерший, как чум –
За провиантом – верховой.
Строг, не скажу – угрюм.

С лицом Андреевым – Остап,
С душой бойца – Андрей.
Каб сказ – Егорьем назвала б,
Быль – назову Сергей.

Так и останутся – сторон
Спор – порастет травой! –
Звездоочитый чертогон,
Такой же верховой...

Так и останутся – раздор
В чертополохе – цел! –
Звездоочитый чертобор,
Такой же офицер...

Вокруг ковыль шумел и сох,
Сиваш молчал и гнил.
Что всех не переполошил
Чертей, чертополох?

* * *

Проще бы хлеба просить у стéпи
Лысой – не совеститься б хоша!
Проще бы масла просить у мыса
В море, и сала у Сиваша!

Эх, любо-дорого – к нам как в гости
Все-то, да в хату-то в нежилу!
Коли за твóрогом – на погосте
Больше, за яйцами – на валу

И почаще, и получше!
Закидал народ дворян!

– За барашком? Брось, поручик!

Каждый сам себе баран!

Коли хлеб простой – пирожным

Стал! Да с места не сойти,

Коль хоть столько... Сольцы – можно.

Не изволите ль сольцы?

– Ну что, поручик? Новости?

Чиновники, чиновницы...

– До ниточки – ни денежки...

Припев: на вас надеемся!

Нам краше Пасхи, Рождества...

На вас, на вас надежда вся –

Ад – двух огней промежду!

Вы – вся наша надежда!

И стонет быт, и вторит поп:

– «Отстаивайте Перекоп!» [57]

Для обывателя – ларец,

А для хозяйки – вазочки.

– Уйдете – па́губа-зарез!

– Как у Христа за пазухой!

Не видят, черствая душа,

Как эта пазуха тоща,

Все ребрышки наперечет –

Что у конька морского!

А все ж – всю Русь-святу несет

За пазухой...

– Христовой. [58]

* * *

Понастучавшись, не при чем,

(У нас в России – всем! [59])

С пустым мешком и животом,

Кусочка хлеба не дадут –
А завтра жизнь отдашь
За них! Терпи, терпи, верблюды!
Молчи, молчи, Сиваш!

Звени, звени, чертополох!
...Добро бы – на бобах,
И не несолоно, а ох
Как солоно...
– бабах! –

Взрыв! Врассыпную, как горох!
Как с граху – воробки!
По городам переполох,
Ребята – в городки

Играют.

(Почвеннее нас
растите, крепче нас!)
Последний двор. (В последний раз,
Конь!) – «Есть кто?» – «Се – ей – час»!

– За продовольствием. – Поесть?
– Нет, с валу, значит... – Что-с?
– ...за продовольствием: что́ есть –
Коль есть что́... – Разве – слёз

Вам, господин поручик? Шью,
Бьюсь, корочке раба...
– Не подаяния прошу:
Плачú.

– Рады бы – да –

Когда самим-то негде взять!
Две: день сказать и ночь?
С глазами плакальщицы – мать,

И песенницы–дочь.

Глядит: не с неба ли с конем
К нам перекочевал?
Сей – за свиной? за пшеном–
Сей? Ну и кашевар!

Такому б по́ душу грешнóу
Встать – в жизни смертный час!
– Тогда прощения прошу.
– И мы (вдова) – и нас –

Дитя... Откуда-то – востер
Клинок! – крик лебедин.
Последний двор, за ним простор.
– Пойдите, господин

Поручик! (Вольная у чувств
Речь, раз сирень цветет!)
И целый сук, и целый куст,
Сад целый, целый сот

Сирени – конному в загар,
В холст бело-лебедин.
Последний двор (посильный дар)...
– Прощайте, господин

Поручик!

 Не до женских глаз.
Лазорь – полынь – кремень...
И даже не оборотьясь,
Коню скормил сирень.

БРУСИЛОВ
Не то чайки, не то соколы –
Стали гости к нам залетывать.
– Отколь, стайка? Куда, аистова? –
...Прямо на́ голову сваливаться.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кидай заступ! хватай птах!

– «Перешел границу лях!»

Криком через всю страницу:

– «Враг переступил границу!

Всем, кто сердцем не застыл,

Зов: не ударяйте в тыл –

Родине! одних – питомцы –

Нив! Свои люди – сочтемся!

Что за пря через плетень?

Лях: единая мишень

Для единого прицела,

Добровольцы! Офицеры

Русские! Смиривши контр-

Страсти – все на польский фронт!»

Море трав,

По ним – вихрь:

– Прав-то – прав:

Лях-то – лих!

Бури взмах

По лесам:

– Враг не лях:

Комиссар!

Спасибо, Брусилов, за лесь и честь!

Но Бог упаси нас! Доколе есть

Кровь в жилах – и слезы у матерей! –

Умрем – не забудем у тех дверей

Час за часом, за часом час

Ожиданья. – Идет? – Отказ.

Вся молодость края тебя в вожди!

Как мы тебя ждали – так ты пожди!

Казенного зданья и дождь, и дрожь...

Как мы тебя ждали – так ты пождешь:

Не дождешься – как лбами вниз –
Мы вожата не дождались. [60]

Не принял командованья над той
Дружиною! «Банды» – ведь так братвой
Советскою прозваны за труды?
Зачем же бандитов в свои ряды
Призываешь? За что, бр'т, бьюсь?
Ведь и звука-то нету – Русь! [61]

Цыть! Буде толковать!
Не быть и не бывать,
чтоб русский офицер –
Да за Рэсэфэсэр!

Русь – где мы:
Нынче – Крым.
Русь есть мы:
Мы – чтоб – к ним?!

Чей-то, муку
Усмешкой скрав, [62]
Рот, без звука:
– А ну-ка –
Прав?

ПЕРЕБЕЖЧИКИ
Ваша власть, ребята, – барская.
Наша – братская, солдатская.
– Офицерская, помещичья –
Наша – легкая, невесть-то чья!
Прощай, ляпка! прощай, честь!
Самая что ни-на-есть
Разработчая, крестьянская!
Станком княжим, серпом чванствуем...

Моя-Васькина-твоя –

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Власть товарищеская!

Ваша власть, ребята, – зычная:

Оплеухи, зуботычины.

Тебя в рыло, а ты: слушаюсь!

Караулы-с, оплеушины-с.

А сверх всех тебе глава –

Жена прапорщикова.

Ваша власть, ребята, – тяжкая.

Наша – с шутками, с поблажками.

– Да жива ли уж? да жив-то ли? –

С пережками, с побывками.

По младости своя –

К людям – жалостливая. [63]

Врешь – «передовые линии»!

Медведями село кинули,

И ворóтитесь медвёдами.

...С представленьями, с комедьями... [64]

Кидай блин-то! хватай шлык!

Вечор – прапору денщик,

С утра, хамское отродие,

Сам – Высокоблагородие!

Ваша власть, ребята, – бывшая.

Наша – вставшая, добывшая!

– Крепостная, потогонная.

– Распашная, беспогонная.

Смекай, всё твои пути!

Только поле перейти!

Наша власть, ребята, – вольная!

Копай землю, али воином

Иди – сам себе величество!

Большевицка, большевическа.

Винтовочку-смертобой

Кидай нáземь, кричи: – свой!

Наша власть, ребята, – вó – кака!

Текай взводом! текай ротою

На ржаное на довольствиице!

(Волк в шинели добровольческой.)

– Бúде, ваты

В роток набрав,

Брат на брата!

– Ребята!

Пра – а – ав!

* * *

Крас – на власть то – варищеская!

Ка – ша, страсть, заваривается!

Ва – режка-то – с варешкою-то:

Землячки сговариваются!

– Слать-то – их,

А пот – наш.

Крестовик.

Понимашь?

Пот-то – наш,

И власть – нам.

Понимашь?

– Понимаю.

– Одних мест:

Один путь.

Клади крест!

– Во всю грудь!

– Держись, Паш!

– Держись сам!

– Не продашь?

– Не продам.

Смекай, Вась, пойдут бить –

Куды ж – в море отходить?

Сюды – топь, туды – гать.

Куды ж – в море отступить?

– Чай, не море переплыть!

– Только поле перейтить!

– Чай, не море пересечь!

– Только поле перебечь!

Прощай, Крым! Встречай, Русь!

До ситничка доберусь!

Встречай, Русь! Прощай, Крым!

Картошечки поедим!

Завтра утром – пока хватятся –

Не дочтутся двух солдатиков.

Красна Русь-то! Судить – грех.

Нынче – двух, а завтра – всех.

* * *

Офицерский блин

В темноте – бельмом.

– Перейду один.

Эх, не то б – вдвоем!

(Пошли, Боже, красным и белым –

Ту – для ложа, друга – для бега!)

Генеральский сын,

Перейду – но сед.

Потому один,

Что второго нет

– Изувера белому делу –

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Офицера – в Армии целой!

После всех «Воздам
За Царя и Русь!»
Каково губам
Произнести: сдаюсь!

(Удержать: бегу!)
После всех «воры»
Каково врагу
Прокричать: свои!

... «С того света приду драться!» –
Мне-то марковцу-то – сдаться!

Без стального дзень,
Дорогих погон,
Перейду – но тень,
Побегу – но «он».

Большевицкий штаб,
Большевицкий чуб.
Добегу – но гроб,
Перейду – но труп.

Если время – прощай, знамя! –
С ними, сердце навек – с нами!

Хоть больным-больны,
Да бедным-бедны –
А всё – мы! Как мы
Превратить в «они»?

Стой! без бою с двух ног свалишь!
Это я-то вдруг то – варищ?!

Растоптал – отряс –
Но хоть трижды «гниль»–
Каково на нас

Накалять мотыль

Пулемета? как труп, челюсть

Уронивши: в себя – целюсь!

Последние страхи.

Потом – стремглав.

Враг – те или ляхи?

Брусиллов прав.

Хоть худо – да наше!

Хоть лют – да брат!

Минск – наш или ляший?

Брусиллов – свят.

И пусть в груди грусти –

Воды в Двине!

За край Белорусский

Кому как не...

За кровное дело,

Небось, берусь!

Кому ж как не белым

За Белу Русь!

И как перед Богом

– Бог слышь и видь! –

Бойцом тебе добрым

Клянусь пребыть!

Чтоб дедовым полем

Текла Двина!

А добрая воля

Везде – одна!

Завтра утром–пока сверятся–

Не дочтутся офицера.

– И здóрово ж перебёг! –

Которого – суди БОГ!

ВРАНГЕЛЬ
Справа, с простору...

В синий, синей чем Троицын...

– Скок из мотора! –

Спешно солдаты строятся.

Вал одним махом

Взяв – да на всю карту-то! –

Ровно бы млатом:

– Здорово, орлы-марковцы!

С краю до краю

–Дышит – растет – длится –

– Здравья желаем,

Ваше Высок'дитство!

В черной черкеске

Ловкой, в кубанке черной.

– Меч вам и крест вам:

На мир не пойдем позорный!

Драться – так драться!

Биться, орлы, – так биться!

– Рады стараться,

Ваше Высок'дитство!

Громом в затишье

Нивы: – Не зря сидели!

(Каждого выше

Нá голову – не две ли?)

– Раньше морозов

Первых – в Москве гудящей...

Сказы и грёзы

явно превосходящий –[65]

Вот он, застенков

Мститель, боев ваятель –
В черной чеченке,
С рукою на рукояти

Бе – лого, пра – вого
Дела: ура – а – а!

НАЛЕТ
Полный вал солдат,
Полный вал голов
Заданных, а над
Валом – «и здоров

Врать! без счету, а ты – семеро!»
Десять самолетов к северу.

Полно небо спиц,
(Пока глаз не взвел)
Поглядеть – так птиц,
Не глядеть – так пчел.

Наступленьица – сбылась-таки! [66] –
Первы пчелки, первы ласточки.

– Эх, каб на Москву
Так-то б! – Давай Бог!
К каждому хвостку
– Глаз-то! рук-то! лбов!

Летит – мир ему с орешину! –
Цельна Армия привешена!

Трех, гляди, годов
Груз. – Верните Брест! –
Тысяча пудов
Радужных надежд!

Держись, крылья стрекозиные!
Чай тебе не бак бензиновый! [67]

Задавали бал –
Любо-веселó!
Миновали вал –
Прямо на село:

Красна Армия – хозяйшкой..
Опускаются, снижаются..

Снизилась! Стрельбы
Треск. За ним пальбы
Гром. За ним клубы:
Дым. За ним столбы..

Уж который поклон шлет
Пулемету – самолет!
Уж который – челом бьет
Самолету – пулемет!

Горит красная гостиница –
Село Первоконстантиновка!

ПРОЖЕКТОР
На валу – новый звук,
Новый век, новый друг:
Долгорук, долгозрак.
У врага – новый враг.

Око есть, ока нет.
На валу – новый век:
На врага – око, видь! –
Свет и страх наводить.

Зрак, не спящий за нас.
Зрак: три тысячи глаз
Волчьих! целая печь!
Свет – в три тысячи свеч

Брачных! Ну-с, что да где –
как – на Красной звезде?

Наставляй телескоп!

(Перст, прожектора сноп.)

Распотешь! разуважь!

Лижет степь – топь – Сиваш.

Оком – зырк, веком – чёрк:

Перемиг, пересвёрк.

Белый скок, белый штан –

Думал – тут – ан уж там!

Белый блин, черный кант, –[68]

Цельный фронт арестант!

Цель ясна, даль ясна.

Вал без сна, враг без сна.

Им не лечь, нам не лечь.

Ночь как день, луч как меч.

Мы-то – в тьмах, враг-то – гол.

Как у бабы – подол

Задираем у всей

– Виды видывавшей! –

Дали.

Грех. Сверху – зрак:

– Каин! – Здесь! – Каин, брат

Где твой? Хриплым, как наш,

Гласом: – Брату не страж.

Ангел: тру – у! Спящий: чу!

Так, на полном свету,

В тел и дел естестве,

Встанем – те, встанем – все:

Безымянные – гранды – гении –

Все – от Врангеля и до Ленина!

(И Деникин, Антон...)

...Глянем мы – грянет он.

Полосы меловой

Эхо: выстрел двойной.

– Одна трата!

– То-то оно-то!

Две гранаты:

Два перелета.

Ты до алой

самой до зорьки –

Мимо вала –

В Школьную Горку.

Новый взрыв, новый сноп.

Жив и здрав Перекоп –

Что дитя в пеленах!

В сотый раз перемах!

Молим всё: – милый, всю

Степь, во всю широту

Светлотой замости!

Догляди до Москвы!

Низложи гробового врана

На главе звонаря Ивана!

КАНУН

День – сон или явь?

– Ну-с, братцы, поздравь!

– С чем? – С тем, с чем и вас:

В час. Тайный приказ.

Взрыв. Искра в овин!

– Шш... только двоим

Вам! Всюду-езде:

– Шш... только тебе...[69]

Вам... Сам только лишь!

Вслед танкам? да ты ж,

Я ж. Конница—в тыл...

(День: сгнил — не забыл!)

А лица солдат!

В Сочельник — ребят:

Глаз скашивают,

Не спрашивают.

Губу закусив —

Что сласть—чернослив,

Скарб связывают,

Не сказывают.

Как есть тебе тук!

Шальной каб не вдруг

Смех, спирт—нашатырь —

Ноздри во всю ширь!

* * *

Страстнее свиданья,

Светлее заутрени...

От вала — и дале —

От хутора к хутору —

Ржаным изобильем,

Пшеничным дождем —

Где пальцем водили —

Ногами пройдем!

Презренная горстка?

Услышите всенощну!

Над десятивёрстной

Картою — все мы тут! —

Ленок колониста,

Гвардейский пробор,

И ус тут, и лыс тут,

И просто бобер —[70]

Армейского крѳю,
Военного пострига.
Баштаном – бахчою –
От острова к острову –

Под крики: здорѳво!
Под звон поселян –
Весь, весь завоевываем
Океан.

Степной. Ибо – с нами
Край! Двинем – и двинутся!
Какие названья!
Каховка... Любимовка...

В самѳм уже звуке
Залегший успех.
Как сестрины руки
В предчувствии тех. [71]

Ногами зашаркали:
– Жданка! Березовка!
Давно не по карте
уже, а по воздуху –

Под крики: здорѳво!
Под взмахи: велик
Бог! – весь завоевываем
Материк

Шестой. – Дѳма погребут!

Тень на карту, следом – в пуд –
Вздых, покашливанье такта. [72]
– Господин поручик... так-что..
Еще раз бы... нужда истинна! –
Пулеметы...

(Вчера чищены)

ПОСЛЕДНИЙ ЧАЙ[73]
Горит огонек.

Дымит котелок.

Последний паек.

Последний чаек.

Сказать тебе в тай?[74]

Был кофеем чай

Тот. Кровь бережем:

Овес пережжен-

то кофий тот. Не в том, брат, сок,

что – чай, а в том: прощай!

Овес, а то и кипяток

Пустой: прощай – так чай.

Посапывает – послушиваем.

В упор затянув ремень,

Сидим, сапожком постукиваем:

Сиденья последний день.

Посапывает – покипывает

Котел – не спускаем глаз.

А сердце тоска пощипывает:

Землянки последний час.

Ждала же нас! блюла же нас!

Юнец – (гудит как шмель)

– Уходим раз, не ляжем раз,

(Огонь) – гори, постель!

Охапинами, вязáницами,

В костровый огонь – вдова,

Заслуженная, лежаночная

Сухая летит трава...

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Краса ж у нас! жара ж у нас!

Юнец – кураж и грусть –:

– Уходим раз – не ляжем раз –

Никто не ляжет пусть!

(Тем Турция – серп, тем Сербия – крест:

Погост найди, где русского нет!)[75]

А в сердце тоска посверливает,

А в печке трава похрустывает.

Ни хлеба нет, ни обуви нет –

Раз вера есть – так Армия есть!

А в глотке сольца поскребывает,

А в трубке зола помаргивает.

Моргнет – и нет. Убьют – или нет?

Забыт – или нет? – кипит – или нет?!

А в брюхе камса побуркивает,

А в печке трава поыхивает.

Но благу ли быть, но худу ли быть –

Злей худа нет, чем старому жить!

А в сердце – Москва погудывает,

А в печке – трава погарывает.

Ни мыла нет, ни бани-то нет –

Белей найди, чем Маркова рать!

А в сердце – Москва позванивает,

А в сердце – Москва поваркивает...[76]

(Слились – как в хоре голоса,

Как в пряди волоса:

Москва – тоска – камса – сольца –

Травца – шпорца – кровца.)

Вскипит – так пить, не бороду ж брить!

Ни чая нет, ни чайника нет.

А глотку камса подёрывает,

Вскипел корнет: – Вскипай, наконец!

Залить тоску – камсу – сольцу –

Залить растраву – всю!

И странный, брат! Аль чванный, брат?

Народ – чудной народ!

Как ванны ждать, как манны ждать,

Вскипел – никто не пьет!

Один: – Да нам и Лазаря

Не спеть, коли кишки

Не смазаны! Обязаны –

Всё! Ваши котелки!

Есть – одуванчиком цветок

Русь называет тот.

Так капитан на кипятке

Дул из обеих щек.

– Дуй, капитан!

Весь чтобы чан

Выкачан! вся

Чтоб и камса

Съедена!

Ибо пос – лед – няя!

Пей до дна!

Пей до дна!

Пей – до – дна!

Од – на струна –

Единый оборот.

Скорей стрела

Магнитная сморгнет –

С севера.

– Гей, жена!

Гей, родна!

Пей до дна!

Пей до дна!

Пей – до – дна!

Кам – са наш хлеб!

Тра – ва наши дрова!

Ни крох, ни щеп!

Примета такова:

Пускаясь в бой,

С собой – и за собой –

Крохи не брать,

Крохи не оставлять.

К сведенью:

Мать одна –

Смерть одна!

Пей до дна!

Пей до дна!

Пей – до – дна!

И жарко, и жалко, –

Чаям-тебе-чай!

Жестянка – лежанка –

Землянка – прощай!

Пять дней тебя рыли,

Сто дней в тебе жили,

Ночей в тебе – выли

хоть! кляли хоть! – спали

всё ж...

Ни Богу, ни штабу не жаловались.

Как с шубой, как с бабой слезались, сжились.

Проедут тачанки –

И нам черёд-скор.

Чем так-то в молчанку –

Подтягивай, хор!

«Многоводная, обильная,
Разлилась и вдоль и вширь,
Эх, Кубань ты наша родина,
Вековой наш богатырь!»

* * *

Просторы мчат

Саперы мчат

Костровый чад

Махровый чад[77]

– Который час?

– Который час?

– Который час?

– Да скоро ль, черт!

– Запоздывают!

– Запоздывают!

– Да час, говорят,

Назад, говорят,

Как сверены!

(Беременных:

«Скорей бы уж!

Что с временем?»)

Сказ, Перекопский Патерик

Творю – чиста моя корысть.

Одна душа на четверых,

Одни часы на четверых.

(Слушай – сказ!)

Дело – темь.)

Выход – в час.

Время – семь.

– Юнкер, сядь!

Пальцы в счет.

– Целых пять

Битых – черт!

(Черт – коли с мукой –

Тож Аллилуйя –

Богу!)

– А ну-ка –

На боковую?

Наш север – край,

На север – стай

Путь, север – шпор

Звон, север – стон...

Последний пай

Последний чай

Последний хор

Последний сон.

ВЫХОД

– Вставай! вставай! вставай! вставай!

(Всё в раз – кого ж будя?)

– Седлай! седлай! седлай! седлай –

Пеш, самого себя!

Повалка – ввысь, стоянка – в рысь,

Распашка – в сбор, растяжка – в склад.

Сама душа–и та в запах

Шинели английской до пят.

Пешечком бьем, пешечком мрем!

Заветный день, двухцветный блин.

Кишечки подтянув ремнем,

Прилаживаем карабин.

Царей – царей – царей – царей

Русь, всё ради тебя!

Скорей! скорей! скорей! скорей!

Ну-с, – всё ли, господа?

Махорка? есть! На шее крест?.. [78]

В карманах письма шелестят...

Последний трепетный присест.

В последний раз последний взгляд

– И юнкер с краешку присел –

Хозяина – на дом:

На ворох казначейских дел – [79]

В одном, мешки – в другом.

(Досóчку в полку обратя –

вот радовались-то!)

Пустую полку для бритья, –

Осколки жития

Солдатского...

А дальше – ночь,

А дальше – дичь, а дальше – степь.

А дальше – сметь! А дальше – мочь!

Последняя вязанка в печь...

* * *

Тьма тьмущая. Точно сшиты

Глаза. Веселей – закрыв.

Подводы, шаги, копыта –

Вал слухом жив, звуком жив.

Приказ не курить, не шаркать,

Не чиркать: ушами – видь!

Не ржать – лошадям, не харкать – [80]

Людям: не дышать, не быть.

Вал. Выпаливший кофейник –

вал! кипь через все краи. [81]

Разбуженный муравейник –

Вал: белые муравьи!

И шагом – сплошной незримой
Шинелью, железной в швах,
Недвижных двуколок мимо –
Вперед – батальоны в тьмах. –

В тьму – тьмы нас! – Ужель не слышишь,
Русь? Топ как бы стад. (Враг – глух!)
На слух – полтораста тысяч,
(Каб свет – не начли б и двух!)

И шагом – таким за гробом
Идут, да за возом дров –[82]
За каждой двуколкой – с Богом! –
Шесть призрачных номеров.

Не курить и не́
Шаркать. Ибо в тайне –
Дело. В тишине
Крайней – крайней – крайней.

Не – не – не –
(Плыл ли? спал ли? шел ли?)

В ти – ши – не
Полной, полной, полной.

* * *
Бока, чтобы не дышали,
Втянув, как флейтист – щекú..
– Каб с нашими! С латышами –
Бой! Славь в Сиваше Чеку!

Сердцá, чтобы не шалели,
Угнав далекó за Курск..
Тьмой тьмущею как шинелью
Накрытые... Пост ли? куст?

Круп? торс? (Илиона тени –

В бой!) Вдруг, не примяв травы,
В обскок на рысях... – Кто? – Темень –
ТЬме: «Конная сотня. – Вы?»

И – лошадь захохотала!
Ржет – кожу дерут! Продаст,
Тварь! Задранного оскала –
Кость. Всадного ругань. Пласт

Кнута. Заглотнула сотню
ТЬма.– Всё.– И опять как в трюм.
Хорош ветерочек шлет нам
Русь: встречный – относит шум.

А шумно – шаги, колеса..
А томно – уж слух побёг,
Что – шумно! хоть мы – не босы:
Две тысячи пар сапог.

Чай пьем – в Харькове,
В Курске – к завтраку.
То-то марка-то
Марковская!

Шш... Не шаркайте!
Схватка – с картой всей!
И – не – харьковцы –
Марковцы мы!

Вперед, вперед, и – здравствуй,
Кремль! Мстить? Поклоны класть!
Сдаёт – сдается – сдастся
Ночь. Стоп. Колонны часть.

И чай, и чай внакладку, –
А? сколько не пивал?
Последняя оглядка

На вал – пропал – провал.

Веди, веди, Егорка –

Свет – карты поперек

Родной! У Школьной Горки

Пока что – фонарек

Горит. – В чернильной, смольной

Ночи – мечты игра:

– Эх кабы вместо Школьной –

Поклонная Гора!

Но до Горы Поклонной –

– Эх! – Вдруг, в двух шагах, как слон

Колышющийся... Колонна –

Стоп. Прибыли. Батальон.

В луче фонаря, под самым

Курганом – как маг – как мист –

К каким-то богам незнамым

Взывает телефонист.

Шип – и сызнава...

Сап – и сызнава...

Храп – и сызнава...

– Штаб дивизии!

– Штаб дивизии!

– Штаб дивизии!

(Последнего могикана –

Зов!) Вдоль телеграфных свай –

Безлицы великаны

С тенями по самый край

Земли.

Всю, всю покроем

Телами – вслед теням! [83]

делами! Полк – покоем. [84]

На середину (сам –

Храм!) к сапогам и к поту

Привычный – полевой –

– Та ж пахота – пехота! –

Священник полковой.

– Братья, вот она

Ставка крайняя!

Третий год уже

Авель с Каином

Бьется. Пройдено

Сколько сот

Верст? А родина

Третий – ждет.

Вспомним: «наш Елец!»

Вспомним в Кромы тот

Въезд! Но тяжкие

Были промахи,

И, дорогу окровеня,

Золотого взамен Кремля –

Крым. Зовет же вас

Вся Русь богова –

Добровольцами!

Волю ж добрую,

Братья! [85] В вечный град –

Вербный въезд!

Крепко меч держа,

Крепче – крест,

Ветвь...

Не вóроном

В белом кителе,

Божьим воином,

А не мстителем –
В бой! – Так радуга гонит грусть. –
Да возрадуется вам Русь!

Белый по черну в тьмах
Взлет: фуражечный взмах.
Всего множества вздох.

– Да поможет вам Бог!

Дико? После постигнете!
Рядом с спящим противником
(Завтра – долг того требовал –
что бы ни было...)
– не было
Кротче нас.

Отче
Наш!

Но – второго естества,
дела речь и мира речь –
В речь духовного отца–
Отца-командира речь,
Пол – ковника седá:

– Всея родины судьба,
что – наша! Миллионов
Не-красных, не-зеленых,
что – наша! Поколений –
В у – даче боевой!

Командиры батальонов!
Разводите батальоны
Приготовьтесь к выполнению
За – дачи боевой!

А первые в битве бьются –

Сердца. До ушного звону!
Вполголоса подаются
Команды, и батальоны
Расходятся. [86] – Тихо. – Выход,
Ты?! – что? – да не может! – Есть.
Бр'т! Огненная шутиха –

Вверх! Раз! Ну и два-с! И несть
Им счету. Твоя палитра,
Ад! Вдруг – не в ушах – в груди –
Звук: – Проволока проби – и –
та! Проволока проби –
та проволока! Кто не был –
Тот не жил.

До мига, когда все небо
Мигало, а мы так не
Сморгнули, до звезд – столь ярких,
что – свет или слезы льешь?
Эх, млад-командир-свет-Марков-
хват – ты-то не дожил что ж?!

Стой! стой!
В меховой папахе, [87]
В прос – той
– Медведскую брал –
Куртке – той!
Вдоль пахоты – пахарь –
Не Толстой,
Марков-генерал.

Млад! млад!
Ни морщин, ни плечи.
Хват – рад
С чертом хоть с самим!
Сол – дат:

Вдоль пахоты – пеший.

Сват, брат

Марковцам своим.

Край – Русь!

Нету перестарков!

Нá, Русь, –

Пока красовит!

Мертв – бьюсь!

То генерал Марков

На – Русь –

Марковцев своих.

Уши вырастут у безухого –

Загудело, запело, забухало!

Еще громче, чем под рубахою

Заработало, забабахало.

Справа слева все небо в заревах!

«Воробьиная ночь» сказали б

– ба́х

Барабах! – да кони ржут –

Каб вообще говорили что-нибудь,

Кроме: Господи всеблагий!

Господи всеблагий!

Гос – по – ди!

Помоги! Господи

Помоги! Господи

Помоги! Гос – по – ди!

Мощь-то Божья – вó – велика!

Осто – рожней! Проволока!

Помощь – Твоя – скорая:

Вот уже по ту сторону,

Проволоки. – На Руси? – На Руси!

Крым! уже за шеломяном еси. [88]

* * *

Через день – катились вскочь

Те – текай-откатывай! –

Стало ведомо: в ту ночь

Мая двадцать пятую

Семью тысячами – жив

Бог! Глядел-не смаргивал! –

Бита на́ голову их

Девятая Армия.

В солоноводных Сивашах

– латышки, плачь об латышах! –

Осиротили латышат,

Перетопили

– лотошат

Ведь! никуды ж ведь! никаких

Латыш – ни их, ни наш.

Навеки вечные веков

Слились: латыш: Сиваш.

Начат 1-го августа 1928 г., в Понтайяке (Жиронда)

Кончен 15-го мая 1929 г., в Медоне (девять лет с майского Перекопа)

Переписан в эту книжку 5-го – 8-го сентября 1938 г. в Dives-sur-Mer (Морском Диве) – Calvados.

* * *

Последнего Перекопа не написала – потому что дневника уже не было, а сам перекопец (который коню скормил сирень – «а может быть это была яблоня – не знаю» – так что за сирень не отвечаю, за скорм – да) к Перекопу уже остыл – а остальные, бывшие и не остывшие – рассказывать не умели – или я не понимала (военное).

Так и остался последний Перекоп без меня, а я – без последнего Перекопа. – Жаль.

–

МЦ.

NB! А может быть – хорошо, что мой Перекоп кончается победой: так эта победа – не кончается.

Если когда-нибудь – хоть через сто лет – будет печататься, прошу печатать по старой орфографии.

МЦ.

Париж, 7 января 1939

СИБИРЬ
Казацкая, татарская
Кровь с молоком кобыл
Степных... Тобольск, «Град-Царствующ
Сибирь» – забыл, чем был?

Посадка-то! лошадка-то!
А? – шапка высока!
А пустота под шапкой-то!
– С доставкой ясака.

Как – «краше сказок няниных
Страна: что в рай – что в Пермь...»
Казачки женок сманенных
Проигрывали в зернь.

Как на земле непаханной
На речке на Туре
Монашки-то с монахами
В одном монастыре

Спасались. Не курицу –
Лис, девку подстерег
Монах. Покровско-Тушинский
Поднесь монастырек

Стоит. (Костлявым служкою
Толчок: куды глядишь?
В монастыре том с кружкою
Ходил Распутин Гриш.)

Казачество-то в строгости
держать? Нашел ягнят!
Все воеводы строятся,
А стройки – все-то в ряд.

Горят! Гори, гори, Сибирь –

Нова! Слепи Москву–

Стару! Прыжками рысьими,

Лисьими – к Покрову –

Хвостами – не простыла чтоб

Снедь, вольными людьми:

Иванищу Васильичу

Край, Строгановыми

Как на ладони поданный.

Ломоть про день–про чёрн

Как молодницы по воду –

Молодчики – по корм.

В такой–то – «шкуру сдергивай»

Обход – «свою, д...мак!»

Самопервейшим жерновом

Ко дну пошел Ермак.

Прощай, домоводство!

Прощай, борода!

Прощай, воеводство!

Петрова гнезда

Препестрого пуха,

Превострых когтей

В немецком треухе –

Гагарин Матвей.

Орел–губернатор!

Тот самый орел,

От города на три

Верстици Тобол

Отведший и в высшей

Коллегии птиц

За взятки повисший

Петровой Юстиц-
Коллегии против.

Дырявый армяк.
Взгляд – смертушки просит.
– Кто? – Федька-Варнак.

Лежу на соломе,
Царей не корю.
– Не ты ли Соймонов,
Жизнь спасший царю?

(С ноздрею-то рваной?)
– Досказывать, что ль?
И сосланный Анной
Вываривать соль

В Охотске.
– В карету!
Вина прощена.
Ноздря – хоть не эта –
А приращена.

И каждый овраг
Про то песенку пел:
Как Федька-Варнак
Губернатором сел
Тобольским.

Потомства
Свет. Ясен-фенист!
Сибирское солнце –
Чичерин Денис.

В границах несведущ.
Как солнце и дождь
Дававший на немощь,

Дававший на мощь.

Речь русскую «нате»-
Внедривший-словцом,
В раскрытом халате,
С открытым лицом,

С раскрытою горстью
– В морозной соли –
Меж князем Обдорским
И Ханом-Вали.

...Зато уж и крепко

Любила тебя

Та степенка, степка

Та, степь-Бараба,

Которую – версты

Строптивных кобыл! –

Ты, ровно бы горстью

Соля, – заселил.

– Сей, дяденька, ржицу!

Тки, девонька, холст!

В тайжище – в травище

– Ужу не проползть –

В уремах, в урманах

– Козе не пролезть –

Денису Иванычу

Вечная честь.

Так, каждой хатенкой

Равнявшей большак,

Сибирский Потемкин

С Таврическим в шаг

Шел.

Да не споткнись шагаючи

О Государства давешний

Столп, то бишь обесчещенный

Меньшикова-Светлейшего

– В красках – досель не умерли! –

Труп, ледяную мумию

Тундры – останки мерзлые

Меньшикова в Березове.

(Без Саардамским плотником

Данной, злорадством отнятой

Шпаги – в ножнах не нашивал! –

Только всего-то навсего –

Тундра, морошка мражена...

Так не попри ж, миражными

Залюбовавшись далями,

Первого государева

друга...)

Где только вьюга шастает,

кто б меня приласкал,

Седу? Тобольск, Град-Царствующ

Сибирь, чем был – чем стал!

Как еще вживе числятся-то,

Мертвых окромя,

Твои двадцать три тысячи

Душ, с двадцатью тремя

Церквами – где воровано,

Там молено, казак! –

С здоровыми дворовыми,

Лающими на кряк

Кареты предводительской

В глиняной борозде.

С единственной кондитерской

– Без вывески – в избе...

Не затяни ошибкою:

«Гроб ты мой, гроб соснов!»

С дощатою обшивкою

Стен, досками мостков

И мостовых... И вся-то спит

Мощь... Тёс – тулуп – сугроб...

Тобольск, Тобольск, дощатый скит!

Тобольск, дощатый гроб!

Медон, 1930

ЕГОРУШКА

Поэма

МЛАДЕНЧЕСТВО

1

Обронил орел залетный – перышко.

Родился на свет Егорий-свет-Егорушка.

Ликом светлый, телом крепкий,

Грудью – ёмкий, криком – громкий.

Обоймет – задушит.

Десять мамок сушит.

Поет мамка над колыской,

Поет нянька над колыской:

«Ты лежи, сыночек, тихо,

Серый волк, сыночек, близко!

Придет серый волчок,

Схватит Ерку за бочок!

Так уж спи, мой свет-Егорий!»

А сосун из люльки вторит:

«– Придет серый волчок,

Схватит няньху за бочок!»

– Спи, сынок, голубок!

Тот встает на дыбок.

– Спи, сыночек! – А тот
Няньке пятками в рот.

И на том спасибо:
Всех зубов не выбил!

Ходи тихо, ходи низко –
У Егорья три колыски.

Перва ивова была:
Сама матушка сплела.
Так ее наш сокóл
Всю по прутику расплел.

Расписная да резная –
Вот колысочка вторая.
Часу в ней не пролежал:
Разом в щепья изломал!

Увязала гривну в узел,
Пошла матушка на кузню:

– «Наших слез поубавь.
Колыбелочку нам справь,
Чтоб сыночек наш пригожий
Ее в год не раскорезил!»

Пошла в кузнице горячка,
Идет мать-молодка с качкой:
Красной кованюю –
Кузнецовою.

Весом: пять пудов с половиной.

Положила в нее сына.

– Ходи вверх, ходи вниз! –
Как скорлупочку разгрыз.

И глядит на свет Господень

Оком огненным.

2

То не ветер расшумелся над ветлами –

Вспоминает молода – орла залетного.

Не простого-то орла – златопёрого,

Ну, с которым-то она – от которого...

Вспомнить – грудь кипит!

Позабывши стыд –

Волком взвыть бы, да нельзя: сыночек спит!

Не кричит – знать сыт.

– Вспомнить – грудь кипит! –

Что ж так тихо нынче спит-не храпит?

С лавки скок: – Сы – нок!

Качку толк: что – смолк?

Да вся кровь с лица: колыска пуста!

Туды-сюды:

Под качкой – нет,

Под лавкой – нет,

Скок на́ печь – нет!

Аж в кадку – дно

Пытать багром

Пошла, аж вилами навоз

Перетрясла – как волк унес!

Аль Полунощница в нору

Сгребла, зажав в переднике?

И – воем – по всему двору:

– Мой первенький! – Последненький!

Месяц ясный,

Звезды частые,

Беда-беда страшная!

Заколи меня, несчастную,
Заря-заря красная!

Ох, знак на правом на плече
Родимый, щечки-зарева!
При светлом месячном луче
Как есть – по травочке одной –
Все сено перешарила.

В хлев толкнулася: петух
В сердцах вскричал. – Овечий дух
Ей в нос – с какой-то смесью.

Взошла – за нею месяц.

И тычет ей перстом: Гляди!
Глядит: а хлеву посреди
– Так в нос и вдарил запах! –
Сама – с Егоркой в лапах!

А малый-то ее в живот!
Так приналег – аж треск идет!
Причмокивая лихо,
Егор сосет волчиху.

А рядом – полукругом в ряд –
Шесть серых волченят.

А она-то его, уж она-то его.
Сосет – а та, знай, облапливает!
Уж мало ей лап четырех своих, –
Хвостом норовит, анафема!

Тот чмокнет, а эта хвостищем: мот!
И в нос-то его язычищем – раз!
Да тела всего – язычищем – вдоль
Сто раз – да еще сто раз.

А кру́гом, в маменьку впиясь:

Дюжина красных глаз.

А кругом, – промеж дохлых кур –

Дюжина овчьих шкур.

Застолбенела, не ступнет:

Аж гири у лодыжек:

А этот себе, знай, сосет,

А та себе, знай, лижет!

Как вздрогнет тут – и шесть носов

Ввысь – от овечьих шкур.

И хором шестеро бесов

За волченихой: уррр!

– Егорушка! – И частокол

Ощеренных клыков.

– Егорушка! – Седых боков

Дых – и седин – дыб.

– Егорушка! – И через всех

Бесов – на сына прямо!

А тот – от матери-то – в мех:

Анафеме-то: – Мама!

А она-то его! Уж она-то его!

– Сосет, а та, знай, облапливает!

Гляди, мол, смекай, мол, кто мать ему!

Аж нос задрала, анафема!

А бабы не слышно,

– Лижи во все рыло! –

Тихонечко вышла

И дверку закрыла.

Только с того часу

Новым дням черед.

Просит малый мяса,
Груды не берет.

Только месяц рожки
Ткет сквозь рожь-гречиху –
Кажну ночь в окошко
За дитем – волчиха.

* * *

Подрастают наши крылышки-перушки!
Три годочка уж сравнялось Егорушке,
Черным словом всех округ хаает-брóнит,
Не ребеночек растет – а разбойник.

Кочны вянут в огороде,
Цветы голову воротят.
Цвет не цвет и гриб не гриб –
Всем головочки посшиб!

Мать – сдобную лепешечку
Ему, – тот рожу злобную.
Мать – по носу пуховкою,
А тот ее – чертовкою.

И снег зачем белый,
И еж зачем колкий,
И Бог зачем – волка
Без крылышек сделал.

Окрошка на стол –
Подавай ему щей!
Любимая кошка –
И та без ушей!

А ростом-то! Вздохом!
И ввысь-то, и вширь!
Ни чертом, ни чохом:
Растет богатырь!

Задать ему порку –

Вся грудь закипает!

Да рядом с Егоркой

Браток выступает:

Попом не крещенный,

Христом не прощенный,

Честь-совесть – как сито,

К нему как пришитый.

У Егорки щеки круглые,

А у волка впалые.

У обоих совесть смуглая,

Сердце в груди – шалое.

У Егорки губы красные,

А у волка – сизые.

Оба до овец опасные:

Одной слюной лизаны.

У Егорки башка кольцами.

А у волка – космами

Ну а уж мозгами сходственны:

Одним гребнем чесаны.

У Егорки – штаны рваные,

А у волка – драные.

Оба гости – в лесу – званые:

Одним млеком – пьяные.

Одно слово: братья крестные:

Оба: рвань отборная!

Из одной лоханки трескают:

Одной грудью вскормлены!

С зарею – как хлебом накормит мать –

Заборы ломать да бока ломать.

Где энти прошли: словно вражья рать:

Вовек уж лесам не встать.

Да друг перед дружкой силой хвастать:
Овчаров дражнить, по амбарам шастать.

Егорушка вброд – и волчонок вброд,
Себе чего в рот – и волчонку в рот,
Почище чем бабы в голодный год
Московский блюдут черед.

Десятый чугуна опростают с братцем –
Д'ну обниматься, д'ну целоваться!

А баба одна забрела во двор,
Да к печке – а в печке-то – вой да ор.
Еще не очнется с тех самых пор,
Как тот ему спинку тер!

Без щелоку, чай, без мочалки-мыла,
А так себе – волчьим манером: рылом.

Чуть где коромысло – бабье, держись!
Ведерки-то с горки, – да вверх, да вниз!
А поп-то у нас потому и лыс,
Что тот ему хвост отгрыз.

А к вечеру, дел переделав тыщу,
В овражке лежат, друг у дружки ищут.

Ох синь моя звездная, райский сад!
Ох ноченька поздняя, покров-наш плат!
У Господа Бога и волк, знать, свят...
Где свалятся – там и спят.

И сладко так спят, хоть никто не стелет:
Дыханьице-пар на две части делят.

Храпят себе дружно –
И дело святое!

Друг – с другом.

Блуд – с блудом, –

Волчонок с дитею!

* * *

Еще раз сбылась заря, Господень промысел

Поднялся Егор с волком на промысел.

Тот и другой

Без стежек прут –

Идут

На разбой

и блуд.

Егорка-то: фью,

Тот ушьми подвижет.

Егорка-то: тьфу!

А волчок подлижет.

Идут – горы гудут,

Идут – лес взором жгут,

Что пожар – то за спиной кумач раздут.

Пожар – рубаха-то!

Зато штаны-то!

Из плису-бархату –

Как плугом взрытые!

Как рой чертей-бесов

Вкруг ног-то крутятся.

Идут, красу с кустов

Сбивают прутиком.

Дорога дальняя,

Дорога ранняя.

Идет с волкóм дитё –

Заместо ангела.

(С хвостом ли ангел наш,

Али с крылом – нам што?
Лишь бы служил нам кто!
Лишь бы любил нас кто!)

Идут кустом-леском,
Идут рекой-мостом,
Идут холмом-горбом,
Идут кремнем-песком.

Последня корочка
Давно проглочена.
Глядит Егорушка:
Тын позолоченный.

За тыном – райский сад,
Глядит: кусты в цветах,
Меж них – скворцы свистят
На золотых шестах.

Остановился тут
Егор – воззрился тут.
– На кой цветы цветут?
Их и козлы не жрут!

А волк-то вторит, сват,
Нос сморщив замшевый:
– На кой скворцы свистят,
Когда не жрамши мы?

Как красная искра
Меж них зажглась.
Волк братцу: – Садись,
Братец и – раз –
Козлом – через тын –
В сад.

А сад – не просто сад:

В цветах скворцы свистят

На золотых шестах –

Знать сад-то – царский сад!

Егоркин – скорый суд,

Егоркин – грозный вид:

На кой цветы цветут,

Раз в брюхе – гром гремит?!

А волк-то вторит, сват,

Нос сморщив плюшевый:

«Зачем скворцы свистят,

Раз мы не кушамши?»

И – ну – кусты костить,

И – ну – шесты трясти!

А с высоты скворцы

Над волчьей хитростью

Уж так свистят, свистят

На золотых шестах,

Что волк Егорку в зад

Зубами – хватать в сердцах!

И все растет их злость

Огнем-соломою.

Уж все кусты-то в лоск,

Шесты поломаны,

Егоркин рваный зад,

Егоркин страшный взгляд.

В очах-то – красный ад.

Ну уж и царский сад!

– Ась? –

Алой рекой – лиясь,

Белой фатой – виясь,

В небе – заря взялась,

В травке – тропа взялась.

И по тропе по той,
Под золотой фатой,
Плавной, как сон, стопой –
Мать с детей.

В белых цветах дитя –
Словно в снегах – дитя,
В белых холстах дитя –
Как в облаках – дитя,

В ручке платочек-плат
Алый-знать-клетчатый,
И голубочек над
Правым над плечиком.

Остолбенел Егор,
Стоит навытяжку.
И тут, потупив взор,
Им молвит дитяtko:

«Зачем шесты трясти?
Скворцы – ручные все.
Зачем кремень в горсти?
Мы здесь родные все».

И ручкой манит их,
И ручки тянет к ним,
И на ушко словцо
Шепочет маменьке.

Побагровел Егор.
А тот-то: «Братец мой!»
Побагровел Егор, –
Да как раскатится!

Да как взгремит в упор:

– Твой золоченый тын!

А я – так вор-Егор,

Егор – ничей я – сын...

А волк-то вторит, сват:

– Наш невысокий чин.

Егор он – волчий брат,

Егор – ничей он сын.

(А сам-то желтый глаз

Скосил на птиченьку.)

И серебром смеясь.

Им молвит дитяtko:

– «Ты злость-то брось, родной.

Ты мне насквозь родной!

Не только гость ты мой,

Не быть нам врозь с тобой...

Ты приходи, Егор,

Ко мне по яблочки!»

Ему в ответ Егор

С великой наглостью:

– «Что надо – сам беру,

Мой путь – к чертям в дыру,

Моя вся кровь в жару,

Овец сырем я жру!»

А волк-то вторит, – сват,

Клыками хвастая:

– «На кой нам черт твой сад.

Раз мы зубастые!»

Глядят на друга друг,

Да вдруг – глядите-кось:

Платочком слёзку вдруг

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Смахнуло дитяtko.

Слеза-то крупная,
Платочек клетчатый.
И голубочек-дух
Вздогнул на плечике.

В большом смятенъе двор,
Скворцы всполохнуты.
Стоит как столб Егор,
Да вдруг как грохнется!

В мох-дёрн-песок-труху
Всем лбом – как вроется!
И голосок вверху:
– «Не плачь, – устроится!»

А дух-то вторит-свят,
Крылами плёская:
– «Егор, весь грех твой снят
Одною слёзкою!»

Лежит ничком наглец,
Прах-землю лопает.
Что в ледоход гребец,
Плечьями работает.

Как пудовик-битюг
Под грузом – дышит-то!
И с материнских рук
Склонившись – дитяtko:

«Рви, рви, опять взращу!
Семян-то множество!»
За обе рученьки
Его – на ноженьки.

* * *

Раскрыл глаза Егор:

Глазам не верится!

Где царский тын-забор?

Стоит под деревцем.

Как сахарком-песком

Стоит осыпанный.

А рядом волк ползком,

С глазами сытыми.

Как будто сон какой!

Где царь тот крохотный?

Прикрыл глаза рукой. –

Рука мокрехонька!

А волк-то вторит-вор:

– «Теперь – хоть в чайную!

Какой же волк-я-вор,

Раз я раскаянный!

Ох, мой носок в пуху!»...

А деревцо вверху:

– «Рви, рви, опять взращу!

Греши, опять прощу!»

ПАСТУШЕСТВО

Побросали белочки

Орешки-горошинки.

То на дудочке-сопелочке

Пастушок хорошенький

Тоску-скуку, злую гостью

Выпроваживает.

К тростнику припав – со злости

Грудь надсаживает.

От сопенья-того-дуду –

Щеки лопаются.

От сопенья того – с дубу

Белки хлопаются.

Так орешками и сыплются в лопух.
То Егорушка-безродный свет-пастух.

А овцы? – Таковски:
Жирнее поповских.

А телки? – У волка
Спроси, – глаже шелку.

А волки?
– Зубами им щелкать!

А пес-то? Овчар, чай?
Овчар, да прежаркий!
А так что волчок
У нас серый – в овчарках.

В овчарках-в подпасках:
И вору острастка,
И стаду опаска:
В сем деле натаскан.

* * *
Ранним утречком,
Ранним утречком,
Еще курочки спят да уточки,
На зеленый лужок на сборище
Созывает в рожок Егорушка.

Коровы – здоровы,
Быки – крутороги,
А телушки – ровно
Стройные поповны.

Козлы – заказные,
Сапоги смазные,
Рог – кинжал ножовый,
Только дух тяжелый.

Баран – парень глупый,
А жирен – пощупай!
Овцы – одурь с дрожью,
Ягняточки – Божьи.

Всяк в сем мирном войске
Славит день по-свойски.
Только вождь при войске –
В великом расстройстве.

Рожок не мил,
Лужок не мил,
Козлом прыгнёт –
Прыжок не мил.

Орешек в рот –
Зерно горчит.
А козь хорощ –
Живот урчит.

Все, что ни съем –
Все в злость ушло!
И солнышко – зачем
Взошло?

(Ухитримся-ка, Егор, жить поплоще!
Удавиться нам от жизни хорошей!)

Горошком – рубаха,
Штаны без заплатки,
И чай, значит, с сахаром,
Сладкий, внакладку,

А нам – хоть из кадки!
Черт с чаем – не жалко!
Хоть раз бы вприсядку
С волками – в повалку –

Под месяцем лютым –
Румяным – раздутым –
И овцы чтоб все –
К шуту [ам]!

* * *
Да красного страшного – толк – плечом
Быка-то – да в лоб ему – щелк – бичом.
Да красным, кумашным-то – плёск – платком
В глаза ему – и – лбом
Вперед – что пожарный в горящий дом
Гремящий – в бычачий гром!

Бык глуп –
Егор еще глупей,
Бык лют –
Егор еще лютей.

[Как взмахет!
Как вспляшет!
Как вспышет!
Как вздышит!]

От реву-от грому
В леса – коровы,
Козлы – на кручи,
Все овцы – в кучу.

За ревом, за громом –
лоб с лбом, гром с громом.
Что – лоб проломан?
Нет, – рог обломан!

Как ломом – в тупой
Ему лоб: – Здорово!
Держись, Ерема! –
второй обломан!

Козлы-резвы!

Сюды, козлы!

Овечий сброд,

Сюды, на смотр!

Коровушки,

По новости!

И ворон стар,

И заяц скор,

Сюды, сюды,

Весь дол и бор!

Сюды, сюды, весь дол и бор,

По новости-новиночки!

Глядите-кость, как свет-Егор

Быку – пятой – на спиночку!

Как в грудь коленочкой надав

Рога скрутил – хват!

Как меж обломанных держав

Кумашный – бьет – плат!

И дух потешив боевой

В хлад родниковый – с головой –

Раскрыв глаза – нос – рот,

Во весь свой вздох – пьет!

С досады

Все стадо б

Загнал в трясину.

Да пód ноги

Кто-то ему: «Прости мя!»

Ягненок льстивый,

Звезда во лбу.

И снова –

Дудеть

В дуду.

* * *

А солнышко – за холмики,

А солнышко – на донышко

Большого моря синего,

Бескрайного, пустынного.

Как солнышко – за горочку,

Опять коров Егорушка

Скликает, грудку мучает,

Овечью рать толкучую

В ряды берет, полкам-войскам

Козлам-резвám дозор ведет.

От полков-рядов –

Столбы пыльные.

Прямо в очи бьет –

Заря сильная,

Заря щедрая,

Заря щастная,

Как Егоркино сердце –

Красная.

– «Здравствуй, Свет-Егор,

Всему стаду – Царь!»

Изо всех дворов

К нему млад и стар

Кто – краюшечку;

Кто – полушечку.

(Аж устанешь,

Хвалу-то слушаемши!)

– «Ох уж Свет-Егор,

Пастух верный наш!»

Позади волчок –

Всему стаду страж.

Кто – опивочец

Кто – огрызочек.

(С того пиру – не быть отрыжечке!)

– Ох уж свет-волчок,

Овчар верный наш!

Уж такому псу –

Уж чего не дашь!

(Кто – оскребочек,

Кто – оплевочек,

А кто просто – вдогонку – овощью!)

(Слова жирные,

Еда постная!)

Козлы смирные,

Овцы лóсные,

У коровушек

– Шаром – вымечко.

До небес, Егор,

Твое имечко!

* * *

Поздним вечером,

Поздним вечером,

Тоска-грусть встает,

Боль извечная.

Отпылила пыль,

Отчудила быль,

Отгремел – по горбам –

Костыль.

Смотрят звезды

Под кров соломенный.

Только бык ревет,

Рог обломанный.

* * *

Спит, в зипун укутанный,

Что медведь олонецкий.

Метель мысли путает,

Метель в избу ломится.

Где меж парней нынешних

Столп-возьму-опорушку?

Эх, каб мне, Маринушке,

Да тебя – Егорушку!

За тобой, без посвисту –

Вскачь – в снега сибирские!

И пошли бы по свету –

Парни богатырские!

Не видала б горюшка

Русь по день по нынешний –

Каб тебе, Егорушке,

Да меня, Маринушку!

Эх, по всем по красным-то

Я устам – паломница!

Странница клюкастая

Метель – в избу ломится...

Голова на отшиби,

Кулачок – подушкой.

Не поднять хорошего

И ударом пушечным!

* * *

То не метель-крушель со зла

Клюкой в окошко мечется, –

Лучиною дымя в глаза

То мать сынка – за плечико.

– «Вставай, Егор!

Беда, Егор!

Тваво ягненка

Волк упер.

Вставай, сынок, не дрыхни!»

А тот спросонок: «Ихним

Царем я избран, – царь в лесу!

Теперь все стадо разнесу!»

– «Вставай, сынок-надёжа!

Вставай!» – с плеча одежу

Дерет: вставай сыночек! – в рот

Пирог сует – да все не впрок!

Смял – и сквозь сон-знать-смуту:

– «Теперь опять я лютей!»

И вновь храпит. – Не знает мать,

Как ей хорошего поднять,

Да вдруг как крикнет во весь дух:

– Дурной пастух! – Другой пастух

Жизнь отдает за стадо!

Вскочил Егор: «Что надо??

Цыц, коли глотка дорога!»

И разом – в оба сапога!

Дверь настезь: в горницу – снега.

Два сапога – в снега!

* * *

А там метель косматая

Шумит: «Давай сосватаю

Тебе невесту рдяную,

Полный сугроб – приданого!

Семи ветров – наследницу,

Всех родин – уроженицу!»

А тот шапчонку набекрень:

– «В таких годах не женятся!»

– «Егор – шумит, – послушайся!

Не по тебе пастушество!

Твоя вся кость иссушится.

Твоя вся кровь задушится!

По седоку – лошадушка!

Метель а конь твой сказошный!»

Тот сапогом как топнет в снег:

– Мне своих ног достатошно!

Не унялась, безбожница:

Старшим бураном божится,

Шальным бараном в ноженьки

Кидается, тьмой множится.

– «Меч дам тебе, власть-главенство,

Семи!»

Тот кулаком как вдарит в снег:

– Одной рукой управимся!

– «Пропал! – Пылит –

Попал! – палит –

Метель, клюка я глупая,

Сама Пурга я лютая!

Гей, мои птицы-ласточки!

Лети в глаза глазастые!»

Тот, рассмеясь, как харкнет в снег:

– «На то и баба – хвастается».

* * *

[Метет, метель,

Стелит постель,

Пьяным, влюбленным,

Мертвецки-сонным:

Всей голытьбе:

(мне – тебе.)]

– Как бы не так!

Вьюге на злобу –

Прет из сугробу

Сжатый кулак.

Чей это нос расплющенный

В снегу? – Чей хвост опущенный?

Кто сквозь метель, без тропочки

Рысцей трусит, торопится?

В снежку порыв, понюхает,

Ушко вздыбив, послушает,

От взору – роца выгорит,

И шуба – мех навыворот.

– Скачи, гоньба! Гони, гоньба!

Уж над крутым отвесом лба

Метель – валы взметает.

Уж на нем снег не тает.

Спешит волчок, трусит волчок.

Что нам верста, ему – вершок,

Да как с разбегу:

Что за торчок из снегу?

Нюхнул – хвост выпустил – скребет,

Осел – передними – гребет,

Вал снежный – на два вала,

А посередке – в алой

Рубахе – как к венцу идут –

– Как вззоет тут! Как вззоет тут! –

В тулупе нараспашку –

Егор – как воин павший.

– Егорушка! – куснул в плечо.

– Егорушка! – Рванул. – Еще

Куснул, – теперь уж за́ нос.

Как дуб, сраженный за ночь,
Как дуб суком
В метель грозитя кулаком.

– Егорушка! Так, брат, нельзя!

Егорушка! – Лизнул в глаза,
И в нос лизнул, и в губы –

Лежит. – Четыре зуба
Так и засожены в губу.
А там метель в трубу
Трубит: «В честном гробу
Я друга погребу!»

Все горячее волчий дых.
Уж дыбом на боках худых
Мех дикой, разномастный.
И вдруг – железом красным
Литым расплавленным свинцом
..... слеза.

И разом – надвое – бугор,
И разом – на ноги – Егор.

Стоит, сугроба посеред,
Одной рукою – очи трет,
Другой – в затылке чешет.
И хрипло так – аж три дня пил:

– А где ж я шапку обронил?

Трет-нажигает скулы:
– Волчок, никак соснул я? –
И, эдак вопросив, зевок
Такой великий задает,
Что волк, не пикнув даже,
За три версты – в овражек.

Идут дорогой,

Прут прямохожей.

Парень – проломом,

Волк – вавилоном.

Вскинет хвосточком,

Прянет ушами.

– Ну и охоч ты,

Брат, до шатанья!

Как не мой опыт,

Без моих хлопот,

– Тьфу, будь ты проклят! –

Снег тебе лопать.

Все б твои разом

Вышли – румяна.

Из-за барану –

Сколько изъяну!

А паренек-то:

Стоит ли споры –

Из-за Егора

Весть – разговоры?

Аль я царевич,

Что ль, какой дорог?

В каждой деревне –

По сто Егорок!

[Русь породила,

Вьюга – накрыла.

И, размахнувшись

– Чмок – того в рыло!]

* * *

Дороженька! Дороженька!

Стреми мои сапоженьки

По следу злому, темному,

Метелью заметенному.

Куда – скажи мне – вор-мой-пес
Мава ягнечка унес?

– Как ты со мной, ухабистой,
Речь заводил без наглости,
Как ты со мной, проселочной,
Речь заводил без сволочи –

Все прямо
И влево
И встань
Под деревом.
Храни тебя

Мать –
Дева!

* * *

Куды, куды, детинушка?
Не торопись уж очень-то!
То след-зовет-тропиночка,
Большой дороги доченька.

– «Хоть прешь, мальчишка, на беду,
Тебя до места доведу,
Дойдешь, как по веревьцу!»
Глядит Егор: ствол-деревце,

На деревце – высокий дуб,
Высокий дуб.....
..... упорист,
Ну, Царь наш Миротворец.

Овчину с плеч долой-тулуп
И веточки на ветку – ступ:
Прилег как вор на страже.
А под низом – овражек.

А из овражку – свет ты наш! –

– «Он мал – он наш!

Он бел – он наш!»

Пяток братков, знать, наших,

А посреди – барашек.

И гласом – столб-заплачет-дуб:

– «Я мал – я глуп,

я бел – я глуп!»

Глядит Егор: бок выдран!

Да с высоты тут тигрой

Как прынет в самый волчий вой!

«Он мал – он мой!

Он бел – он мой!»

И – радугой из гуши –

Глупца на сук негнуший!

Застолбенела волчья тварь.

Один: «Знать царь!»

Другой: «Знать царь!»

И меж собой, по-волчьи:

– Нас пятерых потолще!

Залебезила волчья рвань:

Один: Достань

Другой: Достань!

Как кулаком по дубу

Дубнет: Влезай, коль любо!

Как заскулит тут волчья гнусь!

Один: сорвусь!

Другой: сорвусь!

И вдруг – рысцою тихой –

Шажком – шмыжком – Волчиха!

И опрометью дрань и рвань:

Один: Мамань!

Другой: Мамань!

И как на панихиде

Все разом вдруг: – Оби – и – дел!

..... на шесток:

Тому – шлепок,

Тому – шлепок,

Всех одарила в чéред.

И вдруг как рылом смерит

Егорку – с носу да сапог.

Моргнет – и в бок,

Шморгнет – и в бок,

И вдруг, всем рылом врывшись

В живот-то: «Волчий привкус!»

И жалобно – сугроб бы взвыл! –

«Сынок, забыл!

Щенок, забыл

Волчиную погудку!»

И – лапами на грудку!

И – голосом – сугроб бы скис:

– Сынок, вернись!

Щенок, вернись!

Овчину-сбрось-личину!

Над всей страной волчиной

Тебя поставлю я Царем!

..... .

..... .

И тут – на весь лесной чертог –

Один: Браток!

Другой: Браток!

А третий, самый рваный:

– Отдай маво барана!

И хором тут вся волчья блажь:

– «Он наш – отдашь!

Он наш – отдашь!

Вся наша кровь свернулась!»

А тот в ответ: «Да ну вас!

Аж тошно мне от ваших харь!

Не вам я – царь,

Стадам я – царь!»

И враз десницей-шуйей

С груди-то – трёх! – старшую!

Заледенела, зноб затрѣс.

Старш́ая: Пѣс!

Вся стая: Пѣс!

И н́у его за икры:

– Держись, собачья прикровь!

По скоком им Волчица в тыл:

«Он вскормлен был,

Он вспоен был

Моим сосцом волчиным!

Судить его – по чину!

Сюды, Егорий, на допрос!

Лизала? – В лоск!

Сосал? – Взасос.

А как порою темной

Глазком светила? – Помню.

.....

Припомни прежнюю хлеб-соль!

Мы – тощие, ты сытый!

Отдай овцу! Сокрыты

Ресницами твои глаза!

Егорушка, взгляни в глаза,

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Взгляни на мех-мой-проседей!

Егор, Волчица просит!

Егорушка!» – Но нем и глух

Егор. Лоб жилами набух.

Лик грозный. Дых неровен.

И – лбом в снега: «Виновен!

Виновен! Рвите на куски!

Виновен! Не отдам овцы!

Хватай! Не шелохнуса!

Да что ж не рвете, трусы?»

И – разом – волчье воронье:

Один: мое!

Другой: мое!

– Прочь! – им Волчиха с дрожью:

Мной вскормлен – мной и пожран!

Молись, Егор! – Тот в воздух: чмок!

– Прощай, браток!

Гуляй, браток!

А уж в ногах: «Не выдам!»

Браток стоит: шерсть дыбом.

И гневно: «Не отстать клыку!

Как ты мне брат по молоку.

Так я тебе – по хлебу!

Спасайся, брат! я следом!»

– «Нет, брат, не место тут двоим:

Сдурил один – помру один!»

А уж над спором ихним

Волчиха – жарким дыхом.

Слюной-струею каплет в спор:

– «Пора, Егор! Стара, Егор!

Не жду! – Взыграло чрево!»

Вздохнул Егор. На древо

С ягненокком – на весь свой век
Глядит, и вдруг – как вспыхнет снег!
Костром-великим-гневом
Горит, горит Царь-Древо!

И – опрометью – волчий сброд!
– Горит! – А пламя посеред
– Горит! – как в ризе ценной
Ягненок нетленный.

Навечно.....

* * *

«Вставай, Егор! Потом доспишь!

Уж день скрипит воротами!»

Глядит Егор: шатром-костром
В глаза – заря широкая.

В ногах волчок, сражает блох,
Крючком скрючившись, скрючимшись.
– «Чай, третий самовар заглох,
Все сушки пересушатся!

Вставай, лентяй!» На ножки – скок
Егор, тулуп внабросочку.
Глядит-глядит в зарю-восход,
Глядит-глядит без просыпу.

Глядит – аж душу потерял!
Аж захлебнулся золотом!
А волк: «Кто шапку потерял –
Тому венец под молотом!»

КУПЕЧЕСТВО
Как к голубке безмужней вдовушке
Попросились купцы в ночевочку:
«Далеко, мол, вдова, до городу!»
Видит баба: седые бороды.

Вторá – первой, а третья – второй седей –
И впустила чужих людей.

Еще рук не успели выпростать –
А уж им самоварчик вытрясен.

Еще шуб не успели вытрусить –
А уж им самоварчик – искрами.

Не успели сосульки сойти с усов –
А уж им самовар готов.

Стаканá не схлебнули цельного –
А уж им зипуны подстелены.

Пол-ломтя не сжевали ситного –
А уж им и подушки взбитые.

Не успели ни крошки стряхнуть с усов –
А уж и ночлег готов.

Инда взмокла, толчась, заботимшись.
А старшой: «Хороша работница!»

А второй: «Золотые рученьки!»
А третей: «Не трудися, внученька!»

Не успели ресницы довести до глаз –
Да все трое как вскрикнут враз:

«Ой, доченька! никак – летун!
Летун-храпун! Летун-хапун!

Всю казну забирай на откуп!»
А она, ухмыльнувшись кротко:

«Не трудитесь, деды! Не змей летит, –
То сыночек-мой-свет сопит!»

Прозвенела казна за пазухой.

А старшой: «Хороша присказочка!»

А второй: «Не плоха присвисточка!»

А третей: «Чудеса – поистину!»

И все разом: «Прости нас, вдова, дедов:

Тоже разных видали вдов!»

Еще смута с лица не схлынула –

А они уж друг к дружке спинами.

Еще крест-не творили-заповедь –

А старшой уж с вторым – посапывать.

Не успела.....

Да как трое все вскочут враз!

– «Ой вдовушка!

Он-он – летун!

Летун-храпун,

Летун-хапун!

Пожалей нашей капли кровной!»

А она голосочком ровным:

– «Не крутитесь, деды! Не змей пыхтит:

То сыночек-мой-свет храпит».

Посинели в лице, как тряпочка,

А старшой: «Хороша похрапочка!»

А второй: «Нелегка погудочка!»

А третей: «Богатырь, знать, будущий!»

И все разом: «Уж лик твой, вдова, таков:

Уж и льстивый он, змей, на вдов!»

Еще нитка в иголку ленится, –

А они уж за сон-храпеньице,

Еще шовчик не взят навыворот –

А по ним уже вошки прыгают.

Не успела иголку воткнуть в атлас –

Да все трое как вскочут враз!

«Ой, ноченька!

Ну что ж, летун!

Хватай, храпун!

Хватай, хапун!

..... громкий

А она не взглянув от шóву:

„Не бранитесь, деды! Не змей пыхнул:

То сыночек-мой-свет вздохнул!“

Отхлебнули как синьки-щелоку.

А старшой: „Хороша ночёвочка?“

А второй: „По грехам, знать, нашенским!“

А третёй, с тихотцой монашенской

Поклонился, да ровно кулёк-знать-холст

Так молчком под скамью и сполз.

Ползком сполз – скоком выскочил.

– Ой, мать честна! Ой, с кисточкой!

Микола-свет-Угрешинский!

Сам-сам лежит и чешется!»

Не успела кресточку достать в доказ –

Да как дверью все хлопнут враз!

К горшкам-к шесткам, знать, в обчество.

В котлах, в лоханках топчутся,

Овечным сбродом мечутся,

Клянут свой сан купеческий..

Этот в тесто, тот в жбан-угораздил-квас...

Да все трое как вскрикнут враз.

И трубный глас:

«Держи! Держи!

В мой сонный час!

А чччерт бы вас!

Где честь у вас, приличество?

По самому по личику

Слоном скакать! А черт бы вас

Растряс! В мой сонный час!

На свет, кроты, из норушки!»

Тут всех воров Егорушка

Вперед себя – как вытолкнет!

А сам-то – лбом об притолку

Как ахнет! – лоб-то вытерпит!

И в избу – вместе с притолкой!

Ревет: «А ну-ка, рódные!

Кажи статью доходную!

Огнем по телу мечену –

Кажи статью наплечную!

Имя-чин-званье-отчество!»

Взглянул – д'как расхохочется!

«Ой дурни вы! Ой сёдые!

Ой, рухлядь вы прадедова!

Ой, холостые ружья вы!

Ой, вы громилы дюжие!

– Чай, трех погостов старосты?

Да что ж это вы – под старость-то?»

Старшой вперед оправился:

«По всей Руси мы славимся».

Второй: «Назвать по имени –

По всей Руси мы чтимые».

Третей: «До самой Сызрани

Парчой торгуем, ризами,

Свечным товаром, ладаном.

Тваво добра – не надо нам».

Стоят, в окошко мрежатся.

Старшой: «Прощай, медвежество!»

Второй: «Прощай, сапожество!»

Третей: «Хоть от художества

Тваво – все – гудом хрящики, –

Идем ко мне в приказчики!

Что скажете, торговый дом?»

А те: «Дельцо дубовое!»

– «Что скажешь, мать безотчая?»

А та: «Премного почести».

– «По рукам, что ль, молодец? В добрый час!»

Да все трое – как вскочут враз!

– Ой, матушка!

.....!

.....!

.....!

Не видать нам рядов-знать-лавок!

А Егор, повалившись на бок:

– «Провалиться вам, деды! Не змей

То браточек-мой-свет!»

Расплелись – что коса на плеточки.

А старшой: «Хороша, знать, глоточка!»

А второй: «Не плоха – хорошая!»

А третей: «Уж цела ли лошадь-то?

Уж не скачет ли шут на тебе, Саврас?»

– Да все трое – как вскочут враз!

«Держи! Держи!

Ой – зверь-рыскун!

Рыскун-храпун!

Рыскун-хапун!

.....зверь неслыхан!»

А Егор, почитай, без дыху:

– «Протрезвитесь, деды! Не зверь-он-яр:

То браточек мой-свет, овчар!»

Окрестились над страшным мóроком,

Шапки-шубы торопят тóропом,

Вид непомнящий, взгляд незнающий,

Враз поклон отдают хозяйшке:

А она: «Не взыщи, Степенствушки,

Потому, мое дело женское..

Наварила б вам, батюшки, жирных щец...»

А старшой: «В рукава, купец!»

* * *

Скидаёт на паренька

Шушунук свой ватошный.

Долго на сваво сынака

Воззирала матушка.

(Никогда бы вас, сынов,

И рожать не надо бы!..)

– «Ты прости-прощай, сынок!

Расстаемся на́долго!

Что сыночку – десять дён,

Матерям-то – тысячи!

Заугольничком рожден –

До отца возвысишься!

Высоко́ твой путь забрёл, –

Поклонись, коль встренется!

Не кладу тебе, орел,
На сердце смиреньца.

Как бы царь ни принажал –
Не клонись осокою:
Уж в колысочке лежал
С головой высокою!

Чтоб сам шут тебе – с жучка!
Все ручьи – целебные!..»
Достает из сундучка
Сапожок серебряный.

«Был когда-то позлащен,
Побелел от старости,
Тоже с милым разлучён,
Как и я – без парочки!»

Начищай его, дружок,
Мелом без оплошности.
На иконке чтоб дружок
Выходил хорошеньким.

Чтоб по отчим по следам...
И с крылечка – на ветер:
«Весь на то и век нам дан –
Расставаться навеки!»

* * *
Сбруя новая по крут-бокам поскакивает,
Колокольчики-бубенчики позвякивают.
Ты бренчи-звенчи, Валдай, купцам на счастьеце!
Везем в лавочку мы нового приказчика!

Душа русская, простая, неувертливая!..
Заря алая по бел-снежку посвёркивает.
Ты зари, заря, зари во все оконьшки!

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Везем де́вицам мы новую иконочку!

Румянисту, штаны плисовые...

Чай, не за́ морем каким, – в Рязани писанную!

Ты звони, Свята, звони во все во звонницы!

Везем Господу мы нового заслонничка!

* * *

Как над той землей, смирней какой не пахивали,

Разудалая одна – косынкой взмахивала!

.....

Воспускай из-за прилавочка

Должно́, паренек

Своих рук не берег,

Своих рук не берег,

Купцам кучу загреб.

Паренек-то, взглянуть, с душой!

И к прилавочку – ступ – старшой.

– Ну что́, купец?

Как?

А тот в ответ:

.....

Аж в лице покраснел, как свёкла.

«Вся спина моя, значит, взмокла!»

– «Знать целый куль

Нагреб – хвалю!

Давай-ка нуль

Писать к нулю!

Молодец, на слова не тратясь!

Не ошибся меньшей наш братец!»

.....

«Где ж звон-казна?»

А тот в ответ:

«Кака казна?

Не пойму твоего я слова, –
Только первый мой день торговый!»

Глядит купец:
Овца – овцой!
– «Аль ты с глупцой,
Малец, с дурцой?

Без казны-то и солнце – с кукиш!»
А Егор, подивясь: «Да шутишь?»

.....

Сробел купец:

.....

«Где ж вся парча
Моя?
..... торговли?»

А Егор: «Ворочай оглобли!»

Уж так гребли,
Отец, гребли,
Как я им всем
Назад – рубли!

Уж и вид твой, кричат, бурдовый!
Видно, первый твой день торговый

А вот уж поп
Один – так грёб!
И оженю.....
И в гроб.....

Провожу, – хошь с родной сестрою
Окручу! – Потому – расстроил!

А еще Тит
Один – так спас.

Хоть старый лис,
Кричит, хоть лыс,
Весь кирпич-забирай-мой кафель!
Потому что [де] кричит, потрафил!

А Генерал –
Один – капрал:
Дроздов я драл,
Азов я брал,
А еще не видал такого, –
Видно, первый твой день торговый!

Сомлел купец,

.....

«Ой воск мой яр!

Ой ладан...!

Ой елей-мой лампадный-слёзка!»

А Егор, рукава внаброску:

«Сперва словцом

учи, добром!

А не смекнем –

Тогда ремнем.

Всё козлы-то в глазах – коровы:

Только первый мой день – торговый!»

Тут по плечу его старшой:

– «Ты паренек, глядеть, с душой!

Придут годы – придет и разум..

Подождем до другого разу!»

Вторник

Как над той землей, где христосовались,

Разудалая одна – косищи чесывала.

Сокрушай, заря, расчёску-треск-гребеночку!

Воспускай из-за прилавочка орлёныша!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Паренек-то, взглянуть, – ерой!
И к прилавочку – ступ – второй.

– «Ну что, купец,
Как Бог нам дал?»

А тот в ответ:

– «Так Бог нам дал,

Ровно праздник какой престольный!
Весь товар твой, отец, пристроил!»

Взыграл купец:

– «Где ж жар-казна?»

А тот в ответ:

«Сказал – казна!

[Чай] вся иная пошла музыка:
Никакой уж и нет – казны-то!»

Как я словцо
Сказал: платеж,
Ну уж и вой
Пошел, галдеж!

«Одурел ай сбрендил?
Кто ж товар продает за деньги?»

Как затрясусь:

«Купец велел!»

Ох ты пострел,
Орут, безус!

Да как гаркнут [рявкнут] все разом сразу:

«Ишь царёву грубить указу!»

«Какой указ –

Шепчу – приказ?»

«А тот указ,

Орут, приказ:

Всем купцам, молодым и старым:

Весь товар продавать задаром!»

Как размахнусь,

Да в ножки – бух!

– Ох ты пентюх,

Орут, лопух!

Гнить бы в яме тебе царёвой –

Как не первый твой день торговый!

.....

Купец

.....

– «Туман-дурман,

Вопит, обман!

Не царю ты, а сброду-твари,

Всей дороге челом ударил!

Ох ум твой худ,

Карман твой свист,

Кошель мой туг,

Доход мой чист!

Ох рубли мои свет прибыли!»

А Егор, рукава внакидку:

«Как мой совсем особый склад,

Как на башку – выходит – слаб,

Чтоб мозги мои – впредь – свежее,
Наклади мне, отец, по шее!»

Тут по плечу его второй:
«Ты, паренек, должно, ерой!

А дурак – не с дурного ль глазу?
Подождем до другого разу!»

Среда

Как над той землей, козой несьютой Сидоровой,
Разудалая одна – монистом игрывала...
Задавай, заря, во все рубли-целковики!
Воспуска́й из-за прилавочка соколика!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

А взглянуть-то – дитя дитёй!
И к прилавочку – ступ – третёй.

– Ну што, купец,
Как жар-казна?

А тот в ответ:

– «Така казна,

Уж и мастер народ ваш тратить!
Всех ларей твоих, дед, не хватит!

Первее всех,
Отец, нам слыть!»

Взыграл купец:
«Ну, парень, сыпь!»

А волчок, из-под ног осклабясь:
– «Все – е до солнышка обещались!»

Вздогну́л купец:

.....

«Ох ты Рязань,
Кричит, Казань!

Ох ты Русь моя-дурь-Рассея!
Весь товар посеял!

Коль не.....

.....

Вот и вся вам святая Русь-то!»
А Егор, с превеликой грустью:

– «Что зря слова
Во рту молоть?
Кто оплошал –
Того колоть.

С колокольной-толкай-хошь-кровли!
Не пойму я твоей торговли!»

Тут по плечу
Его третей:
«Хоть с каланчу –
Дитё – дитёй!

.....

Подождем до другого разу!»

Четверг

Как над той землей, избой кленовой, ясеновой,
Разудалая одна – да распоясывалась.
Расплещись, заря, во все шелка разливчаты!
Воспускай из-за прилавочка счастливика!

Должно́, паренек
Своих рук не берег,

Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Не пенькой торговал, –
Парчой.
И к прилавочку
– Ступ – старшой.

«Ну што, купец,
Как звон-казна?»
А тот в ответ:
«Ну да, казна!

Цельный, знаешь, мешок пузатый,
Да не любит меня казна-то!»

Взревел купец:
«Да кто ж? Да што ж?»
А тот в ответ:
«Ругай, как хошь!

Видно, ум у меня слабёнок, –
Не пойму я московских денег!

Как стал считать –
Бревно-бревном!
Такой уж зноб
В костях – и лом!

А в ушах-то, что улей-пчелки,
Так тебе и жужжит: „Обчелся!“»

.....

Пошел и шум.
Вдруг кто-то: ррраз!
Здорово, кум!

Почеши, говорю, в затылке!

А когда ж у тебя крестил-то?

Коли не кум,
Орет, так брат.
Ты на язык,
Я вижу, хват.

А считать, посмотрю, не школет.
Подсобить тебе, парень, что ли?

Как зачастит –
Зерно зерном!
Как в молоке
Лежу парном.

Ровно гущу-хлебаю-твóрог.
А тот знай себе: шесть да сорок,

Да пять да шесть,
Да шесть да семь.
– «Как ни считай,
Ворчит, всё темь!

Все как будто забыл чего-то..
Видно, враные ваши счёты!

Вот так статья,
Ворчит, вóт стих!
Пойду-ка сверю
На своих!»

А волчок, над хвостом стараясь:
– «О сю пору сидит, сверяет».

Вздыхнул купец:
«..... ты гусь!»
А тот в ответ:
«И сам дивлюсь!

.....
Знать уж.....така: Егорий...

Мне и до трех,
Отец, не счесть.
Каков рожден –
Таков и есть».

.....
Тут по плечу
Его – старшой:
«Хоть не пенькой
Сплошал – парчой –

Да глаза-то твои – алмазы!
Подождем до другого разу!»

Пятница

Как над той землей, чудней какой не видывала,
Разудалая одна – юбчонку скидывала.
Раскрутись, заря, во все свои полотнища,
Воспускай из-за прилавочка молодчика!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

В само небо,
Чай, – прет горой!
И к прилавочку
– Ступ – второй.

– Ну што, купец,
Как звон-казна?

А тот в ответ:
..... казна.

Нынче дело другого рода:

Ни один твой вершок не продан.

Глядит купец:

.....

Как сам потоп

Прошел волной.

– Самовар твой, кричит, с угаром!

Аль опять отдавал задаром?

Ох ты упырь,

Кричит, шакал! –

А тот в ответ:

«Отец, сплосал!

.....

Весь товар твой – до нитки – скраден!»

Не голова –

Отец, – арбуз!

Качнусь-очнусь,

Качнусь-очнусь,

Как болванчик какой китаец,

Ровно в люльке лежу – мотаюсь.

Встряхнусь это –

Опять нырну.

И так это

Сквозь сон-дремú:

– Отчего ж это, мыслю, братцы,

Всё другим это – бабы снятся?

Да как на грех еще –

Сверчок.

– Посторожи, прошу,

Волчок!

Всё горошек в глазах персидский, –
Может, баба кака приснится.

Ну и залег –
Кульком кулёк.
Тут вперебой
Ему – волчок:

– «Заворчал, эдак вот, зачавкал,
Ну и встал я, отец, к прилавку.

Гляжу: чернец
Бредут с попом.
Да взвидят как,
Что волк – купцом:

„Поддавай, орут, ветер в полы!
Сам нечистый сошел с престола!“

Ну уж и трус
У вас народ!
Чуть шелохнусь –
Уж тряс берет:

– Ворочай, орут, Русь, по трахту!
Сам нечистый у них в купцах-то!»

.....

.....

Тут вперерез

Ему Егор:

– «А мне, значит, взамен девиц-то
Все какая-то мелочь снится:

Как будто гриб
Нашел – сморчок...»

Тут вперебой

Ему – волчок:

– «Хоть и вид мой, пою, предивный,
А зато продаю за гривну.

Гляжу – хромец

Идет.....

Совсем было сошлись, –

Ан нет:

„Хороша, говорит, лавчонка,
Да уж больно купец страшон-то!“

Кто ни взойдет,

Отец, – страмит.

Терпел, терпел,

Аж сон кренит –

Отчего ж это, мыслю, братцы,
Все другим это – овцы снятся?

Хошь бы одну б

Каку – на вкус!

Качнусь-очнусь,

Качнусь-очнусь, –

.....

Может приснится?

Ан: самовар

В глазах – прибор...»

Тут вперевой

Ему – Егор:

«Пока блюдцы-считал-стаканы,
Весь товар твой, отец, и канул».

Как ухватился

Тот за плешь:

«А самовар,
Вопит, мой где ж?»
– «И с прощайся:
Из-под придется чай пить!»

Пыхтит купец,
Как в баньке взмок.
Чтоб этот сон,
..... вам впрók –

.....
Сволоку-ка вас, братцы, в волость!
А волчок-то с Егоркой в голос:

– «Тащи, отец!
Сошли, отец!
Озолоти,
..... отец!

После пытки таковской – торгу,
Хошь в петлю зятяни – просторно!»

Вопит Егор:
«Уж как здоров –
От ладанных
Помру паров!»

А волчок пареньку в защиту:
«Запаршивел с твоей парчи-то!»

Тут по плечу
Его – второй:
«Не удушю,
Ворчит, не вой!»

Путь-то – не медом мазан!
Подождем до другого разу.

Суббота

Как над той землей, где бабка черту маливалась,
Разудалая одна – под полог сваливалась.
Закатись, заря, вались, заря, на сон честной!
Наше дело молодецкое окончено!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Уж и лоб
У него – пустой!
И к прилавочку
– Ступ – третей.

«Ну што, купец.
Как торг-дельцо?»
Взглянул – и с губ
Нейдет словцо:

Видит: купчик-то наш-кормилец
Вместо рук-то – веревку мылит!

Ты што ж это,
Речет, сокóл?
А тот в ответ:
«Знать, день пришел».

А волчок, защелка́в, как бубен:
«Кажну ночь тебе сниться будем!»

.....

Не суйся, дед!
И кредитку-достав-рублёвку:
«Получай за свою веревку».

А сам на крюк

Глядит-крючок.

Тут вперевой

Ему волчок:

«Не сосём твоих кровных жилок:

Деревенский еще обмылок!»

Вспылил купец:

«Ишь брат – повис!

Ты на земле

Гремит, трудись.

.....

Ты и сам у меня червонный!

Тем мне и люб,

Дурак, – что глуп!»

А тот, в сердцах:

«Вестимо – глуп.

Хошь хлыстом меня в очи хлестай, –

Не стерплю я ребячьей слёзки!»

Сижу это,

Отец, с казной,

Ан голосок

В дверях – сквозной,

Как комарик звенит над синью,

Как сырая в печи осина.

Как трещинка

Поет в стекле...

Гляжу это:

Малец в тряпье,

Куполок-золотой-головка...

– Одолжи, говорит, веревку!

– Ай свет тебе,
Смеюсь, не люб?

А тот в ответ:

Хозяин лют.

Как в снежки-то играл с Колюшкой,
Обронил на снегу полушку.

Как хрусталец-

Звенит-ледыш:

«Озолоти, звенит,

Услышь!

А веревку не дашь – так в прорубь!»

– Это што ж, говорю, за тóропь?

Коль уж такой

Мужик – в петлю,

Так кто ж служить

Пойдет царю?

Да как сыпать пошел в карманы!

Оделяй, говорю, команду!

Как в решето

Сквозя водой.

«Отец, звенит,

Карман худой!»

«А худой, говорю, так свистни!»

Весь мешок тут ему и втиснул.

Осоловел

Малец – столбняк:

А поминать,

Лепечет, – как?

– Поминай, говорю, хошь зайца!

Не моя звонкота – хозяйска!

Тут васильком

Как вскроет взор:

«Ай позабыл

Меня, Егор?

Как в цветах обещались, в листьях?»

И уж нет никого – как высох!

Как голубок

Крылами – плёск!

«Ну, паренек

(Купец) – сбылось!»

(А из каждой глазной лощинки,

Что тычинки на свет – морщинки.)

«Как Русь стоит –

Тебя искал.

Одних лаптей,

Чай – воз стоптал.

Уж не знал, растеряв силёнки,

Уж с какой тебя ждать сторонки».

Стоит Егор,

Картуз в горсти.

– Озолоти! –

Хрипит: – пусти!

А не то – запиши на плечи! –

Без штанов удеру – как леший!

Тут по плечу

Его третей:

«Ну уж и нрав,

Ворчит, крутой!

Чтоб вся жизнь ему по заказу!

Подождем до другого разу!»

* * *

Воскресенье

(Отъезд)

Как над той землей, за тем за красным занавесом,

Разудалая одна – со сна выламывалась!

Выходи, заря, с ковшом, с шириной, с брагою,

Провожай меня, орла, за сини за́ горы!

Должно, паренек

До купцов не дорос,

До купцов не дорос,

Цельну кучу растрёс!

.....

.....

И с повозочки

– Ступ – братья.

«Хорош возок», –

Ему – старшой.

– И – конь резóв! –

Ему – второй.

А третей:

– А по мне седочка не стоят!

– Смелей, сокол! –

Ему – старшой, –

Как станет ствол

В лесу – сплошной,

Не сказавши дурного слова:

«Вспомяни», говори, старшого!

– Смекай, ерой! –

Ему – второй, –

Как где гора
Сошлась с горой,

– Расступись, говори, хоромы!
Поклонись, говори, второму!

– Смекай, огонь! –
Ему – третей: –
Как станет конь
Шалить речной,

– Ошалел, скажи, дурень! Долу! –
Не страми, говори, николу!

Старшой один
Тут держит речь:
– Как весь товар
Свой сбagriшь с плеч –

Поспрошай у хромца-культяпки
Старичка в островерхой шапке.

Поклон тебе, скажи, от трех,
От трех купцов,
Скажи, братьёв,

А я сам, говори, тот хлопчик,
Что – живьем обдери – не взропщет!

На все дела,
Ори, горазд!
Он кувшинок
Тебе подаст,

Чиста сéребра – день аж Божий!
Голубочек вверху посажен.

Ты отдарить
Не смей – казной.

Тройной поклон
Клади земной,

– Благодарствуй,
От всея от Руси

Хошь тот кувшин
И прост на взгляд –
Чтоб пуще глаз
Тебе был свят,

Да сам не пытай – смотри-ка! –
Что в нем там за богатство скрыто.

– Блюда закон!
Ему – старшой.
– Не льстись на жен!
Ему – второй.

А третей: – Не крушитесь, братцы!
Выше прочих запишут в святцы!

– Возрастай, Егор!
Ему – старшой.
– Крепчай, Егор!
Ему – второй.

А третей, с ласкотой суровой:
«Наклонись ко мне на́ два слова!

Как уж в колыске
Нам не спать,
Так наша жизнь
Не хочет вспать, –

Так уж знай, дурачок мой прóстый,
Что третёму-то – в сердце врос ты!»

– Прощай, Егор!

Ему – старшой.

– Прощай, Егор!

Ему – второй.

А третёй-то – мороз, знать, тронул!

Ни словца не сказать третёму.

* * *

Уж миновал проселочек,

Привстал, оборочается:

На бугорку три елочки

Седатые – качаются.

Качаются – прощаются.

Старшая – как перстом грозит,

Вторая – как поклон творит,

Меньшая – как крестом хранит.

СЕРАФИМ-ГРАД

Но не слышит Егор. От круглых

Щек – весь цвет отошел Егорьев.

На холмах крутобоких, смуглых

Дивный град предстоит лазорев.

Не рабочей рукой поднят,

С изначального веку – сущий,

Трудолюбием рук Господних

Прямо с облака нáземь спущен.

И стоят колокольни в звоне,

И летят колокольни в зорях.

И не вам, мятежи да войны,

Дивный град сокрушить.....

Вздыхнул Егор: «Ох град мой, град!»

Как с корнем вырывает взгляд,

На сапожки глядит: как стёклы!

Что за диво такó: просохло!

Вместо рек-морей – ручейки журчат,
Ребятъём – на звон – вперегон спешат.

– Мы спешим, Егор, в Серафим-от-град!

Поспешай, Егор, в Серафим-от-град!

Тут как ступит Егор шажочек:

Невтерпеж – разуваться хочет!

А как дважды ступнул – мурава пошла рость,

А как третий ступнул – виноград сладкий гроздь.

С три шажочка еще протопал –

В воротáх уж стоит – как вкопан.

Взглянул – да как обмер!

Спроста, сгоряча – словно луч цветаст,

Павлиний хвосток глазаст.

Уж, знать, маляр малевать горазд:

.....

И лаком и златом,

Не мазь – а ласканье!

И все воротá-то –

Глазками, глазками.

Уж с энтою вохрой – и кровь не спорь!

Аж звоном звенит лазорь!

Чай, каждый мазочек

Обдуман, обмыслен,

И в каждый глазочек

Угодничек вписан.

Уж энтоз маляр малевать храбрец:

Аж криком кричит багрец!

Уж насожено – конца нет!

Всех как есть пристроил!

Все окошечки с жильцами,
А одно пустое.

И, вздохнув, Егорий – волку:
«Каб не вид наш серый,
Хорошо б, браток, светелку –
Ту занять-фатеру!»

А волчок ему погудкой
Жалобной, завистойной:
«Всяку рвань-вписал-ублюдков,
Я один не вписан!

И хорош, хорош,
И хорош, – только я не гож!

Впущай, орет!
Встречай, орет!
Кто здесь ключарь,
Орет, впущай!»

«Не то, орет, култышка,
Всем божененкам – крышка!»

Как скважениночка в стекле,
Тихонько ключ пропел в замке,
Стена зашевелилась,
Калиточка раскрылась.

В нее – седая борода,
Должно что локоточка с два
На свет глядит
– Кто здесь, ворчит ?

Да взглянет как – калиткой хлоп!
Да шток тебя, ворчит, да шток!
Туда ж, ворчит, извольте ж:
В штанах – а морда волчья!

– Да мы ж, ему Егор, от трех,
От трех купцов братьёв.

А волк: «Делов по горло:
За кувшинком приперли».

..... ключарь: «Куды хитер!
А звать-то как тебя?» – Егор.
– А дальше как, для чести?
– Никак: Егор – и весь тут.

Смекнул привратник: – Стало – тот!
Ну, говорит, свободен вход.
Кивоты покачнулись,
Вороты распахнулись.

Шагнул Егор, а тот: «Нет, брось!
Ты, говорит, входи, будь гость!
А энтот пусть почухнет, –
У нас, брат, не волчатник!»

– Ну што ж, ему Егор, как хошь!
Как хошь, а без него не вхож!
Особняком без куму
Хошь в рай зови – наплюну!

..... ключьми ключарь.
– Ох ты ворчит, бунтарь!
Быть за тебя – проборке! –
И – настезь – обе створки.

И – настезь распахнувши взгляд –
Грядет Егорий в Град.

* * *

Шагнул – да как отпрянул!
Река катит [кипит] огниста.
Вал грозовой, багряный,
Рев, гром, блеск, жар неистов.

Глядит: нечеловечья
Река, – ну пламенем пламя!
А по воде навстречу
Солдат идет с крылами.

Да на Егорку: – Кто таков?
– Я, говорит, от трех братьёв,
Их паренечек присный,
За кувшиночком прислан.

.....
Да вдруг как гаркнет: «Нá кра – уллл!»
Вся хлябь стойком, вся рыба
В реке хвостами дыбом.

На бережок ступнул на край
И шпорами: – Смекай! Слушай команду.
За твой за нрав за прóстый
Переведу без мóсту.

Как будем пламя посеред,
Такой уж вой пойдет и рев –
Закаменей, как башня.
Оглянешься – шабаш нам!

Теперь вторая будет статья:
Воды ручищами не брать.
У ней состав такой уж:
Обмочишь – не отмоешь.

А третий мой, смекай, приказ:
Какая б ужась ни стряслась,
Словцом – прошу покорно! –
Не выругайся черным!

О бережок-притопнул-край,
Коленочку согнул: «Седлай!»

.....

Запомнюешь –!

* * *

Вал горбовой, верблюжий,

Дых огневой, угарный.

Сидит Егор на службе

Верхом, а волк – на парне.

Так Троицей святой и прут:

Солдат-крылат, Егор и плут,

Среди волны багровой –

Уродом трехголовым.

Сидит Егор – и сам не рад:

Что за солдат такой крылат?

Что за река ведьмиста?

Что за вода пениста?

А волк-то вторит шепотком:

«Добро б с хвостом, – а то с крылом!

А где таки берутся?

Что за страна нерусска?»

Все круче вал, все пуще вой,

Уж полдороги за спиной.

Вдруг как взревет, завóпят:

– «Не доверяй! Потопит!»

Молчит Егор, не дует в ус,

Надвинул на глаза картуз.

(Эх, завралась, бесовка!

Еще и нет – усов-то!)

Как сквозь войну-идут-сквозь строй,

Уж полпути прошли с верстой,

Вновь рев тысячеустый:

«Остерегись! Упустит!

Не по волнам шагаешь, – стой!»

Сорокоустовой тоской

Вся хлябь взмелась, не валом

Вал – пропадом-провалом!

А путь-то – в те поры – свершен.

Уж до земли – аршин с вершком.

Вдруг крик такой унылый:

– Оборотись! Поми – и – луй!

Пилами пилют!

Вилами колют!

Иглами очи

Выколоть хочут!

Как обернется простота!

Чуть-што башки не сшиб с винта!

Картуз с башки, черт-дьявол – с уст,

Сам в воду, добывать картуз!

Тут бы и шах ему и мат,

Каб не солдат-таков-крылат

Без всякого усилья

Не подхватил на крылья.

А тот, картуз [кулак] прижав к груди:

«Куда сказал – туда веди!

Нет для меня величья,

Коль кто на помощь кличет».

Ворчит солдат: «Ишь, лоботряс!

Все три статьи нарушил враз!

Взглянь за твою за жалость,

Что с картузом-то случилось!»

.....

Как позолоченный картуз!

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Блеск-пыл-жар-вар неистов!

Вот так вода огниста!

Тут по плечу его капрал:

«Ну , – речет, – не врал!

Кем звался – тот и есть ты,

Из дела вышел с честью.

Кто на призыв молчит: спаси! –

Тот к нам не со Святой Руси,

Кто черта не шумнет спроста –

На той на шее нет креста.

Так, стало, русский ты кругом –

Коль на́ смерть прешь за картузом!

Идем, сокол мой кроткий,

В еройскую слободку!»

1921

СОКОЛИНАЯ СЛОБОДКА[89]
Шагнул Егор. В лицо заря

Разит – пожар малиновый.

Обетованная земля –

Слободка соколиная!

Мечи куют,

Венцы куют,

А то и калачи жуют,

А то – страна-то русска! –

На кулаки дерутся.

– Ковалики-ковали,

Работнички горячи,

Широкие грудочки,

Чего больно трудитесь?

– Мечи куем воинству

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Русскому, лъвят нонешних,

Правнукам, – зла туча-то! –
Венцы куем мужеству.

– Дозволь разок!
– Изволь, сынок! –

Берет резов
Пудовый млат.

Удар в удар –
Терпи, горяча!
Сковал удал
Четыре луча –

Да как схватит сваво ребеночка
Из-под млата да на ладоночку!

Да дуть, да дуть
Из всех из щек.

– Хорош, гудут,
Крестам кресток.

– Хорош кресток,
Ему все враз.

Чудён – чуток.

С пользой, быть? – Ась?

Застыдился, дитя великое,
Сам не знает, чего и выковал.

Пошел хвален
В обгляд, в обмер.

– Куды чуден!
Каких-от-вер?

Вместо Сына-то Богородична –
С лысениночкой посередочке!

Бородой, ворчат, Николиной –

Отродясь таких не ковывали!

Не обманешь глазка нашего –
Отродясь таких не нашивали.

Один: морской!

Другой: нет, стой!

Да ты с трусцой,
Орут, с польцой?

Не посланец ли, блать ты пинская,
Царя польского, попа римского?

Затосковал,
Проста душа!
Не я ковал –
Рука пошла!

Чай одной, сокола, семеечки!
– А престол (сокола) имеется?

Кажи закон!
Твори поклон!
– В лесах крещен,
В водах крещен...

То ли Савлова, то ли Павлова –
Отвяжитесь, черти-дьяволы!

Громка глотка,
Плоха шутка.
Один: вот как?
Другой: ну-тко?

.....

.....

.....

Пропал Ёрка!

.....

Так бы малого и застукали,
Каб не спутник ему заступою.

Сокола уда́лые!
Молота нержавые!
Не можете малого –
Его дело правое!

У конца надвышнего –
Небось своя линия.
Не можете пришлого:
Его дело иное.

Зародил Бог ёлочку –
Всотером не свалите!
Вы на него с молотом –
А он с наковаленкой!

Горячи в нем соки-то,
На обиду скоренький!
Вы на него с попиком,
А он – с колоколенкой!

С дубком – он с дубравою!
С катком – а он с прачешной!
Кресток не по нраву вам?
Часок поартачитесь.

То ж с злаком, то т с ягодой,
Смекай, орлы-лебеди!
Не тем плох, что пагубен,
А тем плох, что невидаль.

Глазурь пообсохла ли?
Глаза ль приспособились?
Так не плюйте ж, соколы,
Без стыда, без совести.

– Без ума–без разума
На денек сей нынешний:
Чай, сама сыра–земля
Началась с новиночки!

Концы будто равно–краткие?
Посередке место гладкое?
Сроки должны исполнятся,
Место мастером заполнится.

.....

По его, Егорья, образу.
И пойдет сия новиночка
Под его, Егорья, имечком
Светлить груди приосанены
Всему войску православному –

Степным в Туле, морским в Гатчине,
Новобранщине – солдатчине,
Эполетщине – бобёрщине,
Всей пехотщине, поморщине,
Хлеборобщине, военщине,
Что с армейской долей венчаны

Пока Русь царям – лбом стучает.
А цена честну кресту тому
– Крупна ставка, страшна денежка –
Без заслуги – не наденете.

Ничем, Русь страна Иванова,
Окромя как только раною
Честной, грудкой раззадоренной,
Не добыть креста Егориева.

..... что лохмами
Башка, ладонь жёсткая –
Вспомнить неплохо бы,

Орлы, Христа-Господа:

Босиком пожаловал,
Босяки поверили.
Возлюбите малого –
Его дело велие.

Все леса вывешивать
Лозняком да вербою.
Отпустить сердешного,
Отпустить усердного

– На четыре стороны
ибо на Руси у нас
Престол – дело скорое.

* * *

Пекарики-пекаря,
Миндалинки-сахара,
Бумажные цветики,
Чего, братцы, лепите?

Аль заспал ясны́-красно́
– Март – девятое число?
Для правнуков
Запасаем жаворонков!

Как трясти мешки
Одна му́ка без муки:
О крюки задумаются,
А мы им – с изюминкою!

– Изволь, знаком! –
Берет резóв
Густ-теста ком,

А волчок ему в бок как в'пьется!
– Не хочу тваво хлебопекства!

Бокам припек,

Костям изъян.

Берет в роток

Синь-шерсти штан:

– С таковым пекачом страх-трепет!

Бог те знает чего и слепишь!

Кустарики-кустари,

.....штукари,

Курчавые стружечки,

Кому, братцы, служите?

– Как пожжет Москва домки –

Во всем царстве ни доски!

Временам тем пасынковым

Запасаем пасочницы.

Хошь пуст алтарь,

А все а воскрес:

– Дозволь, кустарь!

– Бери, вострец.

А волчок на него с забранкой:

– Не балуй, говорю, рубанком!

На то кустарь,

Чтоб впредь, как встарь.

В башке пошарь:–

А есть в ней царь?

От двух рук таковых искусства –

Схоронись, говорю, под кустик!

Оконцы ясные,

Перильцы – красные,

Столбочки пряменьки,

В два света храминка –

Кому дом таков казист?

– Без гробов, указ, возить.

Хороши и голенькие!

А мы им – дубовенькие.

Все одно-погудка-гнет,

Чего тёс переводить?

Ни щепы, ни стружечки вам –

А мы им – со служебками.

– Дозволь, отец!

– Изволь, сынок!

Берет вострец,

А волк с'под ног:

Высокó, соколок, занесся!

Кому стройка, а кому сноска!

Хошь волк-я-зверь,

Весь век свой пеш –

Сперва отмерь,

Потом отрежь, –

Размахнись по сваму медведству –

Ан и выйдет ладóнно место!

Ужо, Егор, и нас с тобой

Возьмут, – кровцы прикапливай.

Глядит Егор: печь красная.

– Топи, топи, подтапливай!

Вокруг печи – треск-искриё,

Внутри печи – шум-Ладога.

Глядит Егор: куды страшно!

– Топи, топи, подтапливай!

Ей , дуб – прутиком,

Не то что дом – слон вместится!

Вокруг печи – люд крутится,
Внутри печи – сплав бесится.

– Нет, жидок так, а эдак – густ!
Эх, три беды раз в три года!
Хоть взвод те в пасть – все глот твой пуст!
– Топи, топи, подтапливай!

Да што дубы! Да што пуды!
..... пасть шире лишь.
Еще руды! еще нуды!
– Топи-топи – подшвыривай!

Рудянку, крупку да с горшком
Сотрет! Свяжись с нищухой!
Вострб-железным посошком
– Стоит мужик – сплав щупает.

..... чтоб первый сорт
Звони! Доспевай, -варево!
Нет, мягок так, а эдак...
– Черт!

Топи-топи-подваливай!

Все не таков, все не таков...

Нет тебе адовых котлов,
Плавильщики-литейщики!

Кровного поту котелок –
Обед, навар – мозг с костью.
– Из того сплаву, соколок?
Колокола московские!

Как зарвется Москва-мать,
Как начнут переливать
– Не дошел и Тушинский –
Колокола на пушечки.

Протрезвись, простой народ!

Стань, колокол, пулемет!

Пали в веру греческую!

А мы – вдесятеро!

Как пойдет своих сынов

Нагишом в собачий ров

Валить: нужда комнатная!

А мы сверху: вспомнится вам!

Обойдется Москва-мать,

Да уж негде взять.

Мастерства заливчатого, –

А мы вдруг – малиновками!

– Велик, знать, Бог!

– И сын с ним, Дух.

Стоит дубов,

Вдруг чтой-то – бух!

В саму гущу-то, в саму жижу –

Не то груша, не то булыжник?

Молчит артель,

Язык отсох.

Аль сон-на-хмель?

Вдруг ктой-то: ох,

Братцы! Влас-Митрофан-да с Савкой!

Пропал благовест! пропал сплав-то!

Ох, пот-наш-труд!

Ох, звон-наш-сплав!

Типун-те-лют!

На глаз твой прав!

Да нацелившись, да всё враз:

– Типун, дурень, тебе на лев глаз!

Тут чаще пуль

В него артель:

– Ох ты, сосуль-

Орут-капель!

Кто ж эт'в слезу ронит!

Самовар ты аль рукомойник?

О -наш-цех!

Товар-наш-брак!

Добро б с орех,

А то – с кулак!

Ох ты дуб-дубрецкий-балка!

А дурище-то: «Мо – оскву жа – алко!»

– Врешь, каланча,

Мочить не смей!

Слеза, моча –

Одна мокредь.

Видно, мать-то твоя волчица!

..... – в котел мочиться!

Ох ты нахал,

Орут, негож.

Ревун напал –

Да где ж, да кто ж –

В самы сливки-то, в самы пенки!

– Ну и стал бы себе у стенки.

Хорош мужик!

Где встал, там льет!

Ай хряк? ай бык?

Да скот и тот –

Чтобы место свое впрядь ведал –

Самого тебя – слезе следом!

Глубок котел,

Сажень, быть, сто.

Молчит осел.

А волк – волк што?

Ничего себе носик черный.

Только шерсть у него вверх корнем.

И в переруб

– Умен – нишкни! –

«Он, может – дуб,

А вы так пни!

Да в такой-то слезе – врать буду? –

Серебра почитай с три пуда.

А ну к' старшой,

Взгляни в горшок,

Каков настой?

Каков борщок?»

Что ж эт', родные? что и эт' с сплавом?

А с сплавом – то, а с сплавом – так:

Чистое серебро черпак

Несет – затрясся черпачок –

Чистое серебро течет.

Остолбенел:

Столбняк – народ

Кто – мак, кто – мел,

А кого – в пот.

А волчище-то, хвосток трелью:

– Ну а и при ём подмастерье!

И весь урон-то ваш-изъян,

что будет звон ваш серебрян,

Один: мать честна! другой: сон чист!

Под образа б

Тебя, слона!

Ну и слеза,

Орут, жирна!

А волчок, аблакат занозист:

– Поглядел бы на наш колодец!

.....

.....

Вдруг ктой-то:

Да в ножки: бух!

Вались, родные, на всех хватит!

Да все разом вдруг: про – ости, братец!

Что енерал на площади

..... – а кругом бухают,

Проломанный картуз к груди,

Стоит Егор, звон слушает.

1928

НЕСБЫВАЮЩАЯСЯ ПОЭМА

Будущее – неуживчиво!

Где мотор, везущий – в бывшее?

В склад, не рвущихся из неводов

Правд – заведомо-заведомых.

В дом, где выстроившись в ряд,

Вещи, наконец, стоят.

Ни секунды! Гоним и гоним!

А покой – знаешь каков?

В этом доме – кресла как кони!

Только б сбрасывать седоков!

А седок – знаешь при чем?
Локотник, сбросивши локоть –
Сам на нас – острым локтем!

Не сойдешь – сброшу и тресну:
Седоку конь не кунак.
Вот о чем думает кресло,
Напружив львиный кулак.

Брали – дном, брали – нажимом –
Деда, вы ж – вес не таков!
Вот о чем стонут пружины –
Под нулем золотников

Наших... Скрип: Наша неделя!

...Треск:

В наши дни – много тяжёле
Усидеть, чем устоять.

Мебелям – новое солнце
Занялось! Век не таков!
Не пора ль волосом конским
Пробивать кожу и штоф?

Штоф – истлел, кожа – истлела,
Волос – жив, кончен нажим!
(Конь и трон – знакомое дело:
Не на нем – значит под ним!)

Кто из вас, деда и дяди,
В оны дни, в кресла садясь,
Страшный сон видел о стаде
Кресел, рвущихся из-под нас,

внуков?

Штоф, думали, кожа?

Что бы ни – думали зря!

Наши вещи стали похожи

На солдат в дни Октября!

Неисправимейшая из трещин!

После России не верю в вещи:

Помню, голову заваля,

Догоравшие мебели –

Эту – прорву и эту – уйму!

После России не верю в дюймы.

Взмахом в печь –

Развеществлялась вещь.

Не защищенная прежним лаком,

Каждая вещь становилась знаком

слов.

Первый пожар – чехлов.

Не уплотненная в прежнем, кислом,

Каждая вещь становилась смыслом.

Каждый брусок ларя

Дубом шумел горя –

И соловьи заливались в ветках!

После России не верю в предков.

В час, как корабль дал крен –

Что ж не сошли со стен,

Рущащихся? Половицей треснув,

Не прошагали, не сели в кресла,

Взглядом: мое! не тронь!

Заледеня огонь.

Не вещи горели,

А старые дни.

Страна, где всё ели,

Страна, где всё жгли.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Хмелекудрый столяр и резчик!

Славно – ладил, а лучше – жег!

По тому, как сгорали вещи,

Было ясно: сгорали – в срок!

Сделки не было: жгуций – жгомый –

Ставка óчная: нас – и нар.

Кирпичом своего же дома

Человек упал в пожар.

Те, что швыряли в печь –

Те говорили: жечь!

Вещь, раскалясь как медь,

Знала одно: гореть!

Что́ не алмаз на огне – то шлак.

После России не верю в лак.

Не нафталин в узелке, а соль:

После России не верю в моль:

Вся сгорела! Пожар – малиной

Лил–и ладогой разлился!

Был в России пожар – молиный:

Моль горела. Сгорела – вся.

* * *

Тоска называлась: ТАМ.

Мы ехали по верхам

Чужим: не грешу: Бог жив,

Чужой! по верхам чужих

Деревьев, с остатком зим

Чужих. По верхам – чужим.

Кто – мы? Потонул в медвѣдях

Тот край, потонул в полозьях.

Кто – мы? Не из тех, что ездят –

Вот – мы! а из тех, что возят:

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Возницы. В раненьях жгучих

В грязь вбитые за везучесть.

Везло! Через Дон – так голым
Льдом! Брат – так всегда патроном
Последним. Привар – несóлон,
Хлеб – вышел. Уж так везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом –
В ночь – выхаркнуты народом!
Кто – мы? Да по всем вокзалам..
Кто – мы? Да по всем заводам..

По всем гнойникам гаремным, –
Мы, вставшие за деревню,
За дерево..

С шестерней как с бабой сладившие,
Это мы – белоподкладочники?
С Моховой князья, да с Бронной-то,
Мы-то – золотопогонники?

Гробокопы, клополовы –
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
– Хорошо! хорошо!

Судомои, крысотравы,
Дом – верша, гром – глуша,
Это мы пустили славу:
– Хороша! Хороша –
Русь.

Маляры-то в поднебесьице –
Это мы-то – с жиру бесимся?

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Баррикады в Пятом строили –

Мы, ребятами.

– История.

Баррикады, а нынче – троны,
Но всё тот же мозольный лоск!
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.

Мрем от них. Под шинелью рваной –
Мрем, наган наставляя в бред.
Перестраивайте Бедламы!
Все малы – для российских бед!

Бредит шпорой костыль. – Острите! –
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья,
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам!

* * *

У весны – ни зерна, ни солоду,
Ни ржанных, ни иных кулей.
Добровольчество тоже голое:
Что, весна или мы – голей?

У весны – запрягать, так лешего! –
Ничего кроме места ввысь!
Добровольчество тоже пешее:
Что, весна или мы – дрались?

Возвращаться в весну – что в Армию
Возвращаться, в лесок – что в полк.
Доброй воли весна ударная,
Это ты пулеметный щелк

По кустам завела, по отмелям..
Ну, а вздрогнет в ночи малыш –
Соловьями как пулеметами
Это ты по палишь.

Возвращаться в весну – что в Армию
Возвращаться: здорово, взвод!
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый год.

Добровольцы единой Армии
Мы: дроздовец, вандеец, грек –
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый век!

Но первый магнит –
До жильного мленья! –
Березки: на них
Нашивки ранений.

Березовый крап:
Смоль с мелом, в две краски –
Не роща, а штаб
Наш в Новочеркасске.

Черным по́ белу – нету яркости!
Белым по́ черну – ярче слез!
Громкий голос: Здорово, марковцы!
(Всего-на́всего ряд берез...)

Апрель – май 1926

ПЕВИЦА

1

Лопушиный, ромашный

Дом – так мало домашний!

С тем особенным взглядом

Душ – тяжелого весу.

Дом, что к городу – задом
Встал, а пёредом – к лесу.

По-медвежьи – радушен,
По-оленьи – рогат.
Из которого души
Во все очи глядят –

Во все окна! С фронтона –
Вплоть до вросшего в глину –
Чтó окно – то икона,
Чтó лицо – то руина
И арена... За старым
Мне и жизнь и жильё
Заменившим каштаном –
Есть окно и мое.

А рубахи! Как взмахи
Рук – над жизнью разбитой!
О, прорехи! Рубахи!
Точно стенопись битвы!

Бой за су – ще – ство – ванье.
Так и ночью и днем
Всех рубах рукавами
С смертью борется дом.

Не рассевшийся сиднем,
И не пахнуций сдобным.
За который не стыдно
Перед злым и бездомным:

Не стыдятся же башен
Птицы – ночь переспав.
Дом, который не страшен
В час народных расправ!

В этом доме, ведомом

К из рук,
В этом призраке дома –
Жили бабка и внук.

.....

.....

2
И так как речь – о русских,
То будет быль – проста.
Внук был, конечно – грузчик,
А бабка, бабка – «ста

лет – как дождусь – так кончу
шить...» (жить не подсажи!)
У ней на счастье слончик
Стоит, глаза – свежи

И живы, руки – спросу
Ждут, всё-то ей – добро!
У той старушки – косы
Живое серебро!

А щеки – и с морозу
Таких не наживу!
Внук приходил с извозу.
Сажала бабка розу
– В саду – и на канву.

Но всё ж – не будем проще,
Чем жизнь – имущим зрак.
Внук был, понятно – возчик,
Но непонятно – как,

им будучи, сверх мочи
Трудясь за хлебный грош –
Был тот чернорабочий
Собой – как день хорош!

Хребтом – как тополь – статен,

Зрачком – как цвет – лучист,

Платком – как франт – опрятен,

Лицом – как месяц – чист,

Ну, просто – жить приятней,

В калитке повстречав.

И вовсе непонятно:

Как этот лебедь – шкаф

Несет?

З

Сидели – парой,

Кот разводил муры.

Сидели, ждали – пара,

А чайник ждал – поры

Своей. Почти что смеркся

День. Кот сидел, как гость.

Вдруг – потолок разверзся

И хлынул в келью – дождь

Нот! За пиджак! за кофту!

Так грянул, так хватил,

Что разом и спиртовку,

И душу затопил!

На ангельские звуки –

Что сделала чета?

Сложила бабка руки,

Внук приоткрыл уста...

И в яме той, в квартире

Посмертной – с дна реки –

Воздвигнуто четыре

Молитвенных руки –

Как с пальмами. В предзнаньи

Неотвратимых мук,

С пасхальными глазами
Сидели: бабка, внук –

Покамест лба и лица
Не поглотила тень.
То верхняя жилица
В дом въехавшая в день
Тот...

И стало у них как в церкви
В Светлый праздник, в речной разлив.
Стала бегать старуха к верхней,
Внуку – слова не проронив.

– Не наскучу и не нарушу,
Только рученьку Вам пожму!
Пойте, пойте! Ласкайте душу
Внуку бедному моему.

В нашей жизни – совсем уж дикой –
Вы – родник для него, магнит.
Как с извозу придет – так лику
Не умыв – в потолок глядит!

Да, великое Ваше дело!

За высокое Ваше Тà –
В ножки кланяюсь старым телом.
Молода была – тоже пела,
И – сама молода была!

4
Не ветхой лестницей, где серо
От дыма и пахнет ближним –
На крыльях голоса своего
Спустилась верхняя – к нижним.

В сие смешение пустыря
Со складом, костра – с затоном,

На круглом облаке ниспаря,
Как феи во время оно.

С той разницей, что у фей – из рук
Алмазы, для глаз – соблазны.
– «Мой внук любезный, – а это – друг
Заглазный: наш звук алмазный!»

Я знаю: вида читатель ждет.
Читатель, прости за смелость!
Условившись, что и нос и рот,
Все, все у нее имелось –

Не хуже нашего, это «все»
Смахнем, как с подушки волос.
Зачем певицыно нам лицо,
Раз вся она – только голос:

Невидимость! Раз видней всего
Нам небо – сквозь слезы градом!
От этого ль иль еще чего –
Но так и не поднял взгляда

От – и не отпитой чашки – внук
Вчерашний, жених навечный.
Как дева в зеркало, в чайный круг
Глядится, как в пруд зловещий

Глядится лебедь, и в нем гроза
Читает
(Немногим легче порой – глаза
На гостя поднять – чем руку!

И многим легче, конечно – шкаф
Дубовый!)

Сухих ли, влажных –
Но глаз не поднял и, не подняв,

Звезд не показал – алмазных.

5

Ветки тише, птицы тише,

Тише снежного куста.

Так стучат, чтоб не услышал

Тот, к кому стучишься (– та!).

Капли, падающей с крыши,

Быть услышанной – испуг.

Так стучат, чтоб не услышан

Был в сем стуке – сердца стук.

Врач – в ключицу,

Грач – в крупицу,

Страх – стучится,

Страсть – стучится...

Стук, дыханья осторожней.

– Дома? – Дома. – Можно?

– Можно.

Торс, виденья неподвижней.

– Это – я: сосед Ваш нижний.

К Вам от бабушки.

– Гвоздики

Жгут – как светоч вознеся:

– Ну, и тьма ж у вас! – Входите.

Лампы нет, а свечка – вся.

Первая пройду. Вы – следом.–

И наследным, деда – дедом

Вытянутым коридором,

Точно бредом, точно – бором,

Точно – бродом, точно – Рода

Сводчатым кровопроводом,

Несомненнее, чем глотом

Собственным, без оборота,

Без возврата, тьмы – агатом

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И базальтом – и гранитом...

В рот – монету

Взяв – за вход подземный –

плату –

Душ подземным водоемом

За Вожатую – ведомый.

Ну, а дальше? То ли дернул

Гвоздь за шалевый лохмот,

То ли просто коридорным

Ходом оказался грот –

Словом – стали:

Он – из стали

Вылитый, она – но шали

Кроме, да лезгинской тальи...

Поздно встали – всё проспали!

Не застали ничего!

(Если ж, позже, дочь – его

Именем – ее звалася –

Это только в память часа

Полного (Так помнит насыпь –

Розами.) никак не мяса –

Белого – иль смуглого!)

Губы – мела суше. Грушей

Спелой – пение лилось.

Пела – слушал. Тело – душу

Слушало – и слушалось.

* * *

Так с тех пор и повелось:

Что́ ни ночь – из тьмы наружной:

– Дома? – Дома. – Можно? – Нужно.

– Можно? – Можно. (Нежно, нежно...)

1935

АВТОБУС

Препонам наперерез

Автобус скакал как бес.

По улицам, уже сноски,

Как бес оголтелый неся

И тряся, как зал, на бис

Зовущий, – и мы тряслись –

Как бесы. Видал крупу

Под краном? И врозь, и вкúпе –

Горох, говорю, в супу

Кипящем! Как зёрна в стúпе,

Как вербный плясун – в спирту,

Как зубы в ознобном рту!

Кто – чем тряслись: от тряси

Такой – обернувшись люстрой:

Стеклярусом и костями –

Старушка, девица – бюстом

И бусами, мать – грудным

Ребенком, грудной – одним

Упитанным местом. Всех

Трясло нас, как скрипку – трелью!

От тряса рождался – смех,

От смеху того – веселье

Безбожно-трясомых груш:

В младенчество впавших душ.

Я – в юность: в души восторг!

В девичество – в жар тот щёчный:

В девчончество, в зубный свёрк

Мальчишества, словом

– точно

Не за город тот дударь

Нас мчал – а за календарь.

От смеха рождалась лень

И немощь. Стоять не в силах,

Я в спутнический ремень

Товарищески вцепилась.

Хоть косо, а напрямик –

Автобус скакал, как бык

Встречь красному полушалку.

Как бык ошалелый, мчался,

Пока, описавши крюк

Крутой, не вкопался вдруг.

...И лежит, как ей повелено –

С долами и взгорьями.

Господи, как было зелено,

Гóлубо, лазорево!

Отошла январским оловом

Жизнь с ее обидами.

Господи, как было молодо,

Зелено, невиданно!

Каждую жилую – как по желобу –

Влажный, тревожный, зеленый шум.

Зелень земли ударяла в голову,

Освобождала ее от дум.

Каждую жилую – как по желобу –

Влажный, валежный, зеленый дым.

Зелень земли ударяла в голову,

Переполняла ее – полным!

Переполняла теплом и щебетом –

Тáк, что из двух ее половин

Можно бы пьянствовать, как из черепа

Вражьего – пьянствовал славянин.

Каждый росток – что зеленый розан,

Весь окоём – изумрудный сплав.

Зелень земли ударяла в ноздри
Нюхом – так буйвол не чует трав!

И, упразднив малахит и яхонт:
Каждый росток – животворный шприц
В око: – так сокол не видит пахот!
В ухо: – так узник не слышит птиц!

Позеленевшим, прозревшим глазом
Вижу, что счастье, а не напасть,
И не безумье, а высший разум,
С трона сшед – на четвереньки пасть...

Пасть и пастись, зарываясь носом
В траву – да был совершенно здрав
Тот государь Навуходоносор –
Землю рыв, стебли ев, траву жрав –

Царь травоядный, четвероногий,
Злаколюбивый Жан-Жаков брат..
Зелень земли ударяла в ноги –
Бегом – донес бы до самых врат

Неба...

– Все соки вобрав, все токи,
Вооруженная, как герой...

– Зелень земли ударяла в щеки
И оборачивалась – зарей!

Боже, в тот час, под вишней –
С разумом – что – моим,
Вишенный цвет помнившей
Цветом лица – своим!

Лучше бы мне – под башней
Стать, не смешить юнца,
Вишенный цвет принявши

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
За своего лица –

Цвет...

«Седины»? Но яблоня – тоже
Седая, и сед под ней –
Младенец...

 Всей твари Божьей
(Есть рифма: бедней – родней) –

От лютика до кобылы –
Роднее сестры была!
Я в руки, как в рог, трубила!
Я, кажется, прыгала?

Так веселятся на карусели
Старшие возрасты без стыда:
Чувствую: явственно порусели
Волосы: проседи – ни следа!

Зазеленевшею хворостиной
Спутника я, как гуся, гнала.
Спутника белая парусина
Прямо-таки – паруса была!

По зеленым, где земля смеялась, –
Прежде была – океана дном! –
На парусах тех душа сбиралась
Плыть – океана за окоём!

(Как топорщился и как покоился
В юной зелени – твой белый холст!)
Спутник в белом был – и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем – толст!

Не разведенная чувством меры –
Вера! Аврора! Души – лазурь!
Дура – душа, на какое Пёру

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не уступалось – души за дурь?

Отяжелевшего без причины
Спутника я, как дитя, вела.
Спутницы смелая паутина
Прямо-таки – красота была!

И вдруг – огромной рамой
К живому чуду – Аз –
Подписанному – мрамор:
Ворота: даль и глаз

Сводящие. (В сей рамке
Останусь вся – везде.)
Не к ферме и не к замку,
А сами по себе –

Ворота... Львиной пастью
Пускающие – свет.
– Куда ворота? – В счастье,
Конечно! – был ответ

(Двойной)...

Счастье? Но это же там, – на Севере –
Где-то – когда-то – простыл и след!
Счастье? Его я искал в клевере,
На четвереньках! четырех лет!

Четырехлистником! В полной спорности:
Три ли? Четыре ли? Полтора?
Счастье? Но им же – коровы кормятся
И развлекается детвора

Четвероногая, в жвачном обществе
Двух челюстей, четырех копыт.
Счастье? Да это ж – ногами топчется,
А не воротами предстоит!

Потом была колода –
Колодца. Басня – та́:
Поток воды холодной
Колодезной – у рта –

И мимо. Было мало
Ей рта, как моря – мне,
И всё не попадала
Вода – как в странном сне,

Как бы из вскрытой жилы
Хлеща на влажный зём.
И мимо проходила
Вода, как жизни – сон...

И, утеревши щеки,
Колодцу:– Знаю, друг,
Что сильные потоки –
Сверх рта и мимо рук

Идут!..

* * *
И какое-то дерево облаком целым –
– Сновиденный, на нас устремленный обвал..
«Как цветная капуста под соусом белым!» –
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.

Этим словом – гуда громовее, чем громом
Пораженная, прямо сраженная в грудь:
– С мародером, с ворóм, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь, Боже, в сене уснуть!

Мародер оберет – но лица не заденет,
Живодер обдерет – но душа отлетит.
Гастроном ковырнет – отщипнет – и оценит –
И оставит, на дальше храня аппетит.

Мои кольца – не я: вместе с пальцами скину!

Моя кожа – не я: получай на фасон!
Гастроному же – мозг подавай, сердцевину
Сердца, трепет живья, истязания стон.

Мародер отойдет, унося по карманам –
Кольца, цепи – и крест с отдышавшей груди.
Зубочисткой кончаются наши романы
С гастрономами.

Помни! И в руки – нейди!

Ты, который так царственно мог бы – любимым
Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!) –
Неким цветно-капустным пойдешь анонимом
По устам: за цветущее дерево – мщу.

Апрель 1934 – июнь 1936

ПОЭМА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ
Фрагменты

1

..... ежевика,

Плети, плетень.

Возле люльки – глади-ка –

Вторая тень:

Грудь кумашная, шерсть богатая:

Нянька страшная, бородатая.

.....

Сапогом следит.

В колыбель – дитю

Бородой глядит.

– Свернись катышком,

Заткнись пробочкой!

А ну́, матушка!

А ну́, кровушка!

А ну́,!

А ну́, милушка!

Теки, кровушка,
Домой – в жилушки.

Так на сем тебе слове –
И крест и ключ.
(А еще не уймется –
Еще покличь!)

Ла – зорь,
Сни – игирь

2
И опять – стопудовым жерновом
Половина – какого черного?
– В голубые пруды атласные –
Часа – царствования – сплошь красного!
Настоящего Моря Красного!
От Ходынского Поля красного
До веселого и красивого
Алексея Кровоточивого
На последнюю каплю – щедрого!
Половина – давно ли первого? –
Осиянного и весеннего –
Часа – царствования – последнего
На Руси...

Не страшитесь: жив...

Обессилев – устав – изныв
Ждать, отчаявшись – на часы!
Спит Наследник всея Руси.

3
Аня с круглыми плечами,
Аня с пухлыми щеками
Сдобных булочек молочных,
Потолочных
Ангелочков.
Брови дугою,
Румянец до пуговок.

Между одной – и другою

И другом их

4

Вот – двое. В могучих руках – караван.

Проходят, кивают. И я им киваю.

Россия! Не ими загублена – эти

Большие, святые, невинные дети,

Обманутые болтунами столицы.

Какие открытые славные лица

Отечественные. Глаза – нашей Ани!..

Не плачу. Боюсь замочить вышиванье, –

– Зеленые ветки, Анютины глазки –

Для Матери здешней тружусь Абалакской –

Да смилостивится... С приветом и с хлебом

Давно уже скрылись, а всё еще следом

Киваю...

(И слезы на пальцы, и слезы на пальцы,

и слезы на кольца!..) О, Господи, сколько!

Доколе – и сколько?.. О, Господи, сжался

Над малыми сими! Прости яко – вору...

Сестре Серафиме – сестра Феодора.

5

Обитель на горе.

Молитва на коре.

Не знала та береза,

Дороги на краю,

Что в лютые морозы

Затем красу свою

– Сибирскую «корицу» –

Белила и спасала –

Чтоб русская Царица

На ней письмо писала

– За всё благодарю –

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Небесному Царю.

Не знала та дорога,
С березой на краю,
Зачем седобородый
Старик – ножом – кору
Срезал. – Чтоб в келье тесной,
Рукою домовитой,
Германская принцесса –
Славянскую молитву

Чертила на листке
Сибирской бересты.

О чем она просила,
Канавы на краю...
Молитва за Россию:
За родину – твою –

Мою... От мхов сибирских
По кипарисы Крыма:
За каждого злобивца –
И всё-таки любимца...

Тому, кто на Горе –
Молитва на коре...

Стояла та береза –
России на краю,
– За тын, за плен, за слезы –
За всё благодарю.

А если мало – плену,
А если много – тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: сына

Под кончиком пера

Коробится кора...

Стояла та Россия –

Обрыва на краю.

– И если скажешь – Сына...–

За всё благодарю,

* * *

Горит, горит береста...

Летит, летит молитва...

Осталась та береста

В веках – верней гранита.

1929 – 1936

Примечания

1

Звенящие, лопающиеся гроздья (фр.).

2

Да здравствует! (лат.)

3

На голубом Дунае (нем.).

4

О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность... Гёльдерлин (пер. М. Цветаевой).

5

Memento mori (лат.) – помни о смерти.

6

Т. е. вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита) (прим М. Цветаевой).

7

Здесь: память (лат.).

8

Juri – судья, Rührei – яичница-болтуня, национальное блюдо; Rühr uns nicht an – не дотрагивайтесь до нас (нем.).

9

«Человек, где ты?» (нем.)

10

«Я наг» (нем.).

11

NB! Лучше (примеч. М. Цветаевой).

12

Мой сын Георгий (Мур), родившийся в полный разгар мечты о Крысолове и первой главы его – 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, ровно в полдень, в безумную (последнюю!) вьюгу, в избе, в деревне Вшеноры, близ Праги. МЦ.

13

Ударение, как: Миргород, Белгород и пр. (примеч. М. Цветаевой).

14

«Завтра – тоже день» (нем.).

15

Burg – по-немецки крепость. МЦ.

16

Подразумевается: запах. МЦ.

17

Излишество вредно (нем.).

18

В меру! (нем.)

19

В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний (примеч. М. Цветаевой).

20

Убийца Коцебу (примеч. М. Цветаевой).

21

Позор! (нем.)

22

Бог! (нем.)

23

Сердечный, дорогой (нем.).

24

Хлеб (нем.).

25

В лето Господне (лат.).

26

Липами (нем.).

27

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Жареная баранина (нем.).

28
Обман и стыд! (нем.)

29
Квартет (лат.).

30
Будет дело! (фр.)

31
Умри и убей! (нем.)

32
В прошлом! (ит.)

33
Деньги – песок (нем.).

34
Неизвестен (нем.).

35
Дадим – слопают, жить – значит экономить... (нем.).

36
Утреннюю похлебку! (нем.)

37
Нежнейший тон (ит.).

38
Речь идет о детской песенке (фр.).

39
Между первым и вторым слогом перерыв (примеч. М. Цветаевой).

40
В последних четырех строках между первым и вторым слогом – перерыв.

Печь прочного образца!

Про – топится крепостца!

Все – тучки поразнесло!

Про – сушится бельецо!

(Примеч. М. Цветаевой.)

41
Гнездо (нем.).

42

Любимый (нем.).

43

Верую (лат.).

44

Священная семерка (нем.).

45

Темные кипарисы!

Мир чересчур весел.

и всё будет забыто (нем.).

46

Прах – славянское порох. (Примеч. М. Цветаевой.)

47

От нудить, существительное. (Примеч. М. Цветаевой.)

48

То есть: земля была как должна быть перед грозой земля. (Примеч. М. Цветаевой.)

49

Там – на Перекопе. Красными перекапывалась новь, белыми окапывалась бывь.
(Примеч. М. Цветаевой.)

50

Телец ласковый – Керенский. От долгого сидения – оглядывались, вспоминали.
(Примеч. М. Цветаевой.)

51

Шло – всё, шла – Россия, шли – все мы. (Примеч. М. Цветаевой.)

52

Четверостишие о Галлиполи – заскок в будущее. (Примеч. М. Цветаевой.)

53

То есть возьмет. Заскок в будущее. (Примеч. М. Цветаевой.)

54

То есть: тыщу бы верст покрыл, кабы шагал по шпалам, а не взад-вперед по валу.
(Примеч. М. Цветаевой.)

55

То есть – фактически – раз он всё время поворачивается – то вправо, то влево от него. Но есть еще и другой смысл: земля ханска и страна дивья еще не решили.
(Примеч. М. Цветаевой.)

56

Эту землю первый сказал Геродот, и вот она – имеющему уши – говорит его имя.

Поэмы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Примеч. М. Цветаевой.)

57

Всех не с винтовкой не в строю,

Всех: «моя хата с краю ведь:

Коли снаряд – так уж в мою!»

Вопль: отстояв – отстраивать.

(Примеч. М. Цветаевой.)

58

Многоточие, тире и перерыв строки – моя последняя проверка и окончательное утверждение.

И вот, двадцать лет спустя, повторяю: Христос на Руси в тот час укрывался за пазухой добровольца. Весь Христос – за тощей пазухой добровольца. Так было – и так будет – благодаря этим двум моим строкам. МЦ. Париж, 17 сентября 1938 г.

59

То есть: всем дают (NB! последнее) (Примеч. М. Цветаевой.)

60

NB! Вожáта вместо вожатого. (М. б. неоправданный) славянизм. Но мне нужно было именно это слово – и звук. (Примеч. М. Цветаевой.)

61

Это говорит не доброволец, а сказал бы доброволец если бы им быть перестал (перешел). (Примеч. М. Цветаевой.)

62

Глагол скрадывать: утаивать. (Примеч. М. Цветаевой.)

63

Жива ли уж – мать, жена, да жив-то ли – (деревенские) – он. (Примеч. М. Цветаевой.)

64

Подразумевается – наша власть. (Примеч. М. Цветаевой.)

65

Этим дано и оправдано его Высокопревосходительство. (Примеч. М. Цветаевой.)

66

Подразумевается: мечта наша (примеч. М. Цветаевой).

67

Весь отрывок от «К каждому хвостку» до «бак бензиновый» имеет дать надежду, которой обвешены самолеты: пуды надежд, которыми обвешен каждый самолет. (Примеч. М. Цветаевой.)

68

Здесь прожектор дан в виде добровольца (марковская фуражка). Вся главка Прожектор – только игра этого самого прожектора: света и тьмы. (Примеч. М.

Цветаевой.)

69

Подразумевается – говорю. (Примеч. М. Цветаевой.)

70

Бобрик (стрижка). (Примеч. М. Цветаевой.)

71

Руки любимой. (Примеч. М. Цветаевой.)

72

Явление солдата. Последующая фраза о необходимости еще раз вычистить пулеметы доказывает, что солдаты давным-давно уже всё знают. (Примеч. М. Цветаевой.)

73

NB! Моя любимая глава. (Примеч. М. Цветаевой.)

74

В тай – тайком (народное). (Примеч. М. Цветаевой.)

75

Опережение событий: где кто – после той травы – ляжет. Турецкий серп и сербский крест как символы смерти. (Примеч. М. Цветаевой.)

76

Надеюсь, что понятно, что:

– колоколами

– голубями

(Примеч. М. Цветаевой.)

77

Прошу без всяких знаков, ибо (прошу проверить) ни один не подходит. Это – скороговорка, имеющая дать вихрь. (Примеч. М. Цветаевой.)

78

На шее крест? прошу произносить (т. е. понимать) не: на шее – крест? а: на шее крест? То есть как будто бы следовало: имеется ли? (Примеч. М. Цветаевой.)

79

По свидетельству добровольца, с которого мой Перекоп писался, единственное чтение их все те сто дней было ворох казначейских дел. У моего добровольца – но это к делу не относится, а только так, к слову – была еще моя детская книжка стихов «Волшебный фонарь», с которой в кармане проделал все добровольчество – от первых дней Новочеркасска до последних Крыма. (Примеч. М. Цветаевой.)

80

Простонародное. (Примеч. М. Цветаевой.)

81

Ударение на и, вместо края. (Примеч. М. Цветаевой.)

82

То есть так же тихо, бесшумно. (Примеч. М. Цветаевой.)

83

Надеюсь, понятно, что – своими! (Примеч. М. Цветаевой.)

84

То есть буквой П. (Примеч. М. Цветаевой.)

85

Подразумевается: – творите. (Примеч. М. Цветаевой.)

86

Мною дословно, без малейшего изменения, взяты из записок моего добровольца, просто – списаны. Могу сказать почти то же о всем моем Перекопе, который писался так: слева – его тетрадь (крохотная, даже не тетрадь, а стопочка бумаги), справа моя – черновая, синяя, вчетверо большая. Если в моем Перекопе есть физические (фактические) ошибки – то виноваты стихи, из-за которых приходилось вводить посторонние делу понятия. И еще – моя безнадежная неизлечимая военная слепость. Писала вслепую, зная только чувства и ближайшие предметы. Писала как те – шли. (Примеч. М. Цветаевой.)

87

Видение (убитого) генерала Маркова, ведущего на Русь – «марковцев своих». (Примеч. М. Цветаевой.)

88

Шеломяном – курганом. В Слове о Полку Игореве – Русь уже за шеломяном. (Примеч. М. Цветаевой.)

89 Соколиная слободка начата 23-го января, кончена начерно 1-го марта 1928 г.
Медон

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!